

А. Мосеев

**«КРОКИСТЫ»
ПРОТИВ
СОЮЗНИКОВ**

*Посвящается
90-летию образования
контрразведывательных
подразделений России*

Александр Мосеев

«КРОКИСТЫ» ПРОТИВ СОЮЗНИКОВ

**Архангельская контрразведка
в период ленд-лиза**

Архангельск
2012

УДК 355/359+342.9(091)+94(47+57)+94(100)«1939/1945»

ББК 68.35(2)62-2+67.401.132Г(2)+63/3(2)622-2

М 81

Мосеев, Александр Евгеньевич

М 81 «Крокисты» против союзников. Архангельская контрразведка в период ленд-лиза / Александр Мосеев.— Архангельск : РУ ФСБ России, 2012.— 151 с.

ISBN 978-5-85879-809-5

ISBN 978-5-85879-809-5

© РУ ФСБ России, 2012

© ОАО «ИПП «Правда Севера»», 2012

Уважаемый читатель!

О самой страшной и кровопролитной войне в истории человечества написано немало. И, к сожалению, в последнее время находятся желающие пересмотреть итоги Великой Отечественной войны и забыть о миллионах жизней советских людей, заплаченных за Великую Победу.

Противопоставить кощунственным нападкам на светлую память о советском солдате-победителе можно только реальные факты, подлинные документы, воспоминания очевидцев тех далёких событий.

Сегодня мы готовы приподнять завесу тайны и рассекретить ряд архивных материалов, наглядно показать, что у помощи, которую оказывали союзники по антигитлеровской коалиции Советскому Союзу, к сожалению, была и обратная сторона, не умаляя при этом ни значимости военных поставок для фронта, ни героических заслуг английских и американских моряков, отдавших свои жизни, чтобы доставить такие необходимые для нашей общей Победы грузы.

Деятельность спецслужб – это особая тема. Здесь свои правила игры. Противоборство, повседневное противостояние разведки и контрразведки – это сложная, кропотливая работа, результаты которой строго засекречены.

Как бы то ни было, архангельские контрразведчики – «крокисты», как их тогда называли, осуществляли блестящие контрразведывательные мероприятия по противодействию шпионской активности английской и американской разведок, не давая своим оппонентам – представителям сильнейших спецслужб мира даже шанса для выполнения своих секретных миссий.

Надеюсь, что эта книга найдёт своего благодарного читателя. Она будет интересна всем, кому не безразлична история родной страны и её спецслужб.

*С уважением
генерал-майор С.Н. Стенура*

Предисловие

Мысль написать книгу о деятельности органов государственной безопасности во время войны пришла ко мне относительно давно.

В начале 90-х годов прошлого столетия я, молодой сотрудник одного из оперативных отделов Архангельского управления государственной безопасности, принимал участие в подготовке к празднованию очередного юбилея своего подразделения. В то время только-только появились любительские видеокамеры, использовать которые мы решили для создания небольшого фильма, рассказывающего в том числе и о ветеранах подразделения. С трудом договорились о встрече с несколькими заслуженными офицерами. Впоследствии, просматривая кадры видеозаписи, бросилась в глаза их скованность, нежелание рассказывать больше того, о чём задавались вопросы. Напряжённое ожидание подвоха, сухие ответы, отсутствие каких-либо подробностей – вот что нас ожидало. Лишь спустя какое-то время я понял первопричину такого их поведения. В тот период ещё не наступило время откровенно рассказывать о прошлом...

Отсутствие информации создаёт предпосылки к неверному трактованию любой истории. Желание заполнить белое пятно в истории противодействия органов безопасности советского Севера разведывательно-подрывной деятельности англо-американских разведчиков и агентов в период ленд-лиза и подвигло меня на написание этой книги.

Ушли из жизни многие ветераны, стёрлась людская память об ужасах прошедшей войны, «карманные» служители Клио услужливо переписывают историю на потребу правящим элитам. Не хочу вступать в дискуссии противников советской власти и её сторонников. Первые из которых считают, что без военных поставок из США и Англии СССР не смог бы выиграть войну, вторые – что роль этих поставок совсем несущественна. Оставим эти споры профессиональным историкам. Просто скажем союзникам спасибо, не преуменьшая и не преувеличивая их роль и значение. В памяти благодарных потомков навсегда останется память о минувших днях, о той помощи, которую оказали Советскому Союзу Британия и США, многое другое из того, что объединяло страны сложившейся в годы войны антигитлеровской коалиции.

Мне представляется, что актуальность книги обусловлена потребностью в научном изучении одного из самых героических и драматических периодов отечественной истории – Великой Отечественной войны, роли территориальных органов государственной безопасности в защите северных регионов России, упрочении социально-политической стабильности советского тыла.

История органов безопасности, как и история всего Советского государства, сложна и противоречива. Однако необоснованные оскорбления в адрес органов государственной безопасности Советского Союза в постсоветский период стали неизменным атрибутом, искажённое представление о роли чекистов во время войны декларируется на каждом углу. Эта книга основана в том числе и на неизвестных прежде архивных материалах, посвящена работе архангельских чекистов во время Великой Отечественной войны и позволит объективно оценить их вклад в общее дело победы над фашизмом.

ЛЕНД-ЛИЗ НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ

22 июня 1941 года в выступлении по радио премьер-министр Великобритании Черчилль, оставаясь на принципиальных антикоммунистических позициях, тем не менее, заявил: «...мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую сможем». Черчилль объяснил, что, помогая СССР, Англия спасает себя.

Через день, 24 июня, президент не воюющих тогда Соединённых Штатов Рузвельт объявил на пресс-конференции, что США также окажут помощь Советскому Союзу. Эта помощь начала давать осязаемые результаты после того, как в конце июля 1941 года в Москве побывал личный представитель Рузвельта Гарри Гопкинс, который доложил президенту, что русские сдаваться не собираются и фронт удержат.

Конкретный размер англо-американских военных поставок в СССР был определён на московской конференции представителей трёх держав 29 сентября – 1 октября 1941 года. Московский протокол предусматривал отправку в Советский Союз в течение ближайших 9 месяцев 3600 самолётов, 4500 танков, 12 700 пушек, сотни тысяч тонн различного оборудования, сырья, продовольствия, материалов.

7 ноября 1941 года Рузвельт объявил о распространении на СССР закона о ленд-лизе, предусматривавшего предоставление займы или в аренду военной помощи любой стране, «оборона которой жизненно важна для безопасности США». Курс некоторых вашингтонских политиков при этом был ясен. Его предельно откровенно сформулировал конгрессмен Госсет: «Разве не лучше дать денег России, чем отдавать кровь Гитлеру»¹.

Таким образом сформировалась в годы Второй мировой войны антигитлеровская коалиция стран, «большая тройка» которой – СССР, США и Великобритания – являла собой уникальный альянс стран с различными политическими системами, объединившихся против общего врага.

Со вступлением США в войну концепция ленд-лиза – системы оказания помощи США союзникам во Второй мировой войне – постепенно переросла в систему взаимопомощи, предполагавшую объединение ресурсов стран – участниц антигитлеровской коалиции. Советский Союз получал

помощь на принципах ленд-лиза также и от государств Британского Содружества. Экономические отношения между странами – участницами антигитлеровской коалиции регулировались соглашениями о взаимопомощи и оформлялись ежегодно продлеваемыми протоколами. В СССР до портов Архангельска, Мурманска и Молотовска (ныне Северодвинск) грузы по ленд-лизу доставлялись самым коротким, но и самым опасным путём северными конвоями – специальными формированиями транспортных судов и кораблей охранения.

Приведённые ниже цифры требуют уточнения, но, тем не менее, в среднем поставки союзников составили за годы войны 2% от объёма советского промышленного производства. За годы войны на Севере был проведён с Запада 41 союзный конвой в составе 738 транспортов. В их охранении участвовали 573 корабля союзников, а в зоне Северного флота для обеспечения конвоев сделано 548 выходов советских кораблей. Прибывшие транспорты доставили в Архангельск и Мурманск 4,2 млн тонн грузов. Убыло на Запад 726 транспортов в составе 36 конвоев, на которых было отправлено около 1,5 млн тонн экспортных грузов².

Необходимо отметить, что к началу 40-х годов XX века советский Север, и прежде всего нынешние Мурманская и Архангельская области, приобрёл важнейшее стратегическое значение. В первую очередь это объяснялось стремительно возросшим экономическим значением этого региона. В процессе геологоразведочных работ, проводившихся в конце 20-х – начале 30-х годов, там были открыты богатейшие месторождения апатита, нефелина, кианита, медно-никелевой и железной руды, слюды и других полезных ископаемых. В годы так называемых сталинских пятилеток был построен ряд крупных промышленных предприятий, в Мурманске и Молотовске – судоремонтные и судостроительные заводы, а в Архангельске – судостроительный завод и деревообрабатывающий комбинат.

Северные порты имели открытые выходы на океанские коммуникации, по которым осуществлялись международные перевозки. Значительно подняло значение портов Мурманска и Архангельска открытие и освоение Северного морского пути, связавшего их с Дальним Востоком. Крайнюю привлекательность использования Северного морского пути для советского руководства легко понять, если сравнить всего пару цифр. Для доставки грузов из Одессы на Колыму, с проходом через Суэцкий канал, судам требовалось преодолеть свыше 22 тысяч километров, а из Мурманска – всего 5200 километров. Уже в

1935 году началась коммерческая эксплуатация Северного пути. В плавании по нему участвовали 130 судов, и было перевезено 230 тысяч тонн грузов³.

Как только стало очевидным, что вскоре в Советский Союз начнут поступать грузы из Великобритании и США, сразу встал вопрос о маршрутах их доставки. Самым целесообразным являлся маршрут через Норвежское и Баренцево моря в Архангельск и Мурманск. Несмотря на то, что суда преодолевали этот путь за 10–14 суток, и близость северных портов к центру страны и фронту, у этого маршрута имелись существенные недостатки. Незамерзающий порт Мурманск находился всего в нескольких десятках километров от линии фронта и поэтому подвергался непрерывным ударам с воздуха. Архангельск, сравнительно удалённый от линии фронта, на несколько месяцев в году становился недоступным для судов из-за замерзания Белого моря. Сам маршрут от Британских островов Кольского полуострова проходил вдоль оккупированного норвежского побережья, где размещались германские базы ВВС и ВМС, и, таким образом, на всём своём протяжении находился под непрерывным воздействием сил флота и авиации противника. Тем не менее в решающий для нашей страны период 1941–1942 годов северное направление оказалось наиболее эффективным⁴.

В годы Великой Отечественной войны именно Север России был тем местом, где на практике осуществлялось взаимодействие союзников, где, делая общее дело, встречались представители стран антигитлеровской коалиции. И это были не блестящие дипломаты на раутах и конференциях, это достаточно широкие массы простых людей, включавшие в себя офицеров и матросов боевых кораблей, моряков торгового флота, работников Мурманского, Молотовского и Архангельского портов и, наконец, просто жителей городов Севера. Разумеется, между ними завязывались отношения, хотя порой довольно напряжённые, ведь надо учитывать, что встречались представители двух разных систем, практически разных миров, к тому же и советская, и западная пропаганда в предвоенный период не отличались дружелюбием по отношению друг к другу.

Но все идеологические барьеры были разрушены в годы войны стремлением к скорейшей победе над фашизмом, совместными боевыми действиями флотов при защите караванов, общим трудом моряков и портовых рабочих при разгрузке судов. Поэтому отношения, возникавшие в этот момент, были обусловлены, с одной стороны, желанием помочь русским, в одиночку ведущим борьбу почти со всей гитлеровской машиной, и благодарностью за эту помощь. А также стремлением вместе уничтожить ненавистного врага.

Для непосредственного решения проблем обеспечения караванов и организации взаимодействия союзников в СССР были направлены военно-морские миссии. В ходе консультаций между Британским адмиралтейством и наркоматом ВМФ было принято разграничение операционных зон, решён вопрос о базировании британских кораблей в базах советского флота, общие опознавательные сигналы.

Для работы с ними при штабе Северного флота был создан отдел офицеров связи, во главе которого стоял капитан 2-го ранга Н. Ригерман. Одновременно у финуправления НКВМФ были затребованы ежемесячно 200 рублей на представительские расходы. В наркомате был создан отдел внешних коммуникаций во главе с капитаном 1-го ранга В. Зайцевым.

Между штабом Северного флота и британской миссией установилось чёткое взаимопонимание. Англичане старались учитывать наши реальные возможности, а советское командование старалось выполнить их заявки в первую очередь. Для примера можно привести решение вопроса о базировании английских кораблей. Несмотря на нехватку причалов, для них была выделена лучшая стоянка, кроме того, они пользовались правом внеочередной заправки топливом. Вообще топливный вопрос стоял очень остро. Например, при обеспечении конвоя PQ-7 адмирал Головкин был вынужден отдать на корабли британского эскорта неприкосновенный топливный запас флота⁵.

За период войны 1941–1945 годов в Архангельский порт пришло около 500 транспортных судов союзников, преимущественно английских и американских, были среди них также суда под норвежским, датским и панамским флагами. Если принять численность экипажа на одном транспорте в среднем за 50 человек, то около 25 тысяч иностранных торговых моряков побывали в северных портах за это время. Плюс команды кораблей охранения, приходивших на рейды Архангельска и Молотовска, персонал военно-морских миссий и других представительств, постоянно находившихся в этих городах.

Иностранные моряки почти ничего не знали о Советском Союзе, и многие относились к нашей стране с предубеждением. Но оно быстро рассеивалось после стоянки их судов в наших портах. Экипажи не могли не видеть, с какой самоотверженностью работают портовики Архангельска и Молотовска. И они работали бок о бок с ними в трюмах у судовых лебёдок, на берегу. Вместе смотрели кинофильмы в портовых клубах. Простые люди быстро находили общий язык.

Лёд настороженности быстро таял, и причиной тому прежде всего была образцовая обработка иностранных судов в порту. Это признавалось капита-

нами почти всех иностранных транспортов. Например, в октябре 1942 года капитан американского парохода «Кемп-Файер» из каравана PQ-18 Генри Ф. Райан в письме на имя начальника Архангельского порта писал: «Я желаю воспользоваться случаем, чтобы благодарить Вас и Ваш руководящий состав за блестящую помощь и сотрудничество, оказанное моему судну во время разгрузки в порту. Я искренне желаю иметь быстрый переход в Соединённые Штаты и вернуться в Архангельск с новым грузом на помощь России». И таких отзывов было много.

Как пишет английский автор Николас Монсератт, автор ряда книг о конвойных переходах: «Арктические конвои подобны чудодейственному молоту, выковывывавшему совершенно новые людские характеры. Он сокрушает в пыль чванство, лицемерие, трусость, но из мало-мальски подходящего материала творит подлинных героев».

Содружество стран антигитлеровской коалиции, проявившееся в арктических конвоях, было скреплено тяжёлыми жертвами, отданными во имя общей победы. Маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «Мы искренне чтим память погибших английских и американских моряков, которые, невзирая на сложную морскую обстановку, на то, что на каждой миле их поджидала смертельная опасность, доставляли нам грузы, обусловленные договором по ленд-лизу».

Мы храним в нашей благодарной памяти многое из того, что объединяло наши страны. Благодарны за усилия, которые помогли нам сломать хребет гитлеровскому фашизму. И надо сказать, что о союзных конвоях и о том, как союзники по антигитлеровской коалиции оказывали помощь Советскому Союзу во время Второй мировой войны, написано немало, но то, что возможность официального пребывания в СССР активно использовалась ими в шпионских целях, известно лишь из архивных материалов спецслужб. И коль скоро архангельским чекистам приходилось решать многие вопросы, связанные с пребыванием американской и английской военно-морских миссий, следует рассказать и об этом.

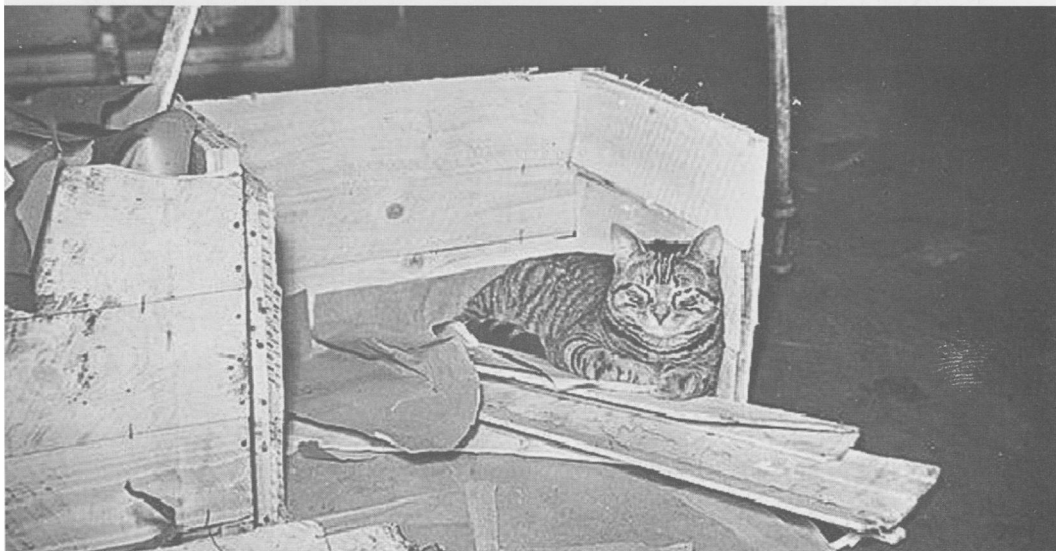
Группа советских и английских моряков на базе Северного флота, 1942 г.

Британские моряки на борту фрегата «Конн» (HMS Conn), одного из 21 фрегата сопровождения конвоев, после удачного похода – потоплено 5 немецких субмарин

Чернокожий моряк американского торгового флота (US Maritime Service), предположительно в машинном отделении транспортного судна

Кот Виски, талисман английского крейсера «Герцог Йоркский». Кошачьи были частыми питомцами и на военных, и на грузовых судах. Они не требовали забот, разряжали обстановку и боролись с грызунами. Вот этот кот был на борту крейсера и во время сражения с немецким крейсером «Шарнхорст», однако всё сражение он проспал

Разгрузка ящиков с самолётами (фотография из коллекции Артёма Драбкина)

Самолёты и танки по ленд-лизу

Разгрузка военной техники в Архангельском порту

Идет учёт ящиков, разгруженных с пароходов союзников

Американская тушёнка, запомнившаяся многим северянам

Моряки грузового судна на курсах зенитно-артиллерийской подготовки. Курс занимал три дня, такие образовательные автомобили оставляли в портах дожидаться следующего судна. На фото: моряки готовятся держать на прицеле близколетищие самолёты

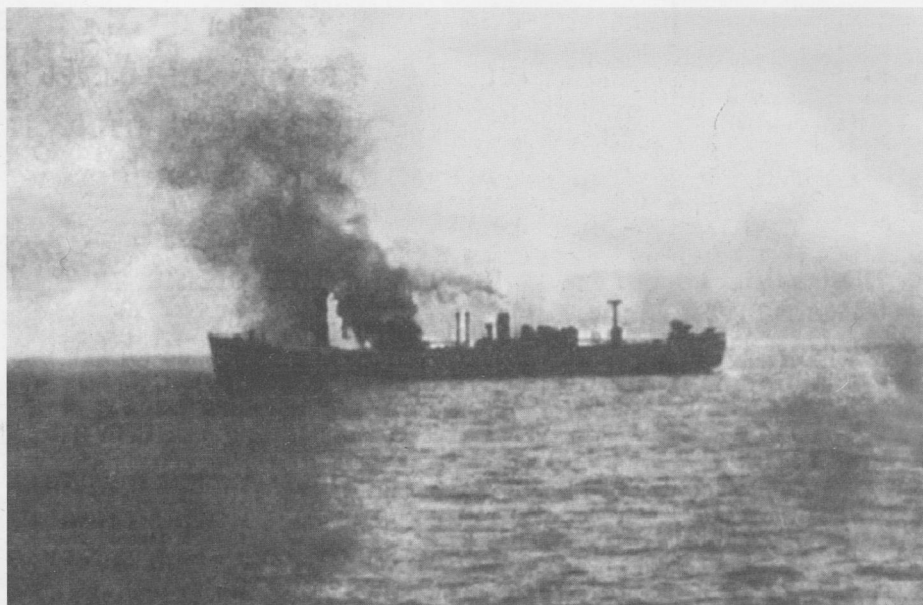
Орудийный расчёт одного из эсминцев Северного флота ведёт огонь по немецким самолётам

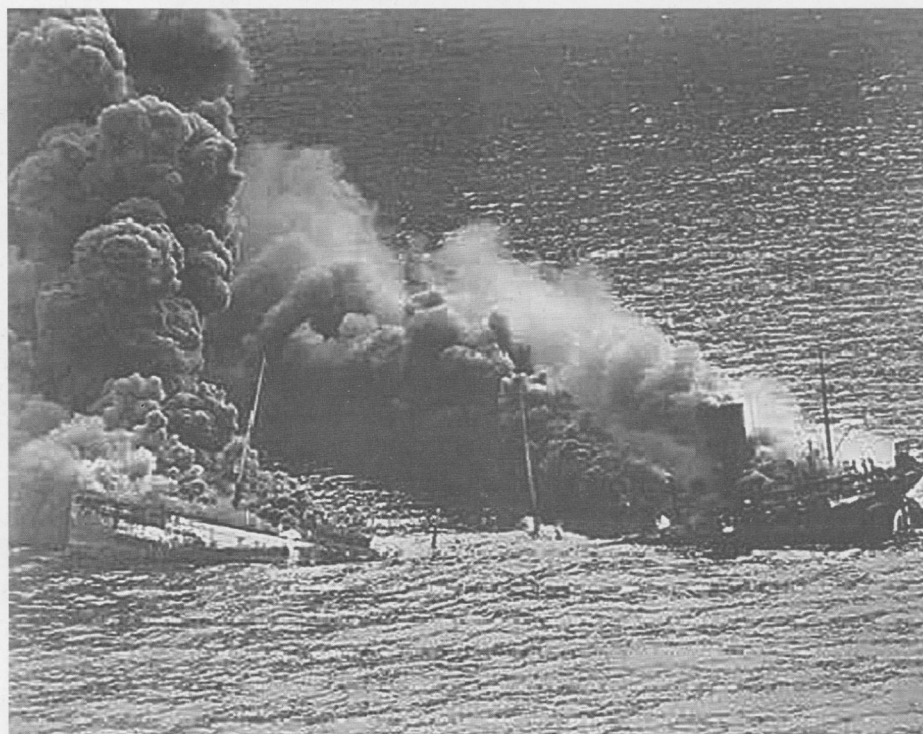
Минёры Северного флота обезвреживают мину

Северный флот. Расчёт зенитного пулемёта на боевой вахте

Горящий британский транспорт «Эмпайр Парсель», 27 мая 1942 г.

Горящий и тонущий транспорт

Транспорт «ДжерEMI О'Брин» – одно из судов типа «либерти»

Советский эсминец «Гремящий» на рейде Полярного, 1943 г.

АРХАНГЕЛЬСК – ГОРОД ПРИФРОНТОВОЙ

В середине XX века порт Архангельска, через который главным образом велась торговля лесом на экспорт, занимал одно из первых мест в мире по протяжённости причалов. Правда, и по своей ветхости он находился примерно на том же месте. Фактически порт делился на три района. Основная часть, называвшаяся Бакарицей, была расположена на левом берегу Северной Двины выше Архангельска по течению. Второй район находился ближе к устью реки и назывался Экономией. Остальная часть причалов располагалась уже прямо на берегу залива. Железнодорожных мостов через реку в городе не было, и связь осуществлялась только паромами. В 1939 году в Архангельске проживала 251 тысяча человек, город делился на четыре района, застроенных на 80% деревянными домами⁶.

22 июня 1941 года Архангельская область в числе других была объявлена на военном положении со всеми вытекающими последствиями. 14 сентября совместным решением бюро обкома ВКП(б) и облисполкома был создан Архангельский городской комитет обороны (АГКО), который в соответствии со сложившейся традицией возглавил первый секретарь обкома и горкома партии Г.П. Огородников. В него также вошли председатель облисполкома М.А. Огарков, начальник областного управления НКВД П.М. Мальков, командующий Архангельским военным округом генерал-лейтенант Т.И. Шевалдин и начальник гарнизона Архангельска генерал-майор В.Н. Мальчиков.

24 июня военный совет округа издал Постановление «Об обеспечении общественного порядка и оборонных мероприятий по Архангельской и Вологодской областям», в котором говорилось:

1. Возложить ответственность за выполнение Постановления о запрещении хождения граждан и движения транспорта в городах и населённых пунктах с 24 часов до 4.30 по г. Архангельску на начальника УНКВД, в районах области – на начальников райгортделов и отделений УНКВД.

2. Выдачу пропусков на проезд по железной дороге и водным транспортом по г. Архангельску – на секретариат УНКВД, по районам области – на начальников РГО УНКВД. Пропуска выдавать только в исключительных случаях.

3. В трёхдневный срок произвести регистрацию огнестрельного, в том числе охотничьего и спортивного, оружия у всех граждан. Нарезное оружие изъять у всех граждан. Виновных привлекать к ответственности. Следствие в 24 часа. Дела направлять в военный трибунал через 1-й спецотдел УНКВД.

4. В городах, промышленных пунктах, на пристанях, вокзалах и пароходах силами работников милиции производить проверку документов у лиц, вызывающих подозрение, и в случае необходимости производить их задержание для выяснения личности.

5. Лиц, виновных в распространении панических и провокационных слухов, нарушающих работу связи (телефон, телеграф, радиопоста), правил противовоздушной обороны (нарушение светомаскировки, правил пожарной охраны) и уклоняющихся от выполнения отдельных заданий (отказ от трудповинности, военных поставок и других постановлений военного командования), привлекать к уголовной ответственности с проведением обязательных арестов. Следственные дела на эту категорию лиц заканчивать в течение 24 часов с направлением следственных дел через 1-й спецотдел УНКВД – на рассмотрение военного трибунала.

6. Ввести строжайший паспортный режим. Привлекать нарушителей к строжайшей административной и уголовной ответственности⁷.

Война! Первая мысль у миллионов советских людей была: «На фронт, туда, где наши бьют фашистов!» Население страны свято верило в несокрушимую военную мощь Советского государства. Особенно популярный патриотический лозунг того времени: «Чужой земли не надо нам ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Верили – война будет короткой и, конечно, победоносной.

В одночасье в областном центре сложилась напряжённая ситуация. Архангельск, портовый город, с первого дня войны стал закрытым – ни въехать, ни выехать. Город оскудел, помрачнел. По пустым прилавкам закрытого рынка гулял ветер. Продукты населению выдавались по карточкам. Да и этот скудный паёк получали с опозданием – поезда с продовольствием застревали на путях, перегруженных воинскими эшелонами. Еду можно было достать только в окрестных деревнях, да и то не за деньги, а в обмен на какую-нибудь вещь.

Воздушные налёты, длинные очереди, нехватка еды, отсутствие нормальных условий жизни, перебои с электроэнергией, отсутствие коммунальных услуг и внимания к другим сторонам быта, а также ряд других ежедневных проблем стали суровым испытанием для населения Архангельска. В период

с 1941 по 1944 год здесь умерли 38 тысяч человек, половина из них простилась с жизнью в 1942 году из-за нехватки еды и цинги. Это особенно примечательно потому, что Архангельск был городом, который принимал в огромных количествах грузы продовольствия, приходявшие с судами союзников. Девиз «Всё для фронта!» свято выполнялся всем населением. Жизнь каждого пятого горожанина, умершего от голода и болезней, заплатил город за своевременно направленные на фронт ленд-лизские грузы, за построенные и отремонтированные корабли, за лес, целлюлозу, рыбу – всё то, что он мог дать стране. Жуткая статистика... Стране и партии нужна была «одна победа». Вместе со страной победой жил и Архангельск⁸.

Северный форпост занимал особое место в военно-экономической структуре Советского Союза и был постоянно под неусыпным контролем со стороны Государственного комитета обороны и Сталина.

В Великую Отечественную войну именно из Архангельска осуществлялась разнообразная и сложнейшая работа по координации деятельности военных и полувоенных формирований. Город превратился в центр, обеспечивавший надёжность уникальных конвойных операций по переброске из Европы техники, вооружения и продовольствия. В те годы Архангельский порт являлся крупнейшим в стране. Многократно возрос его грузооборот. Миллионы тонн военных и народнохозяйственных грузов, более половины из которых – стратегические материалы и вооружение, потоком шли отсюда вглубь страны.

В Архангельске был создан штаб по организации партизанского движения на территории Карелии. Тысячи горожан добровольно подали заявления о вступлении в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды – 40% призванных за годы войны архангелогородцев. Из добровольцев-северян были сформированы партизанские отряды «Полярник» и «Сталинец». 20 тысяч поморок стали участницами оборонных работ.

В Архангельске функционировали военные училища, готовившие офицерские кадры для фронта. Здесь был сформирован ряд воинских соединений, в их числе 88-я стрелковая дивизия (затем 23-я гвардейская). Создано авиаподразделение ВВС Северного флота, позднее это – 5-й отдельный полк ГВФ. В 1941 году образована в составе Северного флота Беломорская военная флотилия. Ее база и штаб находились в Архангельске.

Город стал подлинной госпитальной базой Карельского фронта. В Архангельске работало более 20 госпиталей. Благодаря архангельским медикам в строй вернулись десятки тысяч бойцов и командиров.

В Фонд обороны северяне передали около 132 млн рублей, облигаций государственных займов на 37 млн рублей, подписались на государственный военный заем на 560 млн рублей, отправили на фронт подарков на 6,1 млн рублей. На средства, собранные ими, были построены танковая колонна «Северный полярник» и авиационные эскадрильи «Трудящиеся Архангельской области», «Комсомолец Архангельска» и т. д. Жители области заботились о раненых воинах, помогали медперсоналу эвакогоспиталей. Гостеприимно встретили северяне свыше 80 тыс. человек, эвакуированных из разных мест страны, в том числе из блокадного Ленинграда⁹.

В эти страшные дни испытаний от каждого требовалась железная дисциплина, напряжение всех человеческих сил и здоровья, вера в победу. Периодические массовые проверки и облавы с привлечением к ним воинских частей, сотрудников милиции, бойцов истребительных батальонов стали необходимой мерой в городе. Так, массовая проверка с 6 на 7 ноября 1942 года выявила 143 человека, проживающих без прописки и с просроченными паспортами, до 40 человек без документов, 13 скрывающихся преступников, 13 человек с поддельными документами, 48 нарушителей правил учёта военнообязанных, 15 дезертиров. До этого враждебные элементы осенью и зимой 1941 года совершили несколько террористических актов, инициировали саботаж, дезертирство, а также подготовили групповой переход на сторону врага¹⁰.

Уже в первые месяцы войны немецкая и финская агентура активно засылалась во все районы области, но абсолютное большинство её групп направлялось в г. Архангельск, где они должны были собирать сведения о работе порта, установить, какие туда поступают грузы морским путем из Англии и Америки, а также корректировать действия немецких самолётов при их налётах на город. Только в августе—сентябре 1942 года Архангельск подвергался массированным налётам немецко-фашистской авиации, которая за этот период сбросила на город 100 фугасных и 20 тыс. зажигательных бомб.

Начальник штаба морских арктических операций К.С. Бадигин так описывал происходящее: «Послышались редкие выстрелы зениток, загрелись первые разрывы фугасных бомб... в разных концах города кострами горели сухие деревянные дома. Бомбы разворотили несколько домов справа и слева от здания штаба. Никакого укрытия у нас не было... Бомба упала в наш двор. Мы ждали взрыва, но фугаска не взорвалась».

Кроме взрывов бомб и пожаров, архангелогородцы с ужасом увидели, как в нескольких частях города, но в основном около ТЭЦ, в небо взвились сигнальные ракеты, пускаемые германскими агентами. Один из жителей города

рассказывал: «Вторая волна налёта с фугасными бомбами началась ночью. У хлебозавода одна за другой взлетали красные ракеты в направлении электростанции – это фашистские лазутчики указывали цель... С холодящим душу воем падали бомбы, тяжёлые взрывы сотрясали землю. От взрывной волны вылетали оконные рамы, на земле и в воздухе гудело»¹¹.

Зимой 1942 и весной 1943 года немцы значительно активизировали свои действия на море, и караваны союзников начали нести потери. В это же время увеличилась интенсивность забрасывания агентуры в районы Архангельской области, примыкающие к железной дороге и морским портам, вылазок финских лазутчиков, диверсионных актов в Архангельске и попыток их провести на промышленных предприятиях, в порту и на судах. Возникающие пожары во многих случаях стали прямым следствием этих действий¹².

1 сентября 1942 года в пустошах в районе станции Коноша была выброшена группа диверсантов из тринадцати эстонцев, служивших в финской армии. Надо отметить, что использование в качестве лазутчиков лиц прибалтийских национальностей, ненавидевших Советы, было очень разумным решением. В отличие от множества своих русских коллег, они скорее застрелились бы, чем добровольно сдались в плен.

В течение 1–5 сентября диверсионные группы также были брошены в Каргопольском, Приморском, Холмогорском и других районах Архангельской области, в основном вдоль железной дороги Архангельск–Вологда. Наиболее активно лазутчики действовали в Плесецком районе. Местность в огромном районе между Карелией и Тиманским кряжем по большей части являлась заболоченной тундрой, населённые пункты встречались очень редко. Всё это облегчало диверсионную работу и затрудняло работу контрразведчиков. Тем не менее все засылаемые агенты-парашютисты немецкой и финской разведок в конечном итоге были обезврежены.

В те годы северная окраина СССР была сильно «засорена» разведкагентурой союзников и стран фашистского блока. Город в устье Северной Двины имел крупный морской порт со складами, лесопильный завод и ряд военных объектов. Помимо потомственных поморов в Архангельске проживали ссыльные из бывших белогвардейцев, отпущенные на волю «враги народа» и граждане, сбежавшие в Северный край подальше от сталинских репрессий. В тесных комнатах частных домов и деревянных барачных ютились семьи польских беженцев и ссыльных «осадников». Перед началом Второй мировой войны вдоль всей границы с СССР польские офицеры запаса получили от государства земельные наделы и специально устроенные усадьбы-крепос-

ти, чтобы хозяева и наёмные батраки ружейно-пулемётным огнём отразили нападение агрессора, т. е. Красной армии. Многие паны ненавидели русских и советскую власть, поэтому охотно шли на вербовку иностранными спецслужбами.

Из воспоминаний ветерана контрразведки С.В. Гущина: «Советские, американские и английские транспортные суда доставляли в Архангельский порт военную технику, оборудование, одежду и продовольствие. В море за кораблями охотились вражеская авиация и субмарины. А в порту при налёте ночных бомбардировщиков немецкие пособники сигнальными ракетами и электрическими фонариками указывали места, где размещены самолёты, танки, одежда и провиант из Англии и США»¹³. Особенно запомнилось молодому сотруднику, как из горящего деревянного склада вытекала расплавленная... сахарная «река»!

Некоторые отечественные историки и политики не совсем корректно освещают события тех военных лет. Никто из современников не оспаривает трагический факт, что миллионы невинных советских и иностранных граждан томились в лагерях ГУЛАГа. Но следует признать и то, что среди них встречались реальные враги. Внешне Екатерина К. никак не подходила под широко разрекламированный нацистами образ чистокровной арийки. Женщина невзрачного вида, больше похожа на работницу российской провинциальной суконной фабрики. Но она родилась в Германии и была фанатичной сторонницей идеи национал-социализма. Поэтому в юности стала профессиональным сотрудником военной разведки. Чтобы попасть в нашу страну, вышла замуж за немецкого коммуниста и вместе с ним в 1933 году эмигрировала в СССР. После его смерти осталась жить в Союзе, работала поваром вагона-ресторана на транзитных пассажирских поездах. Десять лет не могли поймать неуловимую шпионку, которая собирала сведения об экономическом и военном потенциале южных областей СССР. Где-то в 1943 году военная контрразведка ликвидировала резидентуру, и Екатерина К. с фальшивыми документами подалась в Архангельск, там залегла на дно. Арестовали женщину после провалившейся попытки совершить диверсию на Архангельском лесокомбинате. (Она попыталась вывести из строя главный конвейер, по которому на лесопилку подавались стволы деревьев.) На допросах шпионка призналась Гущину: на «расстрельное дело» пошла из ненависти к стране, которая одерживала победу над фашистами.

В том же году в Архангельске чекисты накрыли агентурную сеть бывшего майора польского Генштаба. Между шпионами-соотечественниками и рези-

дентом английской разведки связной была юная полячка Юлия Д. Впоследствии оказалось, что за неё похлопотал дядя-генерал, который находился в СССР как эмигрант. После телеграммы с Лубянки архангельские сотрудники УНКГБ спешно «простили» шпионку, придели и под конвоем отправили к дядюшке в Первопрестольную¹⁴.

Из справки КРО УНКГБ Архангельской области по делу американской миссии: «19 ноября 1945 года Управлением НКВД Архангельской области при попытке бежать за границу был задержан Вуузе Оскар Мартынович, 1912 г. р., уроженец г. Бостон (США), эстонец, лицо без гражданства. Намеревался выехать в США на одном из иностранных пароходов, первоначально следующих в Англию. На задержанном обнаружено три пиджака и четверо брюк. При себе он имел: два фотоаппарата, жемчужные бусы, золотые и серебряные вещи, деньги в сумме 4587 рублей и некоторые другие ценности. Своё появление на иностранном судне объяснил тем, что якобы помогал иностранцам переносить вещи, а находившиеся у него ценности будто бы хотел продать иностранным морякам»¹⁵.

История этого персонажа такова. Летом 1939 года в г. Нью-Йорке отделением полиции Парк-авеню он был арестован за подделку векселя на 200 долларов. На девятый день ареста он, по его словам, был привезён к мистеру Тену, который предложил ему на выбор или ехать на 2 года в Эстонию в качестве наблюдателя и по окончании двух лет получить 5–10 тысяч долларов, или на 1–2 года попасть в тюрьму. Вуузе дал согласие, оформил соответствующую подписку и под номером 13 был записан в список секретных наблюдателей по Прибалтике. Осенью 1939 года он прибыл в Эстонию, где собирал разведывательные сведения. Во время войны уехал вглубь страны с целью дальнейшего выезда в Америку, где продолжал искать пути выезда за границу.

В ходе следствия выяснилось, что Вуузе прибыл в Архангельск в сентябре 1944 года с целью выезда за границу (на судне, отбывающем в Англию). Здесь он явился в американскую миссию, где имел беседу с офицером Зимни, который выдал ему одежду, устроил в гостиницу «Интурист», снабдил деньгами и продуктами, пристроил чернорабочим. Хорошие отношения у Вуузе сложились с сотрудником миссии Блендом. Никаких заданий Вуузе на данном этапе не давалось. Через некоторое время он почувствовал за собой слежку, тогда Бленд устроил его шофёром в английскую миссию. Проработал он там около месяца, но после этого срока был лишён водительских прав. Далее нигде не работал, жил недалеко от миссии. Денег ему не давали, но он

получал много продуктов и на это жил. Затем от Бленда получил задание познакомиться со всеми архангельскими эстонцами, прощупать их настроение и рекомендовать по окончании войны ехать в Эстонию. Наиболее надёжным разъяснить, что Эстония должна быть самостоятельна, и они за это должны бороться, а Америка их всегда поддержит. В момент ареста Вуузе должен был уехать с английской миссией в Англию, а оттуда в Америку. С этой целью он для отвода глаз оставил в номере «Интуриста» свой лучший костюм. С одним английским офицером отправил на имя своего двоюродного брата в Лондон все имевшиеся у него драгоценности, отдав их в день погрузки миссии на пароход, так как считал, что с его отправкой могут быть различные случайности. Следствие по делу О.М. Вуузе вёл следователь следственного отдела УНКГБ по Архангельской области лейтенант Гладышев.

К сожалению, архивные материалы не позволили проследить судьбу этого вражеского агента, однако то количество ценностей, которые он вывозил за границу, указывает на его меркантильный интерес в этих «шпионских» играх.

* * *

Исходя из того, что незамерзающий Мурманск находился под непрекращающимися ударами гитлеровской авиации, Сталин сказал, что «...использовать Архангельск трудно, но не невозможно, так как его ледоколы могли бы держать порт открытым всю зиму». Владивосток он считал опасным, так как «в любой момент он может быть отрезан Японией», а пропускная способность железных и грунтовых дорог в Иране недостаточна.

Итак, было определено основное направление морского грузопотока в 1941 году из Англии и США – порт Архангельск.

1 августа 1941 года в Архангельск прибыл английский минный заградитель «Адвенчюр», а вслед за ним и другие корабли союзников. Они доставили первые военные грузы. Англичане совершили плавание без особых тревог и без потерь. Немцы рвались к Кольскому заливу. Они мечтали как можно скорее овладеть Мурманском, и корабли, идущие в Архангельск, их пока мало интересовали.

Первый пробный конвой назывался «Дервиш». Конвой состоял из 7 транспортов, 2 крейсеров, 6 эсминцев и авианосца «Викториос». Он прибыл в Архангельск 31 августа 1941 года в 16 часов 40 минут. Было доставлено 10 000 тонн каучука, олова и 15 истребителей «Харрикейн» в контейнерах, а также 524 военнослужащих – лётчиков и наземный персонал британских военно-воздушных сил.

Прибытие транспортов было неожиданностью для Архангельского порта. Как потом выяснилось, военно-морские власти решили выгружать доставленные грузы своими силами и порт в известность не поставили. Произошла заминка. А груз военный – его ждали на фронте. Об этом чрезвычайном положении доложили в обком партии. Тогда по указанию первого секретаря П.П. Огородникова на причалы приехали секретарь обкома А.С. Буданов и начальник порта Г.И. Дикой. Они увидели матросов, стоявших возле союзных транспортов и не знавших, с чего начинать разгрузку, – военные моряки не были докерами. Вмешательство обкома партии решило дело. Выгрузкой судов стали заниматься работники торгового порта¹⁶.

В Архангельске работали днём и ночью. У причалов Бакарицы, в Экономии и Молотовске спешно разгружали транспорты, уцелевшие в конвоях. Из трюмов краны доставали танки, контейнеры с самолётами, пушки, укладывали их на железнодорожные платформы. Всё немедленно шло на фронт. А гружёные суда всё прибывали и прибывали.

В городе порой скапливалось до 1200 иностранных моряков. Для раненых и больных город предоставил резервный госпиталь, оборудованный в здании «Северолеса». Однако этого оказалось мало, под второй госпиталь приспособили школу № 4. Моряки находились на особом продовольственном снабжении. Горожане делились последним куском хлеба с потерпевшими бедствие.

Вспоминает английский моряк Эрл Картер: «Поскольку в Архангельске было намного больше вещей, на которые можно было потратить свои деньги, то я старался выбраться туда при любой возможности. Здесь можно было купить книги или ещё что-нибудь. Хотя русские платили за проезд несколько монет, нас зачастую освобождали и от этого. Стоило им узнать, что вы американский или британский моряк, доставивший в Советский Союз столь необходимый груз, как они начинали вам улыбаться, жать руки и хлопать вас по плечу. Стоило возникнуть вопросу о плате за проезд, как они тотчас начинали махать руками, как будто старались показать, что об этом совершенно не стоит беспокоиться. Так что мы обычно ездили на трамвае бесплатно.

В Архангельске была очень симпатичная гостиница “Интурист”. Мне там приходилось останавливаться. Цены здесь были низкими. Четверо ребят могли взять номер на выходные, и это обходилось в полтора-два рубля с каждого. Кофе здесь не было. Я нигде его не видел, но зато здесь можно было выпить чая, поесть горячего густого овощного борща и отведать мяса неопределённого происхождения. Не могу с уверенностью сказать, что это было за мясо, но это было именно оно. Чёрный хлеб, несомненно, был хорош. Здесь также подавали масло»¹⁷.

Рассказывает Блейк Хьюз: «Конечно, существовал языковой барьер и барьер уровня жизни, но мои люди и я сам обнаружили, что русские очень дружелюбны. Они хотели сделать наше пребывание в России по возможности приятным. Условия в Международном клубе в Архангельске и Морском клубе в Соломбале были сносными. Там устраивались танцы, концерты, крутились кинофильмы. А если у вас хватало смелости, вы могли посещать уроки русского языка. Я несколько раз посещал Морской клуб, и каждый раз кто-нибудь старался помочь мне провести время повеселее».

Своими впечатлениями делится англичанин Смит Питер Ч.: «22 октября 1942 года в городском театре была организована встреча американских, английских и советских моряков. Её целью, как объяснил председатель Архангельского горсовета, было “сплочение моряков союзных держав”. Известный исследователь Арктики Папанин произнёс большую речь. Он высоко оценил мужество моряков, которые с боем провели конвой, и выразил глубокую благодарность за доставленные вооружение и технику. Папанин заявил, что это оружие уже доставлено на фронт и используется в боях против немцев. Он подчеркнул, что России требуется всё больше и больше оружия и военных грузов. Вдоль сцены были развешаны портреты Рузвельта, Черчилля и Сталина, украшенные флагами трёх держав. В конце речи были сыграны национальные гимны. Вечер получился запоминающимся».

Из воспоминаний капитана 1-го ранга Монда: «Можно смело сказать, что на берегу в Архангельске в сентябре и октябре 1942 года союзники сумели наладить сотрудничество. Все чувствовали, что делают общее дело. Эта уверенность стала особенно прочной, когда дела на Восточном фронте пошли плохо. И отношения между союзниками стали ухудшаться, как только русские начали добиваться успехов. Но в октябре 1942 года все русские начальники, даже самые высокие, просто излучали тепло и дружелюбие»¹⁸.

«В период ленд-лиза в Архангельске действовали английская и американская миссии, призванные обслуживать моряков-союзников. Иногда на причалах порта одновременно обрабатывалось 2–4 иностранных судна, и на берег одновременно выходили до 150 иностранных моряков, а развлечения в Архангельске были крайне ограничены. В городе действовали два кинотеатра, драматический театр с сокращённой по военному времени труппой и филармония, в которой изредка выступали гастролёры, иногда весьма именитые. Дважды в Архангельске гастролировали Давид Ойстрах, Яков Флиер и несколько раз приезжала Петрозаводская оперетта, в составе которой были известные артисты, эвакуированные из блокадного Ленинграда»¹⁹.

Местное население в целом относилось к американским и английским морякам с симпатией, как к союзникам. Однако не обходилось без эксцессов в виде хулиганства и более тяжёлых преступлений со стороны моряков, а также спекуляции мелкими предметами иностранного производства, в которой были задействованы как иностранные, так и советские граждане, и мелких преступлений со стороны местного населения (наиболее распространено было обворовывание иностранных моряков подростками-карманниками).

Как правило, англичане по сравнению с американцами вели себя более высокомерно и нахально, допуская хулиганские выходки по отношению к советским гражданам.

«Так, например: в мае месяце текущего года (1944) англичане пустили электрический ток в проволоку, натянутую над забором английской миссии. Некий подросток ЛОБАНОВ, пытавшийся похитить сложенные во дворе миссии консервы, коснулся проволоки и под действием электрического тока не мог от неё освободиться. В такое же положение попал милиционер КУЛЕШОВ, намеревавшийся оттащить мальчика от проволоки. Вышедшие на крик англичане смеялись над ними и лишь по истечении 15–20 минут приняли меры к их освобождению от действия тока. Материал об этом случае находится в НКВД»²⁰.

Иностранцы, в первую очередь англичане, завязывали широкие связи с местными жителями, преимущественно с женщинами, со многими из которых сожительствовали, подкупая их различными подарками, главным образом продуктами питания. Когда уговоры и продуктовые подачки на девушек не действовали, моряки зачастую избивали их и насильничали, ссорились и дрались они и между собой.

«Москва НКВД СССР тов. ФЕДОТОВУ. От зам. начальника УНКВД АО капитана ГБ М. Калининского от 31 октября 1942 г.

<...>

Со стороны иностранных моряков, находящихся в гор. Архангельске отмечены факты нарушений общественного порядка, хулиганских проявлений и спекуляция, так например <...>

Также имеют место факты со стороны иностранцев нарушения пограничного и портового режима, скрытие при просмотрах судов оружия и фотоаппаратов. Так 24 сентября с. г. у проживающего в гостинице “Интурист” американского матроса ЭЙКРИ ФИЛЬ с парохода “Кристов-Нью-

порт” был изъят револьвер, которым он будучи в пьяном состоянии угрожал обслуживающему персоналу гостиницы.

Скрытыми при досмотрах фотоаппаратами, англичане фотографируют интересующие их объекты гор. Архангельска. <...>

В общественных местах города; Интерклубе, ресторанах, кино и театрах имеют место частые драки между английскими и американскими моряками и особенно с приходом 18 каравана.

28 сентября с. г. в интерклубе произошла большая драка с применением холодного оружия между группой английских моряков с американцами ЭД-ГОР ГУДЖОНСОН 23 лет и АЛЬБЕРТОМ СИМУДСОН 22 лет.

Аналогичная драка произошла 1 октября с. г. на рынке гор. Архангельска между английскими и американскими моряками.

11 октября с. г. на лесозаводе № 25 в г. Архангельске иностранные моряки Паркинсон Сидней, Смас Фегенсон и Ломб Эдуард с парохода “Глинер” зашли в квартиру гр-ки С-ой Марии и Ф-ой Марии и в грубой форме стали приставать к последним пытаясь склонить их к сожигательству, когда С-ва и Ф-ва возмущённые стали выгонять иностранцев, последние уходя из квартиры похитили ридикюль с деньгами, документами и хлебными карточками. Эти же моряки у гр-ки Б-ой Марии похитили часы.

Хулиганских действий со стороны советских граждан по отношению к иностранцам не зарегистрировано.

С 31 июля по 1 октября с. г. за нарушение Постановления Военного Совета было задержано иностранцев 41 человек»²¹.

Интересны для читателей воспоминания знаменитого кинорежиссёра Алексея Юрьевича Германа, во время войны эвакуированного с семьёй в Архангельск. С ностальгией он описывает в своём интервью обстановку того времени: «“Интурист” был набит иностранцами, так называемыми потопленцами – теми, кто шёл в конвоях и чьи суда потопили немецкие подводные лодки. Эти моряки ни за какие деньги не соглашались возвращаться домой через Норвегию – ждали, когда их отправят через Владивосток. Это были самые невыносимые люди разных национальностей (вплоть до диковатого вида малайцев), они ходили на высоких каблуках, с гитарами, и все спекулировали. Наши смотрели на них сквозь пальцы – только бы убрались.

Очень интересно вели себя американские офицеры, которые, возможно, геройски проявляли себя в бою. Но было забавно видеть в открытую дверь

номера: два мешка, стол, стакан – и американец, в военной форме, продаёт крупу, сахар. Чуть-чуть дешевле, чем на базаре.

Должен вам сказать, к стыду своему, что я содействовал – в миллиметровых дозах – распространению русского мата. У меня был товарищ, Вовка Масленников (мне пять лет, он постарше), сын директора “Интуриста”. Мы с ним за подношение в виде, например, жевательной резинки учили американских матросов ругаться по-нашему. Они очень хотели научиться...»²²

В Архангельске в 1943 году сигнальщики Лен Таки и Холлидей в перерывах между работой выпускали стенную рукописную юмористическо-сатирическую газетку «Неправда». Остряки точно подмечали существующие порядки: «Из нашего долгого почтового ящика. Вопрос: господа, как вы считаете, найдётся ли место для ещё нескольких друзей и родственников за обеденным столом в вашем общежитии на ул. К. Маркса? Ответ: разумеется, мы готовы обедать во дворе, чтобы им досталось больше места в бардаке».

А как вам такое «объявление»: «Море счастья в океане мира. Проведите свой отпуск в Архангельске! Архангельск как реален, так и нереален, он смесь того и другого. Красивейшие девушки, изысканные рестораны, золотые пески, а воздух единственный в своём роде во всём мире – сладкий и свежий. Познакомьтесь с достопримечательностями вместе с отделением Ассоциации христианской молодёжи, слившись в радостном союзе. Вы будете потрясены! За подробностями обращайтесь к вербовщику на военную службу. Сделайте это БИСТРА!»

Газета веселила упавших порой духом союзников, не привыкших ещё к русскому быту. Позволю также привести в «мягком» переводе на русский цитату из песенки, сочинённой талантливыми издателями:

Долбанные кости долбано ноют –
Ни приличного трамвая, ни долбаного автобуса.
Никому нет дела до долбанных нас
В долбаном старом Архангельске.
По долбаным тротуарам трудно ходить –
Долбано-деревянным и долбано-скользким.
Долбано ступишь – перелом спины
В долбаном старом Архангельске.
Когда придёт конец этой долбаной войне
И победа будет нашей окончательно,
Мы, британские парнишки, радостно сбежим
Из долбаного старого Архангельска!

И так далее и в том же духе. С «Неправдой» никто не боролся. Просто попросили свои же старшие офицеры из вежливости к русским прекратить выпуск. Ребята попались послушные, перестали ёрничать²³.

* * *

В августе 1941 года начальником УНКВД был назначен майор госбезопасности Павел Михайлович Мальков, который сменил на своём посту В.Г. Почтовского. Замена произошла по инициативе обкома партии, который в ходатайстве Наркому внутренних дел Берии характеризовал Почтовского как невыдержанного, грубого, зазнавшегося человека, огульно охаивающего работников Управления и периферийных подразделений и несработавшегося со своими заместителями по госбезопасности и милиции. Мальков прибыл в Архангельск почти одновременно с уполномоченным ГКО Иваном Дмитриевичем Папаниным, с которым был знаком ранее. Жалобы союзников на задержки при обработке судов и угрозы ограничить поставки возымели своё действие. При организации своего штаба в Архангельске Папанин обратился к начальнику областного Управления НКВД Малькову с просьбой направить к нему энергичных деловых офицеров в качестве инспекторов уполномоченного ГКО, которые могли бы быстро решать вопросы на отдельных участках и держать фронт работ под постоянным контролем. Такая помощь была оказана, выделенные офицеры связи, прикомандированные к штабу уполномоченного ГКО, дежурили круглосуточно, сумели быстро и со знанием дела вникнуть в самую суть проблем.

По воспоминаниям Папанина, из НКВД прислали офицера по железнодорожным перевозкам старшего лейтенанта Владимира Витоженца – «я хорошо знал его по финской кампании. Владимир был полон кипучей энергии, мог без сна и отдыха работать по нескольку суток подряд, и я поручил ему вести все вопросы железнодорожных погрузок и перевозок. Витоженец был железнодорожником по профессии и поэтому работал с полным знанием дела. Из Особого отдела флота ко мне пришли три офицера: Виталий Андреев, Василий Евграфов и Василий Соловьёв. Это были люди, тоже обладавшие самым ценным качеством – умением быстро и точно вникнуть в самую суть дела. Я закрепил их за разными участками порта. Из штаба военного округа к нам были прикомандированы офицеры связи»²⁴.

Постоянно общаясь с руководством УНКВД и особых отделов Архангельского военного округа и Беломорской военной флотилии, Папанин подчёркивал: «В вашу епархию не вторгаюсь, но будем работать в тесном контакте.

Ваша задача – обеспечивать безопасность грузов. Это не менее важно, чем доставить его до порта и разгрузить. Далее предстоит не менее опасный путь – от разгрузки до доставки на фронты. Выражаю уверенность, что контрразведчики области, округа и флотилии выполняют эту задачу с честью, но не сомневаюсь, что это будет настоящая битва за грузы».

Появление в порту судов с военной техникой означало, что враг всеми силами будет стремиться взорвать ситуацию. 6 ноября начальник Управления НКВД Мальков издаёт приказ: «Перед чекистами Управления НКВД стоит величайшая задача обеспечения государственной безопасности в тылу, беспощадной борьбы со шпионами, диверсантами, всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями ложных слухов и организовать так охрану наших предприятий, чтобы ни один враждебный лазутчик не мог туда проникнуть. От каждого чекиста требуется напряжение всех сил, честное отношение к работе, высокая дисциплина и организованность. Не может быть места в наших рядах лицам, проявляющим в своей работе беспечность и нарушающим партийную и служебную дисциплину. (За период с 22 июня по 1 ноября 1941 года из числа работников милиции подвергнуты административным взысканиям 36 человек и отдано под суд военного трибунала 4 человека). В дальнейшем за проявление беспечности и халатности в работе, нарушение служебной дисциплины виновные будут предаваться суду военного трибунала»²⁵.

Кроме обязанностей и задач, изложенных в приказе, оперативным работникам Управления пришлось бороться с хищениями в порту, беспечностью и разгильдяйством, допускаемыми отдельными руководителями и работниками предприятий водного и железнодорожного транспорта, служебными преступлениями и умышленными действиями, наносящими ущерб обороноспособности.

Проблемой стало хищение импортных грузов, на которую нельзя было не обращать внимание. Эти факты серьёзно компрометировали наших людей в глазах союзников. Хищение груза имело место как в портах, так и в пути следования. В основном это были продукты питания, а также такие предметы, как ручные фонари, батареи к ним, лампочки для фонарей, различный инструмент, наружные зеркала машин-локаторов и другой мелкий груз. В ряде случаев бригады грузчиков сами передавали в руки милиции людей, допустивших хищение груза. Вскоре военизированная охрана была заменена промохранимой войск НКВД и пограничными войсками, которые по первому требованию представителей военной приёмки выставляли посты для охраны

ценных грузов. Изменилась не только охрана военных грузов, но и отношение к ней со стороны военных и гражданских властей. Она приобрела значение первостепенной государственной важности. Отдельные недостатки выявлялись и жёстко пресекались всеми контрразведывательными подразделениями УНКВД, АВО и БВФ. 15 сентября 1941 года было образовано Архангельское водное отделение Транспортного управления НКВД СССР с подразделениями в Молотовске, Онеге и Мезени, основной задачей которого была оперативная работа на судах морского и речного пароходства, а также непосредственно в районах порта, на пристанях и причалах.

К строительству причалов, железнодорожных путей к ним, ограждений участков порта привлекался контингент заключённых лагерей и колоний области. По недомыслию, преступной халатности, а возможно, и с целью вызвать недовольство охраны и заключённых, администрация отдельных лагпунктов не только не стремилась к улучшению бытовых условий, но и ничего не делала для этого. Начальник УНКВД Мальков пришёл в ужас от состояния в лагпункте № 3 на Бакарице. Исправить положение могли только жёсткие и решительные меры, и они принимались. Первым шагом к этому стал приказ от 1 ноября 1941 года: «...Начальника лагпункта № 3 УИТЛ Василевского И.К. за бездеятельность и развал работы на лагпункте, за антисанитарное его содержание, за бесчувственное и нечеловеческое отношение к здоровью заключённых, в смысле их содержания, арестовать на 15 суток без исполнения служебных обязанностей, по отбытию наказания из органов НКВД уволить. Предупредить комвзвода Овчаренко о его плохом руководстве отделением стрелков на лагпункте и несоздании стрелкам бытовых условий и контроля за несением постовой службы. В общежитиях невыносимые условия холода, часть заключённых спят на столах, кипятком заключённые не обеспечены. Снабжение дров не урегулировано, заключённые растаскивают доски со складов Архангельского порта. Внутренний распорядок, пропускная система, дежурство в будках организовано преступно. Светомаскировка не соблюдается. Среди заключённых развито воровство имущества порта и пункта. Значительное место занимает воровство предметов одежды и продуктов. Многие транспорты простаивают в порту из-за указанной неорганизованности и прямой вины руководства лагерного пункта»²⁶.

Разгрузка пароходов с военными грузами стала такой же боевой задачей, как несение охраны и патрулирование. Из приказа от 22 октября 1941 года УНКВД «О разгрузке пароходов бойцами истребительных батальонов»:

«Для срочной разгрузки прибывших в Архангельский порт пароходов с военным грузом

ПРИКАЗЫВАЮ:

Командирам Ломоносовского и Октябрьского истребительных батальонов, 23 сего октября к семи часам утра вывести в Архангельский порт Воскресенский ковш по сто бойцов. Бойцам объявить о том, чтобы они по возможности захватили с собой на один день хлеба»²⁷.

В другом приказе начальника УНКВД от 27 октября 1941 года объявлялось: «Коллектив чекистов Управления НКВД, милиции и других подразделений, участвуя 19 октября на работе по выгрузке и погрузке материалов для нужд обороны страны, показал среди коллективов города организованность, высокую производительность труда и выполнил большую работу по быстрейшему обеспечению фронта необходимыми материалами».

Вражеская авиация регулярно совершала массированные налёты на Архангельск и Молотовск. Объектами бомбометания, несомненно, были железнодорожная станция, левый берег, порт Бакарица, нефтебаза, электростанция, Дом Советов, здание Управления НКВД. Во время бомбёжек контрразведывательными органами было задержано несколько групп заброшенных Абвером диверсантов, которые должны были воспользоваться возникшей паникой и усилить эффект бомбёжек диверсионными взрывами, а также указывать цели бомбометания с помощью ракет и сигнальных фонарей. Фашистские самолёты сбрасывали бомбы не только на порт, производственные и жилые строения, но и минировали судовой канал.

подавляющее большинство заброшенных на территорию Архангельской области диверсионно-разведывательных групп не смогли выполнить данных им заданий, так как своевременно раскрывались советскими контрразведчиками, а во многих случаях диверсанты сами отказывались от выполнения заданий и добровольно приходили с повинной. Контрразведывательные органы разработали систему предупредительных и заградительных мер по предотвращению проникновения шпионов и диверсантов на военные и промышленные объекты, железнодорожный и водный транспорт, узлы и линии связи. Это позволило в течение всей войны осуществлять переброску боевой техники, вооружения и стратегического сырья, поступающих от союзников, на главные направления фронта и предприятия военной промышленности.

В указах о награждении боевыми наградами и медалями портовиков, моряков и железнодорожников от 2 мая 1944 года и 2 декабря 1945 года много имён сотрудинок областного Управления госбезопасности и отделов БВФ

и АВО. Среди них: полковник С.И. Плещов, старший лейтенант В.Б. Витоженц, капитан З.И. Шапенков, лейтенанты А.А. Конюхов, В.М. Кандалов и многие другие. Заслуги чекистов отмечались в том числе и в таких формулировках: «выполнял спецзадания по обеспечению государственной безопасности и охране особо важных объектов»; «за выполнение спецзаданий по обеспечению безопасности караванов, прибывших в период Великой Отечественной войны с вооружением из-за границы в северные порты, и охране их во время разгрузки»; «за образцовое выполнение заданий Верховного главнокомандования»²⁸.

Проспект Павлина Виноградова. Дом Советов

Проспект Павлина Виноградова. Дом связи

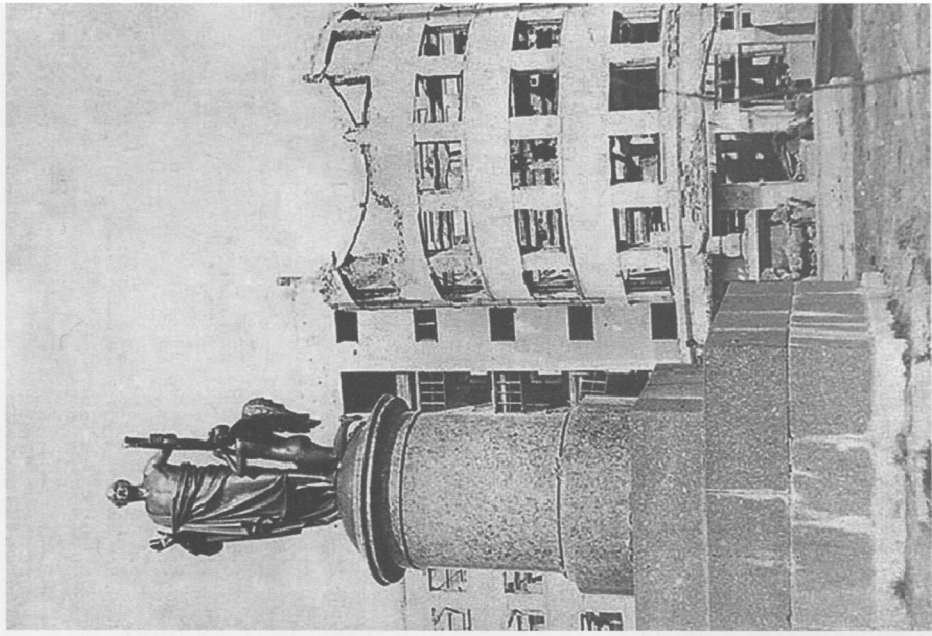
Карта, на которой отмечали линию фронта

Рынок на Быку

Вид на Беломорский проспект Молотовска (ныне Северодвинска Архангельской области) в час объявления войны. Автор: Б. Кошкин. 22.06.1941 г. Хранение – Северодвинский городской краеведческий музей

Прямое попадание в АПТИ

*Павел Михайлович Мальков
(1904–1983) – начальник УНКВД
по Архангельской области.*

*Пётр Васильевич Федотов
(1900–1963) – начальник 2-го
Управления НКВД СССР*

Сергей Иннокентьевич Плещов

ШПИОНЫ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

Для непосредственного решения проблем обеспечения караванов и организации взаимодействия ВМС союзников осенью 1941 года в СССР были направлены военно-морские миссии (первые английские военные представители прибыли в Архангельск в июне 1941 года. – *Прим. авт.*). В Москве работала группа контр-адмирала Д.А. Майлса. Военно-морские миссии союзников развёртывались в базах Северного флота в Полярном и Архангельске. Старшим британским морским офицером на севере России был назначен контр-адмирал Р. Беван. В Архангельске миссию возглавлял кэптэн Монд (до декабря 1941 года – командер-капитан 2-го ранга Уайберд Дерек Б.). Главой американской миссии на Севере был кэптэн С. Фрэнкел.

В состав персонала создаваемых миссий незамедлительно были включены представители разведывательных органов Англии и Америки. Чем же занимались американские и английские разведчики? Союзники под предлогом оказания помощи Советскому Союзу занимались шпионажем и даже, вопреки здравому смыслу, ещё и подрывной деятельностью. К слову, спецслужбы США и Великобритании действовали против СССР сообща, делились добытой информацией. Едва ли не любой контакт с советскими лётчиками и моряками они использовали для попыток выудить секретную информацию или же завербовать кого-нибудь.

В частности, в городе Архангельске были открыты военно-морской штаб, 126-я портовая база британских войск (сухопутный штаб) и военно-воздушная секция Британской военной миссии в СССР.

В докладной записке «О поведении англичан при посещении гор. Архангельска и порта» от 12 ноября 1941 года начальник УНКВД по Архангельской области майор государственной безопасности Мальков сообщает:

«С установлением торговых отношений с Англией, через Архангельский морской торговый порт в городе Архангельске осело англичан для постоянной работы по линии морского штаба 11 человек, по линии народного Комиссариата Внешней торговли 2 человека, по линии штаба АБО 2 человека. Кроме этого с последним караваном прибыло свыше 30 человек разных

военных специалистов, которые вошли в состав английского гарнизона на Бакарице. Все указанные лица проживают: в отдельных домах по ул. Карла Маркса, Пролеткульта (быв. Норвежское консульство), гостиница интуриста, в посёлке “Бакарица” (отведён специально один дом)»²⁹.

Уместно привести рассказ английского ветерана сержанта Билла Лоуса, судя по всему, специалиста по радиоделу, о прибытии и размещении в Архангельске военной миссии.

«Здесь в скромном штабе 30-й британской военной миссии нас собрали, чтобы определить место дальнейшего проживания. Тех, кто получил назначение в Ленинград и Москву, разместили в гостинице “Интурист”, а я вместе с двумя радистами отправился в дом № 2 по улице Карла Маркса, где предстояло жить до возвращения на Родину – 8 июля 1943 года. Это был красивый деревянный дом с видом на Двину. В то время там размещался весь персонал 30-й британской военной миссии. Правда, через несколько дней нас перевели на улицу Попова в здание норвежского консульства, известного также как “Норвежский дом”.

А тогда мы продолжали напряжённо трудиться в доме на Карла Маркса, занимаясь строительством радиопередающей станции, а затем установкой принимающей станции в здании позади “Норвежского дома”. Чтобы их соединить, пришлось проложить под землёй через улицы Ворошилова (Попова. – Прим. авт.), Петроградский проспект (Павлина Виноградова, Троицкий проспект. – Прим. авт.) и Карла Маркса специально доставленный из Англии экранированный 20-жильный кабель. Так у нас появилась отличная радиостанция, не подверженная радиопомехам»³⁰.

Наблюдения за первыми шагами гостей с берегов Темзы и Потомака позволили советским контрразведчикам сделать вывод, что им предстоит большая работа. На разведывательные устремления союзников указывала штатная численность их представительств, которая явно превышала официально продекларированные функции. На октябрь 1943 года британская военно-морская миссия в Архангельске состояла из 52 человек: 18 старших и средних офицеров, 34 младших офицера и рядовых. Количество личного состава постоянно менялось, например, в 1942 году штат превышал 80 человек. Аппарат английской 126-й портовой базы состоял из 49 человек: 10 старших и средних офицеров, 39 младших офицеров и рядовых. По количественному составу штат базы также колебался, так, например, летом 1942 года он доходил до 140 человек. Обращало на себя внимание, что в составе зарубежных военных миссий было много офицеров, владеющих русским языком, и даже

выходцев из России. Контрразведчиками было установлено, что присланные англичанами на работу в Архангельский порт «военспецы» в большинстве своём не соответствовали своему назначению, работы по «присвоенным» им специальностям не знают, а поэтому от участия в ремонте вооружения и от консультаций по тем или иным техническим вопросам стараются уклоняться. Под видом танкистов, авиаторов, артиллеристов и связистов в СССР прибыли разведчики³¹.

Разведывательные органы Англии и США использовали установление союзных отношений своих государств с СССР в целях активизации разведывательной работы против нашего государства. Основные усилия они концентрировали в трёх главных направлениях: это военная, экономическая и политическая разведка; пропаганда антисоветской идеологии в проанглийских и проамериканских оттенках; подготовка агентурных кадров на территории СССР из числа советских граждан. Обе разведки вели шпионаж во всех областях военной, экономической, политической и культурной жизни советского Севера с определённым уклоном при этом в специфическую военную и военно-морскую область. Иллюстрацией этого могут служить полученные органами безопасности документы, достоверность которых не вызывает сомнений.

В июле 1943 года в руки чекистов попал разведывательный доклад старшего помощника военно-морского атташе США на Севере СССР Фрэнкеля по Кольскому полуострову. В предисловии к докладу Фрэнкел указывает, что «большая часть информации является результатом личного наблюдения, остальная часть информации перепроверена через два заслуживающих внимания источника». Рубрика «Личные наблюдения» предпослана разделам «Морские базы – Кольский залив» и «Военный флот – база в Полярном».

Эти два документа, раскрывая подлинный смысл пребывания многочисленных представителей Англии и США на Крайнем Севере, достаточно ясно показывают, что здесь интересуется английскую и американскую разведки. При этом важно заметить, что шпионаж союзников во всех областях не ограничивается Кольским полуостровом. По данным агентуры, в 1943 году разведчики Фрэнкел и Мак-Гиннис получали из Архангельска сведения по оборонительным сооружениям на Дальнем Востоке и режиму вокруг г. Владивостока. Источником этих сведений, как впоследствии было установлено, оказалась советская гражданка, проживавшая длительное время на Дальнем Востоке, обработанная американцами... В конце мая – начале июня того же года Фрэнкел отправил военно-морскому атташе США адмиралу Дункану

следующее донесение: «...имею достоверную информацию, что Советы намереваются направить единицы ещё не известные Дальне-Восточного флота через северный путь для увеличения Северного флота...»

Английская и американская разведки наряду со сбором военной и военно-морской информации тщательно изучали состояние народного хозяйства и перспективы его развития, политические настроения населения, в частности отношение советского народа к вождям, отношение к США и Англии, Финляндии, Германии, материальное благосостояние трудящихся, положение религии в СССР, собирали сведения о руководящем составе и местонахождении партийных и советских органов и органов военного командования, о паспортно-прописном и пропускном режимах. Особый интерес они проявляли к органам НКГБ и НКВД. Когда предоставлялась возможность приобрести образцы командировочного удостоверения, шрифта пишущей машинки советского учреждения, штампа прописки или приёма-увольнения в паспорте – они это пытались делать.

Имелись факты, указывающие на прямой контакт между английской и американской разведками в области шпионажа в СССР. По подлинному свидетельству С. Фрэнкеля, часть информации, использованной им в своём разведывательном докладе, а именно целиком весь раздел «СССР военный флот – эскадренные миноносцы», собрана и предоставлена ему англичанами.

У каждого офицера миссии обязательно была специальная книга «Кольский полуостров и Архангельск», где в десяти главах подробно описаны порты Мурманска, Архангельска, Молотовска и другие, их инфраструктура, коммуникации, особенности берегов, организация противоздушной и береговой обороны. Каждый подданный английской короны был обязан всё это уточнять, дополнять книгу и докладывать о проделанной работе. И проверяли: сотрудников миссии неоднократно уличали в том, что они занимались промером глубины бухт и фарватеров, изучением пропускной способности доков, фотографированием объектов и другими подобными действиями, которые не вписываются в союзнические обязательства.

Если советская сторона начинала переговоры о поставках каких-либо военных грузов, тотчас разворачивалась соответствующая разведывательная работа. Скажем, возникла потребность в установке на некоторых кораблях трёхдюймовых универсальных пушек – союзники стали выяснять, а какие типы вооружений уже имеются на данных судах. При установке береговых аппаратов типа «Аздик» миссия потребовала осмотра местности, где будет

установлено данное военное оборудование. Даже при закупке обыкновенных лагов для торпедных катеров миссия выставила требование ознакомить её с тактико-техническими данными катеров.

Подрывную работу в области идеологической разведки наши «друзья» пытались проводить в таких формах и такими методами, как нелегальный завоз и распространение буржуазных политических изданий (книги, журналы), содержащих те или иные выпады против СССР, враждебная СССР пропаганда, возбуждение и разжигание эмиграционных настроений среди своего окружения из советских граждан, пропаганда «капиталистического рая» путём специального подбора кинофильмов для интерклубов и массового экрана, распространение различных провокационных слухов. В частности, именно от них исходил слух о том, что якобы достигнута договорённость о передаче севера европейской части СССР в аренду Великобритании сроком на 20 лет.

Так, помощник военного атташе полковник Эксам (Эксем) проводил работу в направлении создания условий для осуществления оккупации английскими войсками и стремился увеличить количество английских вооружённых сил в Архангельске за счёт создания специальных подразделений, а также настаивал на оставлении в районе Архангельска 50 английских танков, партии противотанковых ружей и ракетных установок. Ещё шли переговоры об английском экспедиционном корпусе, а полковник Эксам уже планировал первую партию английских войск отправить в Ленинград, а затем в Мурманск, мол, для этих войск на Бакарице имеется полное вооружение – танки, артиллерия и другая военная техника, уже организован новый английский штаб, где будут концентрироваться английские части и откуда они могут последовать на фронт в Ленинград и Мурманск; на Бакарицу, мол, назначен английский комендант, а командующим английскими войсками в Архангельске назначается полковник Паркер, которому архангельские власти должны подобрать дом с помещениями для офицеров, обслуги и кухни. Превышая свои полномочия, Эксам неоднократно ставил вопрос об устранении должности представителя отдела внешних сношений НКО, командированного из Москвы. Настаивал на выделении для английских офицеров кабинета для работы в здании штаба военного округа, преследуя, конечно, цель получения от офицеров штаба данных, могущих представлять интерес для британской военной разведки. В общем, вёл себя вызывающе, будто он хозяин положения³².

Британские офицеры-разведчики массово агитировали людей, в первую очередь женщин, за эмиграцию из страны. Утверждали, что Сталин якобы

против открытия второго фронта, так как хочет победить Гитлера в одиночку. Сотрудники миссии регулярно устраивали пьянки с обильными угощениями, на которые приглашались по преимуществу жёны командиров или женщины, работавшие в штабах. Даже запчасти и комплектующие для военной техники, которые поступали в СССР, нередко заворачивались в листовки антисоветского содержания. А сколько драк, дебошей, скандалов, провокаций было устроено в Архангельске!³³

Шпионская деятельность иностранных представительств во время войны наиболее наглядно, пожалуй, видна в том, с какой тщательностью и с каким размахом они пытались использовать в своих целях ту часть польской эмиграции, находящейся в то время в Советском Союзе, которая была тесно связана с реакционным польским правительством в Лондоне. Очень скоро польское посольство и польская военная миссия превратились в филиал английской секретной службы.

Впрочем, так называемый польский вопрос заслуживает того, чтобы о нём сказать подробнее. Как известно, в Архангельской области квартировали семьи польских беженцев и ссыльных «осадников». Большинство представителей польского эмигрантского правительства, находившегося тогда в Лондоне, делали всё возможное, чтобы широким массам поляков, в том числе волею случая проживающих в Архангельске, внушить недоверие к Советскому Союзу. Многие паны ненавидели русских и советскую власть, поэтому охотно шли на вербовку иностранными спецслужбами.

Из докладной записки «О раскрытых и ликвидированных антисоветских организациях и группах в Архангельской области». Народному комиссару государственной безопасности СССР, комиссару государственной безопасности 1-го ранга т. Меркулову, г. Москва, за подписью начальника УНКГБ Архобласти полковника ГБ Плещова от августа 1943 года:

«В феврале месяце 1943 года, в гор. Архангельске вскрыта и ликвидирована резидентура английской разведки из бывших польских граждан, работавших в качестве обслуживающего персонала в английском военно-морском штабе <...>

Следствием установлено, что вскрытая резидентура была создана в декабре 1942 года офицером английской военной миссии в гор. Архангельске – лейтенантом КОТТОН. Четыре участника ликвидированной английской резидентуры – ТИНЕВСКИЙ, ШПИЛЕВСКИЙ, ШЕМИС и ДОМБ, нами разработывались по агентурному делу, остальные трое состояли в списочном учёте»³⁴.

Так, арестованные в ноябре 1943 года поляки Таневский (Тиневский. – *Прим. авт.*), Шпилевский, Шемис Домб и другие (всего 7 человек. – *Прим. авт.*) на следствии показали, что, дезертировав из рядов Красной армии и прибыв в Архангельск, они обратились в Британский военно-морской штаб с просьбой помочь им уехать в Иран для вступления в формируемую там польскую армию. В декабре 1942 года поляки были завербованы офицером Коттоном (установленный английский разведчик) для работы в пользу английской разведки и получили задание: собирать сведения о военных объектах и воинских частях, расположении аэродромов; добывается ли воркутинская нефть и уголь и в каком количестве; как работает Северная железная дорога, её состояние и пропускная способность; как реагирует население на развёрнутую в 1942–1943 годах активную работу по распространению слухов, инспирированных английской разведкой, о сдаче севера России в концессию англичанам³⁵.

Действуя по указанию англичан, работники польской военной и политической разведки объявили, что долг каждого поляка – сообщать польским властям решительно всё, что известно о Советском Союзе. Когда в 1943 году Советский Союз разорвал дипломатические отношения с «лондонскими поляками», англичане, не таясь, забрали папки с разведывательными сведениями. Посещавшим польское посольство дипломатам показывали огромную карту, на которой были обозначены места, где жили польские беженцы, и предлагали дать информацию по любому вопросу жизни в СССР.

24 февраля 1943 года. Из спецсообщения УНКВД по Архангельской области № 3/440 в НКВД СССР о распространении сотрудниками английской военно-морской миссии в г. Архангельске антисоветской литературы:

«Нами установлено, что в адрес английской военной миссии в г. Архангельске из Англии специальным грузом нелегально доставлена польская контрреволюционная националистическая литература. Данную литературу отдельные военнослужащие английской миссии распространяли среди населения <...>

Из нелегально доставленной в английскую военно-морскую миссию польской контрреволюционной литературы нами агентурным путём добыта книга “Край детских лет”, изданная в марте 1942 г. в Лондоне видным английским книгоиздательством “Коллинз”. Эта книга издана по инициативе и с одобрения существующего в Лондоне польского правительства и, как видно из предисловия, в первую очередь призвана воспитывать тех солдат польской армии, у которых сознание формируется на чужбине.

В книге “Край детских лет” собраны высказывания, очерки, статьи почти всех польских писателей, находящихся сейчас в эмиграции, поддерживающих в той или иной степени польское правительство в Лондоне <...> В каждом очерке этой книги проводятся всяческие “исторические” параллели, из которых следуют заявления, что “русский царизм, угнетавший поляков, и Советская власть – это одно и то же”, что “польскому народу не по пути с русскими”. Авторы этой книги открыто высказывают своё враждебное отношение к Советскому Союзу и русскому народу, в очерках, статьях и воспоминаниях указанной книги содержатся оскорбительные контрреволюционные выпады по адресу Советской власти»³⁶.

Антисоветскую пропаганду вели не только установленные или подозреваемые разведчики из миссий, но и отдельные лица из состава команд иностранных торговых судов. В процессе разговоров с советскими гражданами иностранные моряки охаивали советскую действительность и в светлых тонах рисовали перед ними жизнь в Англии и Америке, здесь же наталкивая собеседников на мысль о возможности эмигрировать в эти страны – нелегально, на судах, уходящих из Архангельского и Молотовского портов.

Из спецсообщения В.Н. Меркулова, Шаталина, Федосеева И.В. Сталину и В.М. Молотову «О положении в Архангельске и Молотовске» от 4 июля 1944 года № 2497/м:

«1. Провокационные слухи о том, что города Архангельск и Молотовск будут переданы в концессию англичанам, появились впервые ещё в октябре 1941 года в связи с прибытием в Архангельск английской военной миссии.

Эти слухи в различных вариантах периодически отмечались в 1942 г., 1943 г. и в начале 1944 года.

Первоисточниками этих слухов явились лица, имевшие тесные связи с англичанами в период интервенции, питавшие надежду на оккупацию Архангельской области англичанами.

Так, например: арестованные в разное время жители гор. Архангельска, имевшие в прошлом связь с англичанами, – КРЮКОВ М.В., бывший крупный судовладелец, КАТИНОВА А.Ф., бывшая владелица кинотеатра в Архангельске, и врач СЕВАСТЬЯНОВА Е.М., на допросе признались в распространении слухов о якобы предстоящей сдаче Архангельской области в концессию англичанам. Жена бывшего крупного архангельского торговца, осуждённого в 1938 году к ВМН, ВИДЯКИНА Н.Д., проживавшая с 1919 по 1923 г. в Англии, заявляла ещё в марте 1942 года:

“Вы думаете, зачем здесь англичане? Они здесь по той же причине, что и в 1919 году. Северный край для них самый лакомый кусочек”.

Имеются данные, что в распространении указанных выше провокационных слухов принимали участие также англичане.

Упомянутая выше ВИДЯКИНА, дочь которой сожительствовала с капитаном МОНДОМ, бывшим главой английской военной миссии в Архангельске, рассказывала своим знакомым, что, по словам МОНДА, советское правительство сдало в концессию Англии все леса советского севера. (МОНД уехал в Англию.)

Арестованная в мае 1943 года табельщица 25 лесозавода КАРБАНЬ З.Г. показала, что матрос английского парохода “Гулистан” Дайм СУЛИВАН в ноябре 1942 года специально поручил ей заняться распространением провокационных слухов о предстоящей оккупации советского севера англичанами. (СУЛИВАН выехал из Архангельска.)

Арестованная сотрудница Архангельской конторы “Главторчермет” САПОГОВА Л.Н. показала, что связанный с ней капрал английской миссии Джон КОББ в 1943 году неоднократно говорил ей о предполагаемой в скором времени оккупации Архангельской области англичанами. (КОББ уехал в Англию.)

2. В мае–июне 1944 года провокационные слухи возобновились: антисоветские элементы и обыватели стали истолковывать проводимые в Архангельске мероприятия по благоустройству города, эвакуации госпиталей и переселению поляков в южные районы как подготовку к передаче Архангельска англичанам»³⁷.

На середину 1944 года Управление НКГБ (до 14 апреля 1943 года – УНКВД. – Прим. авт.) Архангельской области располагало материалами в отношении 138 человек, в той или иной форме распространявших указанные слухи. Из этих 138 человек большинство – служащие (59 человек) и лица без определённых занятий (33 человека). Слухи имели некоторое распространение также среди военнослужащих Архангельского военного округа и Беломорской военной флотилии (19 человек).

По имеющимся материалам были вызваны и в соответствующей осторожной форме допрошены 70 человек, из них 15 человек признались, что они верили этим слухам и распространяли их, и 42 человека показали, что они узнали о слухах от других лиц на базаре, в очередях, вагонах трамвая, но не придали им значения.

Противодействие этой подрывной деятельности иностранных подданных велось достаточно активно. По настоянию органов безопасности в июне 1944 года на пленуме Архангельского горкома партии секретарь обкома

Г.П. Огородников предупредил секретарей первичных организаций о распространяемых провокационных слухах и необходимости борьбы с ними путём разъяснения причин и целей проводимых в городе мероприятий. Секретари райкомов партии города Архангельска беседовали с секретарями первичных партийных организаций. При этом из 192 секретарей 20 сообщили, что к ним обращались некоторые рабочие и служащие за разъяснениями по поводу слухов о передаче Архангельска англичанам, а 24 секретаря сообщили, что об этих слухах они узнали случайно от лиц, не состоящих в этих коллективах. Остальные 148 человек заявили, что им ничего об этих слухах не известно.

Следует, таким образом, признать, что указанные выше провокационные слухи получили довольно широкое распространение среди населения города. Тем не менее оснований полагать, что эти слухи оказали сколько-нибудь заметное влияние на морально-политическое состояние и поведение широких масс населения, не было, так как большинство жителей, до которых дошли эти слухи, в них не верили. Однако политически отсталые, обывательски настроенные элементы воспринимали эту антисоветскую провокацию всерьёз, наводили справки о достоверности этих слухов, толковали между собой о возможных условиях жизни при англичанах.

Одним из своих назначений пропагандистские усилия миссий были направлены на обработку неустойчивых советских граждан (в первую очередь молодёжь и интеллигенцию) в антисоветском духе с целью привлечения их в дальнейшем к разведывательной работе против СССР. Иными словами, этим путём разведки Англии и США в определённой мере пытались решать задачу создания массовой базы для подрывной работы внутри нашего государства.

О ставке на молодёжь и интеллигенцию говорит, прежде всего, документ, написанный одним из членов американской военной миссии У. Диксоном в виде программных заметок, указывающих, какими способами «оболванить» незрелые умы молодых людей, и добытый северными контрразведчиками в ноябре 1943 года. Приводим эти заметки:

«Молодые – совершеннолетние.

1. *Получение предметов первой необходимости (обувь, пищевые продукты, одежда).*

2. *Имитация любовных отношений.*

3. *Имитация близкой дружбы.*

4. *Получение секретов от тебе известных людей путём передачи им своих ложных секретов.*

5. *Взгляды на послевоенный мир (две страны – общие трудности – общие интересы – общие враги).*
6. *Экономика и литература, изменение жизни.*
7. *Изучение английского языка.*
8. *Обещание исполнения всего и сохранения жизни.*
9. *Обещание гражданства после войны.*
10. *Учёные, артисты, писатели и журналисты (личный контакт за обедом, личные связи с друзьями за ужином)»³⁸.*

Материалы наблюдения за иностранцами, их связями в среде молодёжи, которую англичане и американцы обрабатывали особенно активно (действуя при этом главным образом методами подкупа и разложения), указывали на молодых женщин и девушек, юношей и даже подростков. Большинство учённых органами безопасности связей английских и американских установленных или подозреваемых разведчиков составляли девушки в возрасте 17–22 лет.

Не смог удержаться, чтобы не привести выдержки из книги Ю. Барашкова «Арктические конвои в настроении Глена Миллера», уж очень романтично описывает он отношения северных красавиц и иностранцев. «Союзные моряки прекрасно пахли, – вспоминала одна архангелогородка бальзаковского возраста. – В интерклубе то же: аромат американских сигарет, экзотически звучащая для русского слуха английская речь». В военном голодном Архангельске они дарили фотокарточки и угощали шоколадом. Их невозможно было не полюбить, как невозможно было и им не полюбить наших девчонок с их белокурыми кудряшками, рассыпанными по точёным плечикам, талией рюмочкой. Влюблялись и любили искренне, и, естественно, появлялись дети. Но главным распорядителем интернациональной любви был НКВД. Почти каждая девушка состояла там на службе. Раз в неделю они должны были приходить и докладывать, что ели-пили, о чём говорили, какую музыку слушали. Они обязаны были «стучать» друг на друга, и таким образом все были повязаны. Не дремали и английские спецслужбы. Их сотрудники прекрасно говорили по-русски, понимали архангельский юмор про доску, тоску и треску и были щедры на подарки. «Не бойтесь, – говорили они юным архангелогородкам, – никто никогда не узнает о вашей связи с английской разведкой»³⁹.

Из докладной записки начальника УНКГБ АО Плесцова «О раскрытых антисоветских группах среди молодёжи города Архангельска и области» от 25 апреля 1945 года:

<...>

Большую подрывную работу среди молодёжи в городе Архангельске проводят английская и американская разведки.

Проживающие в городе Архангельске представители английской и американской военно-морских миссий, в числе которых нами выявлен ряд кадровых разведчиков, и прибывающие в Архангельские порты иностранные моряки, в составе которых также имеются кадровые сотрудники разведывательных служб, устанавливают обширные связи среди молодёжи и особенно девушек.

В городах Архангельске, Молотовске, Маймаксанском и Пролетарском районах, нами выявлено около 500 человек молодёжи, поддерживающих постоянную связь с иностранцами.

Как англичане, так и американцы особенно большое стремление проявляют к завязыванию связей со студентами высших учебных заведений: АЛТИ, Педагогический и Медицинский институты...»⁴⁰

Одно из показательных агентурных дел было заведено на студентов Архангельского педагогического института. По делу арестованы: Вера Алексеевна К-ва, 1923 г. р., в интервенцию отец служил у англичан и в Белой армии, арестована в ноябре 1944 года; Валентина Митрофановна Т-на, 1923 г. р. студентка Архангельского пединститута, арестована в декабре 1944 года; София Иосифовна У-ая, 1922 г. р., секретарь планового отдела в ГК «Северолес», арестована в феврале 1945 года; Зоя Петровна Б-на, 1920 г. р., актриса Дома Военно-морского флота, арестована в феврале 1945 года; Нина Александровна Э-т-Т-ва, 1919 г. р., студентка мединститута, арестована в феврале 1945 года.

Аресту предшествовало наблюдение за К-вой и Т-ной (студентки пединститута), которые были близко связаны с лейтенантом английской военно-морской миссии, которого, по версии контрразведчиков, снабжали различной информацией. После ареста девушки созналась, что привлечены к сотрудничеству в июне 1944 года, регулярно собирались на квартире К-вой совместно с другими девушками и офицерами миссии. По заданию офицеров миссии К-ва занималась сбором сведений о состоянии промышленности в Архангельске, выявляла политические настроения среди населения и военнослужащих Красной армии, изучала подходящих для использования в разведывательных целях лиц из числа жителей.

Интересен перехваченный документ, написанный лично К-вой в камере в феврале 1945 года, который она пыталась с помощью направить своим родным для передачи офицеру разведки «Э». В документе К-ва пишет:

«Я посылаю эту записку с девушкой, которая была вместе со мной в тюрьме. Хочу сказать тебе о... Подозревают наличие организации в Моск-

ве. Прекрати всякое сношение... Будь очень осторожен. Предупреди всех твоих знакомых в Москве – Виктора, Патрика. Любимый, будьте все Вы осторожны. Расскажи кэптену и предупреди его быть осторожным. За всеми Вами и особенно за тобой и за твоей работой следят работники НКВД. Я надеюсь на тебя и твою помощь и верю в твои клятвы.. Ты прав был, когда говорил, что я должна бороться за себя в этой стране. Как наши в Англии, что они пишут. Сообщил ли ты им в каком положении нахожусь я? Если нет, то сообщи им. Может быть они смогут помочь мне. Все мои друзья оказались врагами. Я в этой стране никогда не буду счастлива. Сделай всё вплоть до нелегального пути...»⁴¹

Анализ материалов по связям такого рода от иностранцев показывал, что разведки стремятся не к женской молодёжи вообще, а к тем её представителям, которые имели доступ и широкие связи среди военнослужащих (девушки лёгкого поведения и без определённых занятий, артисты фронтовых театров, девушки – военнослужащие частей ПВО, дети и родственники командиров и военных специалистов), имеющих связи в других портах и экономических центрах Союза, работающих в военных, советских и других учреждениях (учреждения армии и флота, Внешторга, Морфлота и др.), важных для союзников в разведывательном отношении. В процессе контрразведывательной работы было пресечено несколько попыток сотрудников миссий приобрести такие связи и среди технических работников облисполкома и обкома ВКП(б).

В среде интеллигенции в планах разведок в смысле базы разведывательной работы особое место отводилось, как это видно из записок Диксона, учёным, артистам, писателям, журналистам. Обе разведки ищут в этой среде большего, чем «личный контакт за обедом, личные связи с друзьями за ужином».

Многочисленными связями в среде военнослужащих англичане и американцы пользовались как источниками разнообразной военной информации. С этой целью сотрудники миссий (младшие чины) неофициально посещали казармы и землянки воинских частей (особенно часто англичане это предпринимали в 1942–1943 годах в отношении подразделений ПВО), завязывали там первичные знакомства, приглашали доверчивых бойцов и офицеров в помещения миссии, где угощали вином, дарили продукты, сигареты, спички. Одарив и спойв, учиняли им разведывательные опросы, завязывали интимные отношения с военнослужащими-девушками и т. д. Много военнослужа-

щих Северного флота посетило миссии под предлогом получения английских кинофильмов для демонстрации в своих частях. Через эти каналы разведки получали не только устную военную информацию, но и секретные документы. Такие факты северными контрразведчиками были зафиксированы.

Ставка на молодёжь, интеллигенцию, военных – на те их прослойки, о которых сказано выше, не исключали планов и действий разведок в отношении других слоёв и категорий нашего населения, тем более что в Архангельской области английская и американская разведки располагали ещё довольно многочисленной старой, довоенной базой агентурно-разведывательной работы. Эта база представлена категориями, сложившимися главным образом в период и в результате интервенции и эмиграции части населения Архангельска в Норвегию, Англию, Францию и США, оживлённого торгового судоходства, рыбного промысла и т. д. Они, безусловно, пытались использовать этих людей, равно как и восстанавливать связи со старой своей агентурой из этой среды.

Особый интерес вызывает заведённое контрразведчиками дело, где в качестве разрабатываемых проходят офицеры и служащие английской военно-морской миссии в городе Архангельске.

В марте 1942 года в поле зрения советской контрразведки попали: глава английской военно-морской миссии в городе Архангельске Монд Гай Оклей, переводчик этой миссии Эдуард Иосифович Коттон и их связи из числа жителей города Н.Д. В-на и Г.П. З-с. По предварительным данным, указанные лица находились между собой в тесных отношениях, систематически встречались на частных квартирах, чаще всего у З-с, где вели антисоветские разговоры. Учитывая это, было принято решение продолжить изучение попавших в поле зрения контрразведки лиц с целью выявления возможной преступной деятельности по сбору разведывательной информации, привлечения для этих целей советских граждан. В разработке Монда и его связей участвовала группа сотрудников УНКВД под руководством начальника КРО А.Л. Перескокова. В неё также вошли сотрудники Управления Сусликов, Изюмов, Кац и другие⁴².

Одним из методов установления связи с местным населением Монд избрал организацию различных вечеров в зданиях военно-морской миссии. Так, 31 декабря 1941 года по инициативе Монда англичане организовали у себя в особняке вечер танцев с угощением. Билеты на этот вечер англичане распространяли как среди знакомых, так и незнакомых девушек и женщин. В дальнейшем подобные вечера стали проводиться регулярно. На них каж-

дый английский офицер и солдат должен был пригласить свою знакомую даму. Таким образом у сотрудников британского штаба образовался большой круг знакомых среди различных слоёв населения города.

Зачастую Монд приглашал гостей в свою квартиру, располагавшуюся в пятиэтажном доме на углу современных набережной Северной Двины и улицы К. Маркса. Силами представителей спецотдела УНКГБ удалось внедрить в потолок квартиры подслушивающее устройство, так что все разговоры, которые велись собутыльниками, были известны органам безопасности. Уже в семидесятых годах семья Веры Цируль (соседка Монда по квартире. – *Прим. авт.*) принялась за ремонт одной из комнат. Решили вытащить гвоздь, и зять Веры Георгиевны упал со стремянки вместе с отвалившимся куском штукатурки. Гвоздь оказался вмонтированным микрофончиком, к которому были присоединены провода с фарфоровыми «жучками»⁴³.

В ходе проведения оперативных мероприятий было установлено, что 3-с по заданию Монда заводила широкие связи среди командиров Красной армии. «Так, 3-с имела близкие отношения с начальником артиллерийского управления генерал-майором Голосовым, начальником артиллерии 2-й стрелковой дивизии полковником Киреевым, подполковником авиации Дудником, которых принимала на своей квартире, где во время попок присутствовал, как правило, Монд»⁴⁴.

Поскольку в распоряжении компетентных органов к началу 1943 года имелось достаточное количество материалов, свидетельствующих о враждебной деятельности старшего офицера британской военно-морской миссии Монда, а также его ближайших помощников – Коттона, Говарда, их связей из числа жителей Архангельска, было принято решение пресечь дальнейшую преступную деятельность указанных лиц.

Народному комиссару внутренних дел Союза СССР, Генеральному комиссару государственной безопасности т. Берии Л.П. гор. Москва, за подписью начальника Управления НКВД Архобласти майора ГБ Малькова от 21 марта 1943 года:

«В город Архангельск на должность старшего морского офицера от Британского Военно-Морского Штаба, 28 ноября 1941 года прибыл капитан МОНД Гай Оклей, на которого были возложены обязанности обеспечения приёма союзных конвоев в порты Архангельска и осуществление связи между командованием прибывающих иностранных военных судов и нашим военным командованием Северного флота.

МОНД Гай Оклей 1891 года рождения, уроженец города Лондона, по политическим убеждениям консерватор. В 1919 г. в качестве участника интервенции был в ряде портов Чёрного моря, командовал эсминцем. До прибытия в Архангельск был в Дюнкерке. Награждён орденом. По имеющимся в УНКВД агентурным данным и материалов следствия установлено, что МОНД и его аппарат в лице офицеров и солдат активно занимаются разведывательной деятельностью...

Лично со стороны МОНД всячески тормозится доставка импортных грузов в Советский Союз под разного рода предлогами и как результат этого Архангельский порт почти всю зиму не работал, хотя к этому была и есть полная возможность. Всё это явилось результатом деятельности МОНД, как враждебно настроенного типа к нашей родине и немогущий быть поэтому в Архангельске в качестве официального представителя в силу изложенного. Докладываю Вам об этом, прошу поставить вопрос об отзыве МОНД из Советского Союза»⁴⁵.

Из Советского Союза были отозваны вышеуказанные офицеры британской миссии, занимавшиеся активной разведывательно-подрывной деятельностью. Их преступные связи из числа советских граждан, в т. ч. Н.Д. В-на, А.А. Г-ва, Т.С. Г-ль, Г.П. З-с, арестованы и осуждены на различные сроки лишения свободы.

Другим не менее интересным делом было агентурное дело на офицеров английского сухопутного штаба в г. Архангельске. По делу проходили: Эрнест Альфредович Мартин, 1901 г. рождения, уроженец г. Одессы, подданный Великобритании, полковник английской армии, начальник штаба; Антонио Джон Рииз, 1908 г. рождения, уроженец Шотландии, подданный Великобритании, адъютант начальника штаба, капитан; Александр Робертович Прайд, 1900 г. рождения, уроженец г. Айдершат, подданный Великобритании, капитан, начальник снабжения английского сухопутного штаба в Архангельске.

Агентурная разработка возникла на основании данных агентов «Лесник», «Мирра», говорящих о том, что Мартин, Рииз и Прайд являются офицерами разведки и прибыли в Советский Союз для разведывательной работы. Было достоверно выявлено, что Мартин до поездки в СССР учился в школе разведки, откуда досрочно был отозван и в качестве секретаря города Бавербрук выехал в Советский Союз, где и остался представителем в Архангельске. Нашей агентуре Мартин на одной из попок рассказал, что является сотрудником «Интележенс-Сервис» и представляет её интересы в Архангельске.

Фактически заместителем Мартина по разведывательной работе являлся Рииз, и, как установлено, наряду с разведкой он вёл наблюдение за иноморьяками, лётчиками, изучал их связи из числа советских граждан. Прайд также являлся сотрудником «Интележенс-Сервис» и в своей работе был подчинён Мартину. Агентурные наблюдения за указанными англичанами показали, что они заводили широкие знакомства среди советских граждан, и главным образом из женщин. Также они усиленно разыскивали бывших русских служащих английских миссий и штаба оккупационных войск на Севере периода интервенции, с которыми устанавливали контакт.

Тем не менее, основываясь на архивных материалах, можно сказать, что в первую очередь англичане занимались легальной разведкой, осуществляя личное наблюдение. *«По имеющимся в УНКВД Архобласти данным, часть англичан при выполнении своих обязанностей проявляет активный интерес не только к жизни города, к вопросам снабжения населения продовольствием, но интересуется в разведывательных целях состоянием обороноспособности города, побережья Белого моря, расположением и оборудованием порта, железнодорожных путей, запасом топлива, горючего, лесных материалов, политическим настроением отдельных слоёв населения и т.д. К числу таких лиц из англичан относятся: Уайберд – капитан 2 ранга; Коссосорт Павел Иванович – английский офицер, родившийся в России, значится как “морской запас”, заместитель военно-морского офицера по тралению, по существу выполняет обязанности завхоза и переводчика морской миссии; Маклей П. Дж. – член парламента, представитель министерства по военной транспортировке, крупный судовладелец, большинство своего времени проводит в порту “Бакарица” по разгрузке транспортов; Фишер Александр – помощник морского военного атташе, лейтенант, в совершенстве владеет русским языком, проживал в бывшем Н-Новгороде, где окончил среднюю школу и в 1920 году уехал за границу, пренебрежительно относится к русским»⁴⁶.*

Широко применялись в целях шпионажа личное посещение разведчиками мест расположения важных объектов, поездки и прогулки в интересующие их районы.

Интерес к Советскому Северу удлинял радиус разведывательных прогулок и поездок иностранцев. В миссиях не раз высказывалось намерение побывать в наших районах и за пределами области. В мае 1943 года Фрэнкел, возвращаясь из Москвы, воспользовался продолжительной остановкой поезда в Беломорске, чтобы лично узнать кое-что об этом порте Белого

моря, где в то время были расквартированы штаб и другие учреждения Карельского фронта. В сопровождении двух советских граждан – артиста Северного флота и сотрудницы НКО Фрэнкел, под предлогом заготовить продукты, посетил Управление военного коменданта, беспрепятственно миновав заградотряд войск охраны тыла, этапно-заградительную комендатуру и контрольно-пропускной пункт, посетил театр и Дом Красной Армии. Разговаривая с комендантом города, интересовался, имеется ли в г. Беломорске флот и что он из себя представляет, могут ли в заливе действовать подводные лодки и имеются ли они, есть ли новые советские катера (получить эти сведения ему не удалось). В продуктах, как потом оказалось, Фрэнкел не нуждался.

Иностранцам удавалось вследствие беспечности в отдельных наших звеньях лично проникать в советские казармы, чтобы, как они говорили, «своими глазами увидеть, в каком состоянии находится Красная Армия».

Круг лиц из числа иностранцев, подозреваемых в разведывательной деятельности, несомненно, расширялся. Установлено, что в числе прибывших команд транспортов значительное количество лиц владеют русским языком. Некоторые из них делали попытку восстановить связи с родственниками лиц, находящимися в эмиграции. Так, например: несколько человек из англичан в разных местах города у проходящих советских граждан спрашивали о местонахождении улиц старого названия, упоминая фамилии Николаевых, Юрьевых, Кривоноговых⁴⁷.

Проверочный материал этих данных показал, что указанные лица эмигрировали за границу в 1920 году, а в Архангельске на то время проживали их родственники.

Отмечены случаи, когда во время прогулок иностранцы делали фотоснимки отдельных объектов, фотографируя городские учреждения, частные дома и отдельные местности. Всё это свидетельствовало о сборе англо-американскими разведками сведений о промышленности, транспорте и коммуникациях области, а также изучении возможности проведения операций по агентурной связи.

Для метода сбора информации представителями миссий США и Англии было характерно и официальное обращение за интересующими их сведениями в те или иные советские органы.

В мае 1943 года миссия США передала штабу Северного флота материал по бронированию линкоров и крейсеров противника, попросив в обмен на него у начальника штаба флота некоторые секретные материалы по авиации

противника. Когда эти материалы были предоставлены Фрэнкелу, выяснилось, что переданные им Северному флоту сведения по бронированию кораблей являются устаревшими, опубликованы в печати и частично являются нашими сведениями.

Приобретая в силу союзных отношений официальные связи в военных и гражданских кругах, представители Англии и Америки стремились установить с представителями этих кругов личный контакт и неофициальные «дружеские» отношения. Там, где из-за беспечности отдельных советских работников или по другим причинам такой контакт удавался им бесконтрольно, они пытались использовать его в целях получения разносторонней информации, а также и в целях подбора агентурных кадров.

Например, наш «герой» кэптен Фрэнкел после первых официальных представлений местным властям избрал объектом своего особого внимания одно из лиц высшего командования Северного военно-морского флота. Настойчиво добивался и добился свиданий с ним. Несколько раз посылал ему в качестве подарка разные деликатесы, а когда тот в июне 1943 года заболел, лично отвёз ящик консервированных фруктов. Приблизил к себе молодую девушку, работавшую некоторое время в аппарате этого командира, взял её на работу в миссию, оказал материальную помощь. «Ухаживание» Фрэнкела за этим командиром продолжались длительное время и являлись предметом внимания УНКГБ и ОКР «Смерш» Северного флота.

Настойчивость, с которой сотрудники иностранных миссий навязывали своё внимание и «дружбу» отдельным лицам из военного командования и советского актива, выдавали их скрытые намерения приобрести в этих кругах не только ничего не подозревающие источники информации, но и агентуру.

Говоря о разведывательной деятельности сотрудников американских военных представительств, нужно подчеркнуть, что, несмотря на ряд серьёзных провалов в шпионской работе американских разведчиков на территории Советского Союза, несмотря на аресты их агентов, данная работа в период войны велась достаточно активно.

Можно проиллюстрировать методы работы кадровых американских разведчиков на примерах оскандалившихся горе-шпионов.

Особой активностью на поприще разведывательной работы отличался кадровый разведчик Джордж Руллард, работавший в Советском Союзе в качестве помощника американского военно-морского атташе.

В первые годы Второй мировой войны Руллард работал в Архангельске, возглавляя американское военно-морское представительство. В его офици-

альные функции входило содействие советским властям в получении грузов, шедших из Америки в порядке ленд-лиза. Нужно подчеркнуть, что это было лишь его подсобным занятием. Главная же цель пребывания Рулларда в Архангельске – сбор секретной военной информации.

В 1942 году Ирина Владимировна Матусис, родившаяся в Нью-Йорке, в инициативном порядке пошла на вербовку её военно-морской разведкой США. Поначалу Руллард и его коллега в Архангельске Фрэнкел не доверяли Матусис, считая её «подставой» советских органов безопасности. Но она вскоре развернула такую бурную деятельность, принёсшую серьёзные шпионские результаты, что всякие сомнения у американцев в неискренности нового агента отпали. Матусис собирала секретные сведения о портовых сооружениях Архангельска, ледокольном флоте и местных военных аэродромах. Она находила людей, готовых сотрудничать с американской разведкой. Именно тогда чекисты и обратили внимание на Матусис. Арестованные в 1942 году органами НКВД советские граждане – этнические финны, Коппер и Лахти, работавшие на США, подтвердили, что с Руллардом их свела Ирина Владимировна.

В 1943 году Рулларда назначили на самостоятельную работу – помощником военно-морского атташе при американском генеральном консульстве во Владивостоке. Это назначение было для Рулларда повышением, так как советский Дальний Восток представлял огромный интерес для американской разведывательной службы, особенно если принять во внимание тихоокеанский театр военных действий. Руллард добился в Москве, чтобы вместе с ним во Владивосток была послана Ирина Матусис, работавшая у него переводчицей в Архангельске. В 1943 году американским военно-морским атташе в СССР контр-адмиралом Дунканом она была направлена вместе с Руллардом на Дальний Восток с заданием активизировать там разведывательную деятельность. В пути следования собрала ряд шпионских сведений о Транссибирской железнодорожной магистрали.

На следствии, по словам очевидцев, «Ирина вела себя не просто свободно, а вызывающе. Говорила, что ей плевать на Советский Союз, её родина – Америка. И всех приводила в ужас своей демонстративной ненавистью...». 11 апреля 1950 года военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Матусис к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение через шесть лет.

Если в Архангельске Руллард проявлял некоторую осторожность, стремился приглядеться и освоиться с советскими условиями, то во Владивостоке, имея уже определённый опыт, он пытался широко развернуть свою разведывательную деятельность. Сотрудники военно-морского атташата в

Москве очень часто ставили Рулларда в пример, как способного разведчика, умевшего прикидываться внешне лояльным к Советскому Союзу, располагать к себе своих знакомых – советских граждан и в непринуждённой беседе за стаканом вина выпытывать у них секретные сведения. Для достижения своих целей Руллард не брезговал прибегать к шантажу и запугиванию тех своих знакомых, которые, распознав в нём разведчика, противились их использованию в качестве шпионов.

Другой пример. В октябре 1941 года старший преподаватель военно-морской академии имени Ворошилова, капитан 1-го ранга Георгий Александрович Ригерман, установил шпионскую связь с находившимся в СССР английским контр-адмиралом Бевином и был привлечён им для разведывательной работы в пользу англичан. Поддерживая связь с Бевином и английскими разведчиками Дэвисом, Фишером, Арчером, Бондом, Уордом и Джонстоном (выехали в Англию), снабжал их шпионской информацией об организации береговой обороны Северного флота, расположении аэродромов и радиостанций, а также о результатах боевых операций подводных лодок и авиации. В конце 1941 года передал английскому контр-адмиралу Бевину лоцию Баренцева моря и несколько морских карт разных районов подхода к Кольскому заливу и Горлу Белого моря, а также по заданию Девиса дважды копировал на кальку и передавал ему секретные схемы маршрутов движения подводных лодок Северного флота. Кроме собственных признаний изобличается материалами слежки. Арестован 2 октября 1949 года⁴⁸.

Ещё пример. Дело на английского шпиона Николая Георгиевича Мартоса, 1912 года рождения, сына дворянина, уроженца Санкт-Петербургской губернии, русского, до ареста работавшего старшим консультантом по экспорту в представительстве Наркомвнешторга в Архангельске.

Из докладной записки народному комиссару внутренних дел Союза СССР, Генеральному комиссару государственной безопасности т. Берии Л.П. «О перестройке агентурно-оперативной работы Управления НКВД по Архангельской области» за подписью начальника Управления НКВД Архобласти майора ГВ Малькова от 10 января 1943 года:

«<...>

МАРТОС, являясь сотрудником представительства Наркомвнешторга, установил преступные связи с английскими офицерами МОНД, РИИЗ и ПРАЙД, которых снабжал обширной политической и экономической информацией.

Будучи арестован, МАРТОС на следствии признал, что в 1942 г. он получил предложение от старшего британского морского офицера МОНД – сотрудничать с английской разведкой и выполнять роль – агента-связника между МОНД и его агентурой.

Как показывает МАРТОС, английской миссией и в частности МОНДОМ – против него были собраны серьёзные компрометирующие материалы о разглашении сов. секретных документов по внешторгу, движении караванов и мошеннических действиях, которые не только его компрометировали как официальное лицо, но и угрожали серьёзной ответственностью по суду.

При вербовке эти материалы МОНД сообщил МАРТОС и поставил его перед фактом, или сотрудничать с разведкой, или материалы, имеющиеся у миссии против МАРТОС, будут соответствующим образом обнародованы...

Собранными материалами МАРТОС уличается в активной шпионской работе в пользу англичан с начала 1942 года...»⁴⁹.

Другим основным источником получения разведывательной информации было проведение опросов «втёмную» советских граждан, работающих на предприятиях, в учреждениях и воинских частях, связанных с разгрузкой, сборкой, ремонтом и отправкой прибывающего из-за границы вооружения. Активно использовались и контакты с местным населением – эта категория источников постоянно расширялась. По данным контрразведки на 1 сентября 1943 года, из 1000 советских граждан, чьи контакты с иностранцами были зафиксированы, 90% составляли женщины. Кроме выведывания секретных сведений англичане пытались получить данные и о материально-бытовых условиях советских знакомых, их служебном положении. Имели место и факты вербовки англичанами советских граждан для выполнения специальных разведывательных заданий.

Разведка союзников большое место в своих планах отводила использованию «женской молодёжи». Главными приёмами и методами, к которым они при этом прибегали, являлись: снабжение предметами первой необходимости (продукты, одежда, обувь), инсценировка любовных отношений, антисоветская обработка и моральное разложение. Все эти приёмы в практическом их применении тесно переплетались и в целом представляли собой систему воздействия на неустойчивые слои молодёжи.

Установлено, что сотрудники миссий привозили с собой и получали из-за границы специальные посылки с наборами предметов дамского обихода.

В марте 1944 года американцу Мак-Гиннису с вновь прибывшим караваном привезли ящик с женской одеждой (трусы, лифчики, комбинации)

и мануфактуру. В июне 1944 года посылку такого же содержания (дамские туфли, боты, береты, чулки и пр.) получил через англичан из Архангельска Фрэнкел.

Угощения, одаривание предметами первой необходимости и всякими безделушками сопровождалось объяснениями в любви, уверениями в готовности жениться, обещаниями перевода в своё подданство и выезда в США или Англию. В этом отношении особенно опытным и изобретательным проявил себя Джон Мак-Гиннис. По скромным, далеко не точным подсчётам, этот разведчик, напускающий на себя видимость пьяницы и ловеласа, только в Мурманске объяснился в любви и обещал жениться 14 советским гражданам. В его кабинете агентура обнаружила несколько экземпляров записки одинакового текста, которую он вручал девушкам, намеченным к обработке (изменяя в записке только дату или время встречи).

К разведывательной работе на Севере британская спецслужба привлекала и своих моряков, в большом количестве прибывавших в советские порты на торговых и военных судах. За период с августа 1941 по сентябрь 1943 года в северных портах СССР побывало несколько тысяч иностранных моряков, 1474 человека находились в октябре 1943 года в Архангельском и Молотовском портах. Разведывательной деятельности способствовали условия пребывания иноморяков в советских портах.

В 1942–1943 годах в отношениях с союзниками наметился кризис. Поводом стал скандал из-за виз. В начале войны Адмиралтейство Великобритании само определяло численность миссий. Весной 1942 года советское правительство решило навести порядок. Состав миссий было предложено сократить в три раза. Кроме того, недовольство советского правительства вызвал интерес английской разведки к Русскому Северу. Согласно предупреждению территориальных органов безопасности и контрразведки Северного флота, «в общении с англичанами следует быть особенно осторожным, чтобы не сказать лишнего о наших оборонительных сооружениях или навигационных особенностях, т. к. они не отстанут и для выяснения подробностей могут обратиться к командованию». Выяснилось также, что британская радиоразведка не все полученные материалы передаёт в штаб СФ, несмотря на договорённость.

Советское командование пошло на ответные санкции: ужесточение визового режима, ограничение доступа на берег, контроль над которым получило НКВД. Разведотдел флота приступил к вербовке офицеров английской миссии. А каждый советский офицер, имевший встречу с союзниками, должен

был сдать подробный рапорт в Особый отдел. Своего апогея кризис достиг в июле 1943 года. У Черчилль приказал начать демонстративную подготовку к выводу миссии. Только личное вмешательство Сталина позволило урегулировать скандал. Но возникшие разногласия остались на уровне штаба флота и британской миссии.

Наиболее острой ситуация была в Архангельске. Контакты с союзниками оказались под контролем НКВД–НКГБ и гражданских властей, были введены жёсткие ограничения. Союзные офицеры жаловались: «Порядочные люди, и в особенности представители интеллигенции, с нами общаться боятся». Большое раздражение вызывали проверки документов и проблемы с пропусками. 90% моряков, побывавших в северных портах, по мнению официальных представителей союзников, вследствие местных порядков уезжает врагами советской власти и русского народа. Не удивительно, что моряки называли Архангельск «городом-казармой». Безусловно, принятые властями меры были вынужденными. Надо отметить, что это было необходимой мерой защиты от необоснованного интереса различного рода иноземных разведчиков, агентов и просто недоброжелателей нашей страны. В годы войны, особенно в периоды, когда Красная армия отступала, любые сведения военного, экономического характера и даже сведения о настроениях гражданского населения могли повредить обороноспособности государства. Не надо забывать и о юридической стороне вопроса.

Правила схода на берег и пребывание на берегу лиц судовых экипажей иностранных судов определялись постановлением СНК от 23 ноября 1926 года (с изм. и доп. Пост. СНК СССР от 26.08.35, № 1311). Согласно этому постановлению лица судовых экипажей иностранных судов имели право сходить на берег и пребывать на берегу по особым пропускам, которые выдавались контрольно-пропускными пунктами. Лицами судовых экипажей признавались только внесённые в судовую роль; пропуска выписывались на судне и выдавались капитану под расписку. Если иностранные моряки находились в городе больше 24 часов, была обязательна их прописка в общем порядке, которая производилась на основании пропусков. Во время пребывания на берегу лица судовых экипажей иностранных судов должны были подчиняться всем законам и распоряжениям, действующим на территории Советского Союза⁵⁰.

В совокупности наличие юридической основы для ограничения схода моряков на берег и жёсткий, обоснованный складывающейся оперативной об-

становкой, контрразведывательный режим со стороны органов безопасности и создавали видимость недоброжелательного отношения к морякам.

Британцы хорошо понимали, что их деятельность тщательно контролируется, поэтому уделяли большое внимание организации внешней контрразведки. Так, начальник 126-й портовой базы майор Энтони Джон Риис, которого советские контрразведчики между собой называли Антон Иванович, неоднократно делал попытки допрашивать обслуживающий персонал базы с целью выявления среди советских служащих агентов военной контрразведки. В личных беседах он интересовался, каким образом тот или иной сотрудник попал работать к англичанам, кем был рекомендован на эту работу, где раньше работал и в качестве кого, вызывался ли по каким-либо делам в органы безопасности или милицию и не имел ли каких-либо предупреждений. Аналогичную работу вёл и личный секретарь Рииса Дональд Уотсон, заведовавший секретной канцелярией. В его картотеке имелся список всех девушек Архангельска, которые, как он предполагал, используются контрразведчиками НКВД и особыми отделами в качестве осведомителей. Об этом Уотсон, видимо в качестве профилактической меры, рассказал «по секрету» своим товарищам по работе.

В целях выявления нашей агентуры сотрудники миссий прибегали к самым разнообразным способам проверки советского обслуживающего персонала и своих связей из числа советских граждан: оставляли одних у служебных бумаг, делились «секретами», «доверяли» ключи от служебных помещений, наблюдали за поведением, следили за ними на улице, выявляли среди них членов партии и комсомольцев.

Ещё одним активным сотрудником так называемой внешней контрразведки являлся заведующий гаражом английской военно-морской миссии Джон Линч, который вёл наблюдение как за офицерами и рядовыми английской миссии, так и за обслуживающим персоналом из числа советских граждан, стараясь выяснить их принадлежность к агентуре советской контрразведки⁵¹.

Вместе с тем дотошные английские представители внешней контрразведки имели под боком в среде своих соплеменников весьма вороватых хозяйственников. Регулярные кражи со складов военных миссий вызывали в органах НКВД стойкие сомнения в их реальности.

НКВД СССР т. Серову. Из записки по «ВЧ» от 6.01.43 года:

За 1941 и 1942 год в Архангельске, в милиции зарегистрировано 16 краж из складов и помещений английской и американской миссий. Все эти кра-

жи раскрыты, причём о большинстве из них заявлений от миссий не поступало.

Кроме того, получено 7 заявлений о кражах, которые являются сомнительными. Сомнительность их подтверждается данными агентуры и допросами сотрудников миссий – советских граждан.

Так, кладовщик общежития английской миссии БЕКЛИ Роберт 8.12.42 г. заявил о хищении у него со склада саквояжа с 10 000 рублей советской купюрой, между тем, выручка его от продажи за день таких размеров не достигает, во-вторых всю выручку он обязан сдавать ежедневно и наконец агентурно он изблещён в связях с женщинами, которым дарит продукты питания и другие вещи...

Налицо в обоих случаях несомненный факт симуляции краж в целях покрыть расхищенные продукты. <...>⁵²

Вернёмся к конкретным действующим лицам нашей книги. В архивных материалах РУФСБ России по Архангельской области сохранились фотографии многих сотрудников военных миссий. Один из них – Морис Пайпер, телеграфист английской миссии, человек, о шпионской деятельности которого известно, однако доказать её пока не представляется возможным. (Такие формулировки использовались, когда в отношении подозреваемого велась оперативная проверка. – *Прим. авт.*) «Пайпер собирал у себя на квартире компании и устраивал весёлые пирушки с обильными возлияниями. Причём, подбор “русских друзей” он осуществлял весьма целенаправленно: скажем, помимо женщин, постоянными гостями хлебосольного Мориса были радисты с базы флота Козолаев и Мозес, механик с военного аэродрома Буренин. К слову, Пайпер никогда не пытался спорить с гостями, выспрашивать у них что-то – он просто подливал и слушал.

Надо отметить, что английские разведчики исключительно редко уличались в попытках вербовки советских граждан – предпочитали использовать своих агентов “втёмную”. Подкармливали, “помогали” деньгами, часто приглашали на выпивку, но не вербовали. Наверное, не желали подставляться. А может быть, и без активной вербовки получали достаточно информации – болтун, как известно, находка для шпиона»⁵³.

Нередко архангелогородцы становились очевидцами многочисленных фактов, когда заокеанские гости позволяли себе поступки, выходящие за все мыслимые пределы морали. Вот лишь несколько примеров, относящихся к весне–лету 1943 года.

«Скажем, 23 февраля были задержаны два сотрудника английской миссии – Вильям Лоудз и Ричард Прайер. Впрочем, слово “задержаны” – сказано слишком мягко. Оба англичанина были вдрызг пьяны, приставали к женщинам, когда же их попытались успокоить по-хорошему, избили рабочего Ширшикова и инвалида войны Кашина, а также постового милиционера Самохина. Даже когда прибыла группа сотрудников Управления НКГБ, Лоудз и Прайер полезли в драку и к ним, да только тут уж их скрутили. Английская сторона против задержания не протестовала, только просила о снисхождении. Ну, тут ещё хоть можно всё списать на пьяное хулиганство. 12 июня того же года произошёл случай куда хлеще. В тот день два установленных английских разведчика, Риис и Гендерсон совершили деяние, которое в уголовных кодексах всего мира считается преступлением.

Более детально представим этих джентльменов. Майор Антони Джон Риис, шотландец, профессиональный разведчик. До Архангельска пребывал в Китае и Прибалтике, где активно работал с белой эмиграцией. Несмотря на то, что у него была законная супруга, дочь эмигранта из России генерал-лейтенанта Шевденкса, в Архангельске вступил в брак с некой Татьяной В.

Ну а его подельщик – первый офицер миссии командор Кенетт Джеймс Гендерсон, также разведчик. Они вдвоём ворвались в квартиру... той самой Татьяны В., местной супруги Рииса. Они тщательно и умело учинили обыск, проверив шкафы, сундуки, чемоданы – в общем, всё.

Потом то же учинили на квартире ещё одной своей знакомой. Что они искали – неизвестно. Но советские правоохранительные органы воспользовались происшедшим, чтобы выдворить шпионов из страны»⁵⁴.

В начале 1943 года в результате разгрома Красной армией германских войск под Сталинградом военно-политическая обстановка изменилась коренным образом в пользу государств антигитлеровской коалиции, однако английская разведка продолжала шпионскую работу в СССР. Некоторые наиболее активные английские разведчики из состава миссий – «представительств» – были взяты с поличным нашей контрразведкой и выдворены из СССР. И.В. Сталин направил У. Черчиллю специальное письмо, в котором, в частности, говорилось, что вербовочные предложения со стороны английской разведки оскорбляют русских людей... Так подрывная деятельность английской разведки, проводимая в СССР с легальных позиций, была практически парализована.

Представительной комиссией из Москвы, посетившей управления НКГБ и НКВД в 1944 году, было подготовлено спецсообщение, в котором проведён

анализ работы соответствующих органов Архангельской области по всем направлениям деятельности.

В спецсообщении Меркулова, Шаталина, Федосеева И.В. Сталину и В.М. Молотову «О положении в Архангельске и Молотовске» от 4 июля 1944 года № 2497/м говорилось:

«Ознакомившись с положением в Архангельске и Молотовске, докладываем:

<...> 5. Английская военная миссия в настоящее время насчитывает 61 человек, а миссия США – 4 человека. За исключением нескольких лиц, все они прибыли в Советский Союз после октября месяца 1943 года. Англичане старались пропустить через свою миссию возможно большее количество людей и часто обновляли её состав. Приходящие в Архангельск и Молотовск иностранные суда обычно простаивают в портах от 2 недель до полутора месяцев. Всего посетило Архангельск и Молотовск за период 1941–1944 гг. 222 иностранных парохода, насчитывавших в составе своих команд 15 540 человек. <...> Органами государственной безопасности зафиксировано более 1150 связей иностранцев с жителями города, из них более или менее постоянных – 150.

6. Наряду со связями интимного и бытового характера были установлены шпионские связи англичан и американцев с советскими гражданами. Органами государственной безопасности за период 1941–1944 гг. арестованы и разоблачены из числа советских граждан 41 английский шпион и 2 американских, в том числе в 1943 г. – 29 человек и за первую половину 1944 года – 11 человек. Англичане в целях шпионажа широко использовали проживавших в Архангельской области поляков. Так, из 43 арестованных шпионов – поляков 25 человек. Лица из состава английской миссии, занимавшиеся разведывательной деятельностью (МОНД, КОТТОН, СОТТОН, ДЭН, БЕРГ и др.), одновременно выехали из Советского Союза. Другие установленные разведчики из состава английской миссии в количестве 5 человек (РИИС, ГЕНДЕРСОН, БЕРД, УАЙБЕРД, ПАУЭЛЛ) выдворены из Советского Союза.

7. Органами государственной безопасности по Архангельской области в процессе борьбы со шпионскими, антисоветскими и иными враждебными элементами с начала Отечественной войны по 1-е июля 1944 года арестовано 2716 человек. За распространение провокационных слухов в первой половине 1944 года арестовано 23 человека. В целях ограничения количества связей англичан и американцев с советскими гражданами и удаления из Архангельска наиболее подозрительных лиц, которые могли служить базой для враждебной деятельности иностранцев, за период Отечественной войны

из г. Архангельска выселено в отдалённые районы 266 человек, в том числе за первую половину 1944 года – 61 человек»⁵⁵.

Преодолев последствия кризиса в отношениях союзников, потребовавших личного вмешательства первых лиц Великобритании и СССР, поставки по ленд-лизу продолжились. Моряки с постоянно прибывающих караванов в кубриках не засиживались. По воспоминаниям очевидцев, к 1943 году Архангельск был буквально наводнён иностранцами. Союзники исследовали город и окрестности вдоль и поперёк. Их можно было встретить на улицах и на базаре, на стадионе и в цирке, летом на пляже, зимой на катке, и не только в городе, но и в пригородах – в Исакогорке и на Кегострове. Преград для них не существовало, несмотря на некоторые официальные ограничения в свободе передвижения.

Близился конец войны. Несмотря на то, что интенсивность разведывательно-подрывной деятельности представителей англо-американских миссий несколько уменьшилась, факты проведения ими враждебной деятельности по-прежнему фиксировались. Из сообщения НКГБ СССР № 4842/МВГКО «О результатах проверки работы УНКГБ по Архангельской области по англо-американской линии» от 4 ноября 1944 года за подписью народного комиссара государственной безопасности Союза ССР, комиссара госбезопасности 1-го ранга Меркулова:

«В настоящее время в Архангельске постоянно находятся английская военно-морская миссия в составе 60 чел., из которых 26 офицеров и 34 рядовых, и американская военно-морская миссия в составе 7 офицеров.

Английскую миссию возглавляет капитан Уолкер Вильям, американскую – лейтенант флота Харшоу Джон.

Кроме того, в период прибытия в Архангельский и Молотовский порты иностранных судов Архангельск посещают экипажи этих судов, получающие разрешение на спуск на берег.

В связи с Вашим указанием в июле с. г. НКГБ СССР произвёл обследование состояния работы Управления НКГБ Архангельской области по англо-американской линии и провёл ряд организационных и агентурно-оперативных мероприятий для улучшения работы органов НКГБ по борьбе с англо-американским шпионажем.

<...>

В ведении разведывательной работы из состава английской миссии по-дозреваются 11 чел., из американской миссии – 2 чел. Из указанного числа наибольший интерес представляют:

1. Вотсон Джон Рид, с июня 1942 г. работает представителем английского министерства военного транспорта в гор. Архангельске. До революции проживал в Архангельске, в 1919 г. вместе с английскими интервентами выехал в Англию. До 1939 г. в течение нескольких лет находился в Риге в качестве английского консула и занимался разведывательной работой против СССР.

<...>

Пытается установить связь с лицами, работающими на водном транспорте в Архангельске.

2. Уолкер Вильям Богат, в СССР прибыл в марте 1944 г. на должность главы английской военно-морской миссии в Архангельске. По прибытии в Архангельск Уолкер начал устанавливать связи среди писательских, врачебных и артистических кругов, используя для этой цели приёмы, устраиваемые им в здании миссии, и обеды у себя на частной квартире. При этом в беседах с советскими гражданами пытается выяснить их политические настроения.

3. Воли Джозеф Питер, офицер-шифровальщик английской военно-морской миссии в Архангельске. Перед отправкой в СССР окончил специальные шестимесячные курсы английской разведки. С прибытием в Архангельск, под видом усовершенствования русского языка, начал устанавливать связи среди местного населения. В разговорах пытается выяснить экономическое положение советских граждан. Ведёт наблюдение за советскими моряками, прибывающими в Архангельск, посещая с этой целью почти ежедневно ресторан "Интурист".

4. Сендз Эдвард Роберт, англичанин, прибыл в Советский Союз 31 октября 1943 г. в качестве переводчика английской военно-морской миссии в г. Архангельске, имеет звание мл. лейтенанта морского добровольческого резерва. Перед отправкой в Советский Союз окончил специальные курсы английской разведки. В Архангельске пытается завязать связи среди местного населения, особенно проявляет интерес в отношении работников Внешторга.

5. Мاستон Раймонд, англичанин, британский подданный, лейтенант авиации, в Архангельск прибыл 30 января 1944 г. в качестве переводчика английской военной миссии в г. Архангельске. Мастон был личным секретарём лорда Бивербрука, затем секретарём командующего военно-воздушным флотом Англии. Перед выездом в СССР окончил специальные курсы английской разведки. По прибытии в Архангельск развернул активную деятельность по установлению связи с местным населением.

6. Уорчелл Филипп, американский гражданин, имеет звание лейтенанта флота, с мая 1943 г. работает в г. Архангельске в качестве представителя военной миссии США в СССР. По прибытии в г. Архангельск пытался приобрести связи среди советских граждан, главным образом из числа интеллигенции и лиц, работающих на оборонных предприятиях. Интересуется данными о настроении и материальном положении населения, работой Архангельского и Молотовского портов, численностью Беломорской военной флотилии, условиями содержания заключённых в советских тюрьмах

<...>

В гор. Вологде каких-либо представителей англичан и американцев нет. Во исполнение Вашего указания НКГБ СССР приняты необходимые меры для дальнейшего улучшения агентурно-оперативной работы по англо-американской линии и по пресечению возможных связей англичан и американцев с военнослужащими, после прибытия в Архангельск и Вологду стрелковых корпусов»⁵⁶.

Напомним, что вся агентурно-оперативная работа по англичанам и американцам была сосредоточена в КРО (затем 2-м отделе) УНКГБ по Архангельской области. Исключение составляли разработки военнослужащих Красной армии и ВМФ и их связей, этими делами занимались особые отделы Архангельского военного округа и Беломорской военной флотилии. Стоит отметить активную и результативную работу военной контрразведки по этой линии, особенно в отношении контактов, из среды военнослужащих с представителями иностранных миссий. И вообще взаимодействие всех спецслужб военного времени, объединённых одной целью, было на высоком уровне. В совместной деятельности контрразведчики обменивались информацией, проводили совместные операции, отслеживали перемещения сотрудников миссий. Этого требовала складывающаяся оперативная обстановка. Иностранные разведчики активно перемещались из региона в регион, заводили бесчисленные знакомства с военнослужащими и гражданскими лицами, пытались запутать наши компетентные органы.

10 ноября 1944 года. Из докладной записки начальника ОКР «СМЕРШ» Северного флота генерал-майора береговой службы Кириллова № 5599 начальнику УКР «СМЕРШ» НКВМ «По работе по обслуживанию британской военно-морской миссии на базах Северного флота по состоянию на 5 ноября 1944 г.»:

«Глава британской военно-морской миссии на Севере СССР (старший британский морской офицер на Севере России) контр-адмирал Эджерстон

находится вместе со своим штабом при главной базе Северного флота, в гор. Полярном. <...>

Британская военно-морская миссия в г. Архангельске обслуживается УНКГБ Архангельской области. Личный состав британских военно-морских миссий в значительном количестве заменён, особенно офицерский состав (переводчики, офицеры связи). Ранее нами выявленные разведчики из Полярного и Ваенги выбыли в Англию, а часть из них в Архангельск и Москву.

Из вновь прибывших английских офицеров и унтер-офицеров нами подозреваются в разведдеятельности на Севере следующие:

1. Чане Дэвид Александер, англичанин, младший лейтенант, переводчик при английской миссии в Полярном, прибыл в октябре 1943 г. По ориентировке 2-го Управления НКГБ СССР, Чане перед отъездом в СССР окончил лондонскую школу разведки. Прибыл в СССР с рекомендательными письмами к советским гражданам в г. Архангельск.

2. Тауэрси Роберт Генри, англичанин, лейтенант по связи, прибыл в Полярный в октябре 1943 г., знает русский язык. Приобрёл связи среди артистов ДВМФ и женщин в Полярном, Мурманске, Архангельске.

3. Роу Георг, англичанин, владеет русским языком, унтер-офицер, зав. английской лавкой по обслуживанию миссии в г. Полярное. В 1941–42 гг. проживал в Архангельске, откуда был выселен по настоянию наших органов <...>⁵⁷.

После окончания Отечественной войны прекратилась, хотя и со значительной задержкой, деятельность английской и американской военных миссий в г. Архангельске. Британский военно-морской штаб закрылся в октябре 1945 года, и весь его состав выехал в Англию. Представительство военно-морской миссии США в Архангельске закрылось в августе 1946 года. С окончанием войны значительно сократилось посещение Архангельского и Молотовского портов иностранными торговыми судами. В связи с этим контрразведывательная работа Управления МГБ по Архангельской области была в основном направлена на установление и агентурную проверку всех лиц, имевших связь с англичанами и американцами в период Отечественной войны, и на глубокую агентурную разработку лиц, подозреваемых нами в шпионской деятельности.

Итоги деятельности английской и американской разведок на советском Севере в период с осени 1941 по 1947 год подведены в справке, хранящейся в архиве РУФСБ России по Архангельской области.

«В результате организованной УМГБ Архангельской области контр-разведывательной работы против английской и американской разведок, из постоянного состава сотрудников английской и американской миссий в г. Архангельске и команд иностранных торговых судов, находившихся в гг. Архангельске и Молотовске в период Отечественной войны, установлено 76 английских разведчиков и 31 американский разведчик.

Изучение личного состава и деятельности Британского военно-морского штаба, а также других представительств английской военной миссии, находящихся в г. Архангельске, подтверждает, что все эти официальные представительства служили легальным прикрытием для засылаемых сюда английских разведчиков.

Так, например, осенью 1941 г., т. е. в самом начале деятельности представительств английской военной миссии в г. Архангельске, более половины офицерского состава, прибывшего под прикрытием сотрудников этих представительств, являлись русские эмигранты, англичане, ранее проживавшие в России, а также лица, в совершенстве владеющие русским языком. Большинство из них впоследствии были выявлены нами как кадровые английские разведчики, использовавшие официальные должности сотрудников военной миссии как легальное прикрытие для своей разведывательной работы.

...По полученным нами агентурным данным, американская разведка в настоящее время, так же как и английская, уделяет особое внимание вопросу получения достоверных данных о военно-стратегическом потенциале Советского Союза.

Это подтверждается, в частности, содержанием перечня заданий по разведработе, поступившей в представительство военно-морской миссии США в г. Архангельске, с которыми нашему агенту "Левицкая" удалось ознакомиться в июле 1946 г.

В этом перечне предложено собирать следующие сведения:

- об особых приготовлениях и перемещениях Советской Армии и Флота, являющихся очевидным доказательством изменения их состояния;*
- о политических настроениях офицеров армии и флота в связи с неустойчивым международным положением;*
- о политических настроениях населения и отношении его к советскому правительству;*
- о сырьевых ресурсах, работе промышленности и транспорта, торговой политике и планах на будущее;*

- количестве используемых германских военнопленных на судостроительных и судоремонтных предприятиях и характеристика на них;
- о военном флоте, подробно по разделам: военные корабли, подводные лодки, характеристики на офицеров флота, добытые путём личного контакта, а также из местной прессы и других источников;
- подробные характеристики на офицеров, обращающихся за визами на въезд в США.

В результате агентурного наблюдения за сотрудниками английской и американской миссий, а также иностранными моряками, прибывавшими в Архангельский и Молотовский порты, за период Отечественной войны УМГБ по Архангельской области было выявлено и взято на учёт 1350 советских граждан, имевших связи с иностранцами.

За этот же период Управлением МГБ по Архангельской области было арестовано 62 агента английской разведки и агентов американской разведки»⁵⁸.

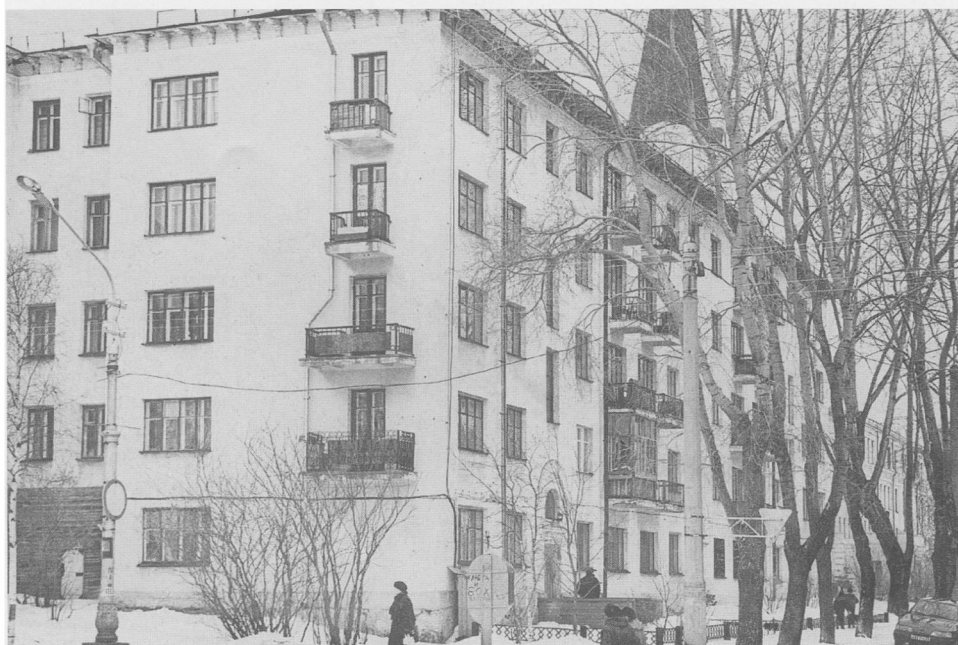
Архангельск, 9 мая 1945 года. Дом на улице Ворошилова (в старые времена Финляндской, Пролеткульта, сейчас – улица Попова), бывшее Норвежское консульство, где в годы войны размещалась английская военная миссия. Здания этого давным-давно нет

Дом на углу набережной и улицы Карла Маркса, в котором жили англичане. Сохранился только третий дом от угла

В этом деревянном доме, стоявшем на углу набережной и улицы Карла Маркса, располагалась британская часть связи. Зима 1942 г.

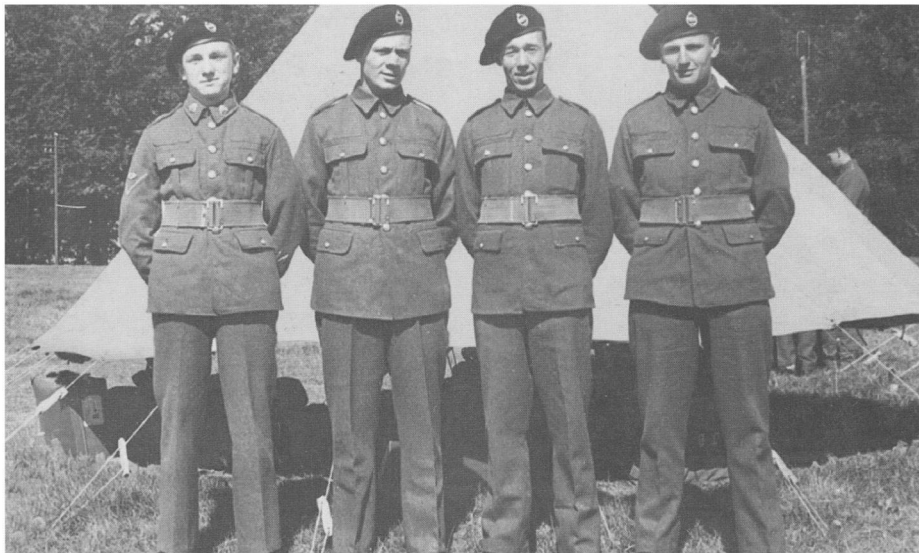
Дом на углу набережной и улицы Карла Маркса, в котором жил старший офицер военной миссии Великобритании в Архангельске капитан Монд. Современный снимок

В центре группы контр-адмирал Иван Папанин с представителем американской военно-морской миссии в Архангельске лейтенантом Джоном Хашоу и старшим морским офицером военно-транспортной службы Великобритании в Архангельске капитаном Мондом, 1944 г.

Советские и американские морские офицеры во дворе дома, где в годы войны располагалась американская военно-морская миссия. За калиткой – ул. Энгельса (теперь – Воскресенская)

Первый слева Терри

*Британские морские связисты и архангелогородки
на крыльце «дома Карла Маркса»*

Современное состояние
России

СЕКРЕТАРЮ АРХАНГЕЛЬСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

ГОВ. ОГОРОДНИКОВУ

Л И Ч Н О

Здесь

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О поведении англичан при посещении
гор. Архангельска и порта.

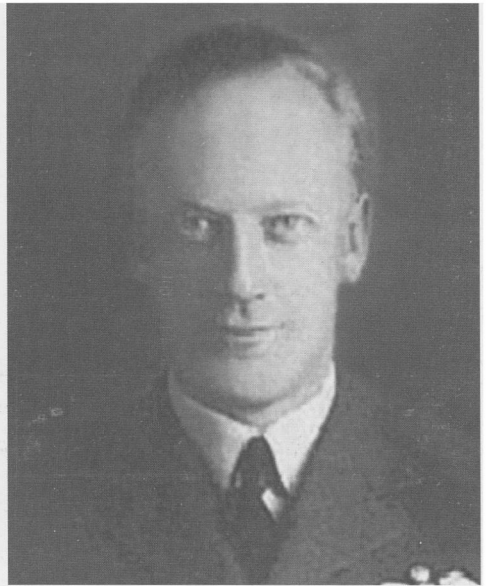
С установлением торговых отношений с Англией, через Архангельский морской торговый порт в гор. Архангельске осело англичан для постоянной работы по линии морского штаба 11 человек, по линии Народного Комиссариата Внешней торговли 2 человека, по линии штаба АВО 2 человека. Кроме этого с последним караваном прибыло свыше 30 человек разных военных специалистов, которые вошли в состав английского гарнизона на Бакарлице.

Все указанные лица проживают: в отдельных домах по ул. Карла Маркса, Пролеткульта (быв. Норвежское консульство), гостиница Интуриста, в поселке "Бакарлица" (отведен специально один дом).

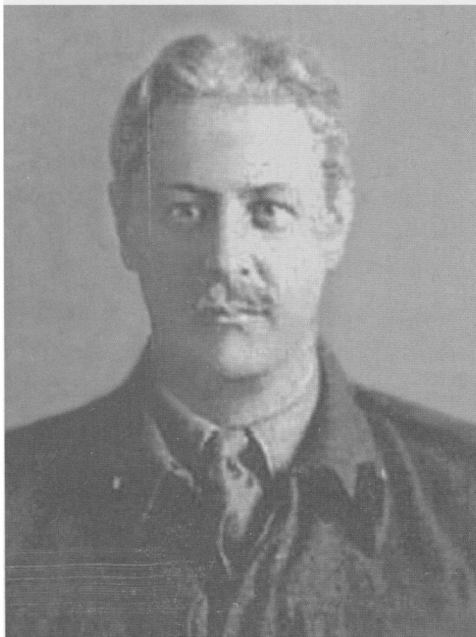
По мнению в УНКВД Архобласти данным, часть англичан при выполнении своих обязанностей проявляет активный интерес не только к жизни города, к вопросам снабжения населения продовольствием, но интересуется в разведывательных целях состоянием обо-

Вильям Лоус (Лоуз)

Куртис Берд Айво

Кеннет Эксом (Эксем)

Кенетт Джеймс Гендерсон

Морис Пайпер

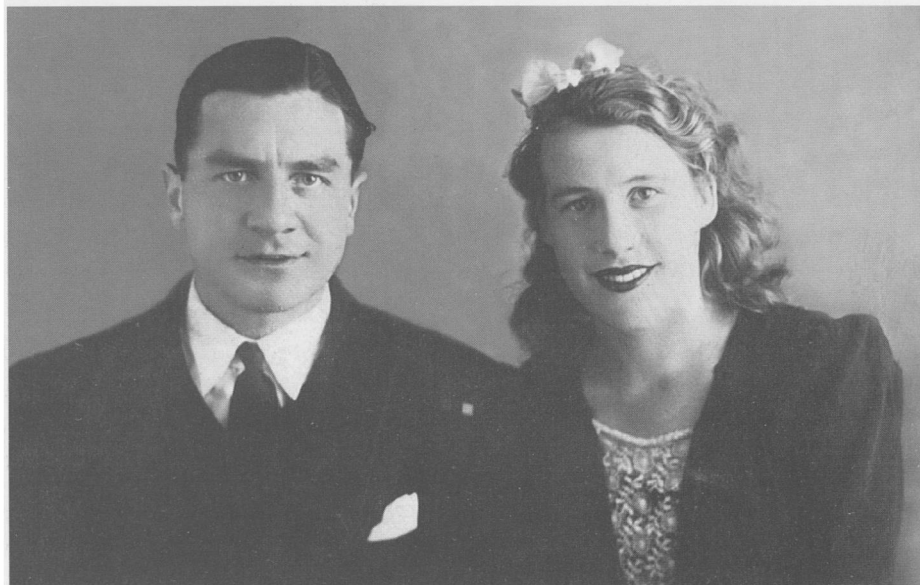
Джон Линч

Гай Оклей Мوند

Справа налево: Аберкромби, Гилет, Морис Вильсон, Маерон

Джон Акастер с Верой К-вой

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Уайберд Дерек Б. – командер-капитан 2-го ранга, заместитель начальника морской группы английской военно-морской миссии в СССР. Прибыл в Архангельск 24 июня 1941 года. За проведение враждебной СССР деятельности по требованию советского правительства был объявлен персоной нон грата и выдворен из СССР. Убыл в Англию 6 декабря 1941 года. Фактически за полгода английский офицер проявил себя столь скверно, что, несмотря на стратегические союзнические планы между нашими странами, демонстративно вышвырнут из Советского Союза. Обратимся к истории его пребывания в стране, тем более он интересен нам тем, что его шпионская карьера провалилась в Архангельске.

С созданием антигитлеровской коалиции между союзниками стали устанавливаться тесные взаимоотношения. Примером такого рода контактов явилось открытие в августе 1941 года английской военно-морской миссии в СССР. Были среди них и профессиональные разведчики.

Первым в поле зрения нашей контрразведки попал заместитель начальника морской группы английской военно-морской миссии в СССР капитан 2-го ранга Уайберд Дерек. За мнимым добродушием этого человека крылась холодная, расчётливая натура, и его пресловутая простота была одной из многих личин, которые он снимал и надевал по своему желанию. То преданный друг, расположенный к душевным беседам, то дипломат, искушённый в ведении переговоров, то любитель антисоветских анекдотов в пошлом вкусе, то восторженный поклонник русского народа; подлинное же его «я» было скрыто завесой тайны. Оказавшись в какой-нибудь компании русских, Уайберд внимательно наблюдал за каждым из них, явно интересуясь прежде всего тем, какое положение они занимают в обществе и насколько пользуются влиянием среди своих сограждан. Если он приходил к заключению, что это простые люди, рядовые граждане Советской страны, то сразу терял к ним всякий интерес и, встретив их в другой раз на улице, не отвечал на поклоны. В тех же, кто чем-либо возбудил его любопытство, он вцеплялся как клещ.

Вначале контрразведчики обратили внимание на то, что этот офицер старается как можно чаще посещать советские корабли и аэродромы, проявляет

при этом излишнее внимание к специфическим вопросам технического оснащения, боевой подготовки.

В ходе сбора дополнительной информации о «доблестном» вояке выяснилось, что Уайберд родился в 1904 году в Лондоне. Окончил военно-морское училище. Достаточно хорошо владеет русским языком, который изучал вначале в Лондоне, затем в 1933 году в течение девяти месяцев в Таллине. В то время этот город являлся центром подготовки английских и американских разведчиков русского направления. Для практики в языке и знакомства со страной и обычаями Уайберд в 1935 году посещал СССР под видом туриста. До назначения в Москву работал в Адмиралтействе Великобритании. Себя в разговорах рекомендовал штабным офицером.

Полученная информация послужила толчком к более плотному и постоянному наблюдению за Уайбердом.

6 сентября 1941 года. Из сообщения 1-го Управления НКВМФ СССР № 54056-сс в 3-е Управление НКВМФ СССР о разведывательной деятельности членов английской военно-морской миссии и английских представителей в СССР.

«...Уайберд является опытным разведчиком. Очень любознателен, но умеет держаться, действуя с толком. Знает хорошо советский флот, поэтому интересуется больше политическими и другими вопросами.

Находясь, например, в конце июля в течение двух дней на Архангельском аэродроме (где он ожидал миссию кэптана Бевона), всё время стремился “прогуляться” по его территории. При осмотре нашего эсминца “Сокрушительный” Уайберд также больше всех проявлял любопытство.

Со всеми прибывающими офицерами Уайберд подолгу беседует и структурирует их. Заметно, что после этих бесед английские офицеры становятся более замкнутыми и недоверчивыми.

Коммандер Уайберд находился в Севастополе (с 11 по 21 августа 1941 г.) исключительно для организации и направления разведывательной работы прибывших сюда офицеров – кэптана Фокса и коммандера Эмброуза. Держал он себя очень высокомерно, все его разговоры носили ярко выраженный антисоветский характер и, безусловно, оказывали влияние на окружающих офицеров.

Уайберд, например, заявил, что его и других английских офицеров держат в Севастополе как в тюрьме, как на Лубянке, никуда нельзя ходить.

Он также высказывал “своё неудовольствие” сводками Информбюро и некоторыми мероприятиями советских органов. (“Почему держат народ в

полном неведении о действительном положении на фронтах – захвачен или нет тот или иной город немцами”, “Почему отобрали радиоприёмники” и т. п.).

Уайберд, очевидно, имеет особые полномочия, так как английские офицеры, с которыми он встречался при своих поездках в Архангельск и Севастополь, даже выше чином, его побаиваются и выполняют его приказания беспрекословно.

Прибывающие английские офицеры становятся информаторами командера Уайберда и осуществляют с ним связь, используя для этого шифр.

Уайберд знал бывшего военно-морского атташе в Англии Чикунского и осведомлялся, где таковой сейчас находится. Знал он также бывшего секретаря ВМАТ в Англии тов. Костринского.

Выводы:

Командер Уайберд – квалифицированный разведчик, имеющий солидный стаж работы в этой области и хорошую подготовку.

Имея дипломатическую визу и являясь членом военной миссии, использует своё положение для организации разведывательной сети в нашей стране...»⁵⁹

Вернёмся на побережье Белого моря. Основная официальная цель пребывания Уайберда в Архангельске должна была охватывать все вопросы, связанные с безопасной проводкой союзнических конвоев в советские северные порты с вооружением и другими военными грузами. Для координации этой работы в городе была создана военно-морская миссия, аппарат которой постоянно расширялся и обновлялся. Например, в сентябре 1941 года в составе английской миссии в г. Архангельске работали 15 человек, а затем штат её увеличился до 238 человек.

В составе всех миссий и под их прикрытием работали также кадровые разведчики спецслужб союзников. Они вели разведывательную работу по трём направлениям: изучение Северного морского театра военных действий с позиций стратегической разведки; сбор информации военно-политического характера; идеологическая обработка своих связей в расчёте на привлечение их к сотрудничеству в различных формах. Подобная деятельность миссий противоречила союзническим обязательствам.

5 ноября 1941 года. Из спецсообщения № 3/1990 3-го отдела Беломорской военной флотилии в 3-е Управление НКВМФ СССР и 3-й отдел Северного флота.

«...За последнее время нами получены данные о том, что английские офицеры значительно активизировали свою деятельность по изучению отдельных лиц из обслуживающего персонала штаба. Одновременно с этим они изучают фарватер р. Северная Двина, его глубину и отдельные портовые сооружения в г. Архангельске. По донесению нашего агента "Шилова", в последних числах сентября руководитель английского штаба Уайберд, следуя на катере штаба флотилии ББ-2 от пристани г. Архангельска в направлении острова Ягодник, внимательно осматривал левый и правый берега Северной Двины, где расположены промышленные объекты, одновременно производил записи в блокнот. Не доходя до острова Ягодник, Уайберд, обращаясь к нашему агенту "Шилову", спросил, какая здесь глубина и могут ли пройти здесь крупные суда. 1 ноября 1941 г. агент "Ромашка" сообщила нам, что в настоящее время весь личный состав офицеров английского штаба составляет какие-то документы и отрабатывает оперативные карты с нанесением на них отдельных знаков. Во время работы штабных офицеров над картами обслуживающему персоналу категорически запрещено входить в кабинеты»⁶⁰.

Вопреки всем надеждам и расчётам советские органы безопасности отнюдь не расположены были допускать, чтобы сотрудники английской и американской военных миссий изучали их оперативные планы и занимались шпионажем. Та бдительность советских людей, которую роковым для себя образом не учли немцы, оценивая материальные и моральные силы Советского Союза, продолжала существовать, и никто не собирался от неё отказываться.

Наиболее серьёзную информацию о шпионской деятельности миссии «накопал» агент 3-го отдела Беломорской военной флотилии, подписывавший свои донесения фамилией Смыслов. Он сумел войти в доверие к старшему помощнику командира английского тральщика «Брамбл» капитан-лейтенанту Бенсону. Этот тральщик базировался в Архангельском порту у причала под названием Экономия. «Смыслов» часто бывал на корабле и даже выпивал со своим новым «приятелем». Однажды во время очередного возлияния капитан-лейтенант Бенсон отлучился в корабельный галльюн. «Смыслов» покопался у него в столе и нашёл небольшую книжку на английском языке под названием «Кольский полуостров и Архангельск». Каждая страница в ней была заполнена лишь частично. Оставшееся место разграфлено, и туда корабельные офицеры должны были заносить добываемую ими развединформацию.

В своём донесении 21 ноября 1941 года «Смыслов» писал: «В книге имелись следующие разделы: население, топография полуострова, подробное описание побережья, бухт. Состояние медпунктов. Перечень госпиталей в городах и портах. Почтовая связь, железные дороги, грунтовые дороги, внутриводные пути. Сигнальная, телефонная и радиосвязь. Береговые посты наблюдения и связи. Описание портов: Полярный, Мурманск, Кандалакша, Архангельск, Молотовск, Иоканьга и др. Авиация. Береговая оборона Кольского полуострова, Мурманска и Архангельска. Планы портов: Мурманска, Архангельска, Молотовска. Фотоснимки: Мурманска, Архангельска и других прибрежных местностей (всего около 30 фото).

Из-за недостатка времени (всего имел 15–20 минут) я не смог детально просмотреть весь текст книги и в особенности сводные таблицы по всем портам, но обратил внимание на то, что разделы имели примечание примерно следующего содержания: что “офицерам, пребывающим в России, следует уточнить и дополнить указанные в графах данные”. Многие из них уже были “заполнены чернилами от руки”».

Видимо, то, что миссия поставила шпионскую деятельность на поток, оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения руководства ВМФ СССР. Нарком Кузнецов вынес вопрос о деятельности английской миссии на заседание правительства. Уайберд и его команда вскоре были выдворены из Советского Союза. Но инцидент широкой огласке не предали, с Англией не стоило портить отношения. Впереди была тяжелейшая война, для победы в которой требовалось сотрудничество с союзниками, если даже иногда они оказывались чрезмерно любопытными⁶¹.

МЕСТО ВСТРЕЧИ – ИНТЕРКЛУБ

25 июля 1922 года в Архангельске открылся клуб моряков. Согласно Уставу задачами клуба являлись агитация и пропаганда среди моряков и портовых рабочих идей революционной борьбы. Членом клуба мог быть каждый моряк, признающий принципы классовой борьбы...

Во время Великой Отечественной войны Интерклуб стал занимать – в каменном здании на набережной – уже не часть, а весь клуб. В нём имелись ресторан на 100 мест, спортзал на 60–70 человек, парикмахерская, гардероб, зрительный зал на 450 мест, читальная комната, бильярдная, комнаты для отдыха и выставок и вспомогательные помещения. Интерклуб был приспособлен для одновременного обслуживания до 600 посетителей. По мнению иностранцев, Архангельский интерклуб был лучше, чем подобные клубы в Англии и Америке. В клуб принимались в первую очередь военные и торговые моряки и представители интеллигенции.

Во время войны в него вошли Иван Папанин, Георгий Суфтин, Юрий Герман, Сергей Плотников, профессора, доценты, преподаватели и студенты архангельских вузов. В 1943 году глава английского правительства Уинстон Черчилль прислал Интерклубу подарок – автопортрет в рамке под стеклом с личным автографом. В 1944 году посол США в СССР Гарриман, после посещения здания на набережной и бесед с американскими моряками, оставил в книге почётных гостей следующую запись: «Искренне благодарен за всё, что вы делаете для наших американских моряков»⁶².

Оставшиеся в живых после тяжёлого плавания иноземные моряки разгуливали по улицам, придавая городу несколько необычный вид. Здесь были англичане, французы, американцы, поляки, негры, арабы, югославы. Они появлялись в самых разнообразных одеяниях, а некоторые и вовсе в одном белье, если запаздывала одежда, заказанная для них. В основном это были выздоравливающие, самовольно уходящие из госпиталя⁶³.

Очевидцам – работникам Интерклуба запомнился один из попавших в беду конвоев. Немцы его потопили, все до одного суда ушли под воду. Успевшие спастись на лодках моряки кое-как добрались по штормящему холодному морю до Новой Земли. Оттуда их, истощённых, оборванных и

обмороженных, пароходом привезли в Архангельск. Одних поместили в госпиталь, другие бродили по городу, пока не наткнулись на Интерклуб. «Вот куда нам надо!» – решили они. Они ворвались целой оравой, возбуждённые, грязные, оборванные. Они называли себя «survivors» (от английского survive – «выжить»), и это слово в русском произношении прочно приклеилось к ним в городе. «Сурвайверы» – звали их горожане. Работники их успокоили, объяснили, что в спешке их просто не успели устроить, что сейчас им помогут найти тёплые помещения, где они смогут вымыться, отоспаться и привести себя в порядок⁶⁴.

Союзники исследовали город и окрестности вдоль и поперёк. Их можно было встретить на улицах и на базаре, на стадионе и в цирке, летом на пляже, зимой на катке, и не только в городе, но и в пригородах – в Исакогорке и на Кегострове. Преград для них не существовало, несмотря на некоторые официальные ограничения в свободе передвижения. Специально для их культурного времяпрепровождения (а попросту говоря, чтобы не совали свой любопытный нос в секретные щели) в Архангельске, Молотовске и Мурманске открыли интерклубы.

В Архангельске на самом оживлённом месте – на пересечении улицы Поморской и проспекта Павлина Виноградова всегда толкались люди. Здесь гостиница, продовольственный и промтоварный магазины, аптека. Совсем недалеко торговля книгами. Чуть ближе к берегу Северной Двины находился знаменитый архангельский Интерклуб, один из самых старых в Советском Союзе⁶⁵.

Постановление бюро Архангельского обкома ВКП(б) «Об организации интерклуба в г. Архангельске». 29 октября 1941 года. Совершенно секретно.

«В соответствии с поручением Совета Народных Комиссаров Союза ССР об организации в Архангельске интерклуба бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Организовать в г. Архангельске клуб для обслуживания иностранных моряков.

2. Предложить исполкому областного Совета депутатов трудящихся передать для интерклуба помещение клуба моряков.

3. Обязать облстройтрест тов. Козловцева в декадный срок закончить ремонт клуба.

4. Предложить председателю ЦК союза деревообработки тов. Соколову не позднее 15 ноября оборудовать помещение клуба.

5. Поручить отделу кадров Архангельского обкома ВКП(б) подобрать из числа партийного актива, знающего иностранные языки, товарища для работы директором интерклуба.

6. Предложить тов. Масленникову (Интурист) организовать в интерклубе торговлю по обслуживанию моряков.

Секретарь Архангельского обкома ВКП(б) А. Федоров»⁶⁶.

Также отделу кадров Архангельского обкома ВКП(б) в конце 1941 года было поручено подобрать из числа партийного актива товарищей, знающих иностранные языки, для работы «инструкторами по культурно-массовой работе» в Интерклубе. Среди отобранных оказались в основном женщины, это и преподаватель Архангельского пединститута, выпускница ИФЛИ Татьяна Рузская, и эвакуированная ленинградка Римма Луцик (работала библиотекарем), и жена командующего Северным торговым флотом Н.В. Новикова, Тамара Новикова. Иностранцы называли девушек – «hostesses» (хозяйки). Они радушно встречали гостей, опекали их, делали всё, чтобы те могли отдохнуть и развлечься.

Директором была назначена Татьяна Ивановна Горинова – женщина мудрая, обаятельная, весёлая. Она любила повторять: «Меня послал сюда Шверник» (в то время член Политбюро, руководивший профсоюзами). «У тебя в клубе должно быть тепло и уютно, чтобы моряки чувствовали себя как дома, отдыхали и веселились», – наставлял он её. Татьяну любили и уважали все – и весь штат клуба, и гости-иностранцы⁶⁷.

В последующем руководители Интерклуба были настроены не столь оптимистично. Сказывался опыт общения с обслуживаемым контингентом. Из справки, подготовленной директором Интерклуба Е. Глуzmanом (точная дата неизвестна, но не позднее весны 1944 года). «Архангельский Интерклуб – трёхэтажное здание, зрительный зал на 500 мест, ресторан на 100 мест, спортивный зал. Ежедневная пропускная способность – до 1000 человек. Штат – директор и 3 инструктора, которые английским владеют слабо. Обслуживает английских и американских моряков, штабы миссий, студентов местного педагогического института и девушек, которых иностранцы приглашают. Сюда приходит много случайных людей и девушек лёгкого поведения». В связи с этим директор предлагал направлять в Интерклуб на работу людей со знанием английского языка, политически грамотных, которым следует увеличить зарплату, обеспечивать средствами на представительство, хорошо одеть обслуживающий персонал, организовать ремонт здания, обеспечить выступления хороших творческих коллективов, а также заняться из-

готовлением сувенирной продукции. Предложения директора видятся вполне логичными. Были ли они реализованы – бог весть⁶⁸.

Как вспоминает архангелогородка, кандидат педагогических наук Полярина Синицына, деканом факультета иностранных языков в институте тогда был Игорь Аничков, до войны бывавший даже во Франции и Англии. Со студентами он говорил только на английском и настойчиво рекомендовал им совершенствовать язык, посещая киносеансы и танцы в Интерклубе. Вот почему, назначая свидания бравым морячкам, девчонки пытались выведать у них секреты английской орфографии и правописания. Улучшение произношения, однако, чаще всего не являлось, главной причиной походов девушек в Итерклуб. Им просто нравились галантные кавалеры⁶⁹.

Заслуживающей внимания охарактеризовал в сопроводительном письме заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский заместителю председателя ГКО и наркому иностранных дел В.М. Молотову докладную записку корреспондента Совинформбюро, члена Союза советских писателей В.П. Беляева, написанную в начале марта 1944 года. Что же вызвало озабоченность замнаркома в записке писателя?

«Сообщаемое ниже ни в коей мере не может претендовать на полное освещение вопроса о союзниках, прибывающих в порты советского Севера. Единственными материалами, которыми я располагаю, были мои личные наблюдения, беседы с капитанами американских и английских пароходов, а также с работниками интерклубов – Мурманского, Архангельского и Молотовского. Сплошь и рядом каждый советский человек, общающийся с иностранцами на Севере, слышит от них упреки в том, что они не встречают к себе должного дружеского отношения, что их чуждаются, что их боятся приглашать к себе домой подобно тому, как, скажем, англичане у себя на острове охотно зазывают домой русских моряков и армейцев.

Английский капитан Питер Сквайр, проживший больше года в Архангельске, сказал мне: “С англичанами из русских может встречаться либо самоубийца, либо человек, тайно работающий в органах НКВД”.

Равным образом многие капитаны американских и английских транспортов всё время жалуются, что “порядочные люди, и в особенности представители советской интеллигенции, общаться с ними боятся” и их удел – общение лишь с женщинами лёгкого поведения. В результате всего этого якобы имело место антисоветское обращение в зарубежную печать группы английских моряков, побывавших осенью 1943 года в СССР. Они жаловались на советские порядки, запрещающие вовсе взаимоотношения с союзниками широкому населению»⁷⁰.

Справедливы ли их упрёки? Да, действительно особенно представители советской интеллигенции на Севере чуждались связями с союзниками, не будучи уверены, каковы будут последствия отношений между союзными странами. Основным контингентом лиц, общающихся с союзниками в личной жизни, не по служебным заданиям, являлись женщины и девушки, которые видели прежде всего личную выгоду. Американцы и англичане приносили в русские дома шоколад, продукты, сигареты – взамен этого они получали то, чего добивались, и, ясно, уносили не очень лестное представление о таких женщинах, которых можно купить за две плитки шоколада. Довольно большое количество подобных экземпляров женского пола являлись частыми посетительницами интерклубов, не случайно поэтому в обиходе называли Архангельский интерклуб «бардаком имени Черчилля».

Вполне понятно, что время от времени органы НКВД и НКГБ делали «изъятия» наиболее разложившихся девушек. Разве девушка, за две плитки шоколада поступающая на одну ночь в личное пользование иностранца, не является разложившимся, аморальным и подчас социально опасным элементом? Привыкая к лёгкой жизни и заграничным продуктам, подобные лица могли служить и прекрасной питательной средой для действий агентов иностранных разведок. Однако каждый такой случай репрессирования вызывал необычный шум в иностранной колонии и использовался девушкой как доказательство «большевистского террора» и вмешательства диктатуры даже в личную жизнь людей. Подобные сведения проникали и в зарубежную печать. Существовало вместе с тем ещё и такое положение: девушки, общающиеся с иностранцами короткое время, в случае их репрессирования заявляли, что они делали это потому, что были голодны, и тогда часто их оставляли в покое. Однако стоит девушке заявить, что она любит иностранного моряка, как это осуждается гораздо строже, благодаря чему среди англичан и американцев утвердилась точка зрения, что за проституцию советские власти карают менее строго, чем за нормальные отношения между людьми.

Писатель Беляев в своей докладной записке также пытался определить некоторые приоритеты в теперешней жизни иностранцев, нашедших временный приют на берегах Северной Двины, рассуждал с определённой долей сарказма о перспективах пребывания моряков в Архангельске, пытался с дипломатической осторожностью донести до руководства страны, что социально-экономический кризис в портовых городах Севера гораздо глубже, чем он описывал.

«Что бесспорно в жизни иностранцев на Севере? Несомненно, на всякий ли случай или заведомо точно они рассматривают Север как возможный

плацдарм для вторжения англо-американских войск в Россию, как территорию, на которой, прежде всего, может быть повторена интервенция. В связи с этим и повышенная деятельность английской и американской разведок и тщательное изучение “впрок” каждого русского человека, каждого явления общественной жизни и вообще всей обстановки.

Отсюда стремление как можно глубже проникнуть вглубь советского народа, разузнать его действительные настроения, окутать себя мифом “благодетелей”, абсолютно безупречных людей и т. д. Естественно поэтому, что никому из союзников, а в первую очередь представителям миссий, не нравятся те препятствия, которые чинят представители советской власти на пути общения с ними. Эти препятствия мешают разведчикам работать так же правильно, как, скажем, в Аргентине, и легко строить козни против советской власти.

Однако это всё вышесказанное и бесспорное не даёт нам права оставлять широкие массы тружеников – американских и английских моряков, в симпатиях которых мы всегда были заинтересованы, людей, которые, рискуя своей жизнью, возят всё-таки оружие в СССР, – за пределами нашего внимания, за своеобразной “Китайской стеной”.

Нельзя, чтобы, уходя из СССР, они уносили представление о девушках СССР как о проститутках, которые только и требуют “дай, дай”, или о мальчишках, которые, дёргая их на улицах за куртки, кричат: “Инглиш, продай сигарет!” А так как благодаря существующему положению моряки представлены только такому контингенту людей, то такое превратное представление о русских людях как о попрошайках может у них сложиться.

Мне кажется, что, имея в виду совершенно особую специфику Архангельска, Мурманска, Молотовска (пребывание подолгу команд иностранных пароходов на берегу, возможность их постоянного общения с советскими людьми украдкой в домах), следует время от времени разрешать вечера встреч советских, американских и английских моряков, вечера встреч моряков-союзников с советской интеллигенцией, врачами, актёрами, педагогами, инженерами и т. д. Надо коренным образом улучшить работу всех северных интерклубов, выделив их из системы ВЦСПС в самостоятельные единицы с весьма квалифицированным особым руководством. Инструкторский штат интерклубов следует отнести в снабжении к группам научных работников, чтобы эти наши люди с высшим образованием, беседующие с союзными моряками и по существу являющиеся главными и основными нашими пропагандистами, не голодали бы и не ходили в рваной одежде и стоптанных

ботинках. Надо в системе интерклубов выделить комнаты для офицеров, подобно тому, как это существует у нас.

Следует раз и навсегда посчитаться с тем обстоятельством, что по Архангельску и Мурманску десятки тысяч прибывающих туда союзных моряков делают представление обо всём Советском Союзе. Это представление делают не отдельные утончённые, брюзжащие дипломаты, а представители двух народов – кочегары, механики, рулевые и т. д., т. е. люди, которым у них на родине простой народ поверит без всяких. И вот, если такой кочегар у себя в Америке расскажет, как убивают русские люди в Архангельске друг друга, чтобы влезть в трамвай, или как толпы ребятишек атакуют на улицах Архангельска каждого иностранного моряка, чуть ли не силой требуя от него сигарет, то это мнение принесёт плохую славу СССР и эти рассказы очевидцев в какой-то степени парализуют нашу пропаганду в союзных странах.

Вот почему мне кажется, что города Севера давно пора сделать образцовыми городами СССР. Следует добиться того, чтобы зимой Архангельск не сидел половину вечеров без света, чтобы туда приезжали лучшие, хорошие артисты, чтобы было в нём много бань и не ломали бы себе ноги прохожие на архангельских тротуарах и чтобы культурно работала архангельская милиция и т. д., и т. д.»⁷¹

Решение В.М. Молотова по докладной записке В.П. Беляева было немногословным: «Т.т. Вышинского и Косыгина прошу рассмотреть этот вопрос, посоветовавшись с т. Щербаковым. Надо исправить положение».

В соответствии с резолюцией, как и следовало ожидать, «исправление положения» в портовых городах осуществлялось также по двум направлениям и, естественно, с большим политическим креном. 12 мая 1944 года Сталин подписал представленное председателем СНК РСФСР А.Н. Косыгиным постановление ГКО «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства городов Архангельска и Молотовска Архангельской области». Однако даже полное выполнение правительственных требований не могло существенно изменить социально-экономическое положение населения двух наиболее бедствующих портовых городов. Тем более что постановление совершенно не касалось вопросов улучшения снабжения хлебом, продовольствием, одеждой и другими предметами широкого потребления. Впрочем, для надёжности по просьбе заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского органы НКВД в течение мая и июня провели очередные «изъятия» наиболее активных проституток и социально опасных элементов в портовых городах.

Спустя два месяца после выхода постановления ГКО, 13 июля 1944 года вступало в силу постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению массово-политической работы среди населения городов Архангельска и Молотовска», подготовленное аппаратом секретаря ЦК А.С. Щербакова. Выполнение программных установок этого документа заняло без малого пять месяцев. В итоговом отчёте, представленном А.С. Щербакову в середине декабря 1944 года, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Иовчук сообщил следующее:

«В своём письме на имя товарища Молотова писатель В. Беляев указывал на ряд серьёзных недостатков в работе с иностранными моряками в городах Мурманске, Молотовске и Архангельске, а также на недостатки в постановке политико-просветительной работы среди населения этих городов. Для ознакомления с положением в гор. Архангельске и помощи в улучшении политической работы среди населения туда выезжал зам. нач. Управления пропаганды и агитации тов. Фёдоров. После решения ГКО от 12 мая... и решения ЦК ВКП(б) от 13 июля... Управлением пропаганды и агитации были проведены следующие мероприятия:

Клубы иностранных моряков, являющиеся основным местом работы с моряками, в указанных городах были переданы из ведения ВЦСПС в ведение ВОКС. В настоящее время можно отметить значительное улучшение в работе этих клубов – укреплены штаты инструкторов, улучшено оборудование и внешние оформление, улучшена постановка культурно-просветительной работы. В клубы направлено с августа по декабрь пять концертных бригад из артистов московских театров.

В города Архангельск и Молотовск была направлена пропгруппа в составе т.т. Паешиной, Лебедевой, Пуховского, Ермашева, Сорокина. Пропгруппа пробыла в указанных городах два месяца – с 29 июля по 29 сентября...»⁷²

Далее в отчёте обстоятельно описывались «трудодни» пропагандистов ЦК ВКП(б): совещания и семинары с партийным, советским и комсомольским активом, доклады и лекции по разъяснению военно-политической обстановки и о международном положении СССР. Последних на предприятиях, в госучреждениях и воинских частях было прочитано свыше ста с общим «охватом» 27 887 человек. Аналогичные мероприятия были проведены другой пропгруппой в Мурманске.

В довершение выполнения постановления ЦК ВКП(б) в портовых городах Севера, «в порядке партийной мобилизации», прошла вербовка наиболее достойных партийных и комсомольских активисток в «шефские бригады» интерклубов.

А вот как некоторые результаты выполнения постановлений ГКО и ЦК ВКП(б) выглядели со слов участника союзных транспортных конвоев в города Севера Ж. Блона:

«Из газетных статей военной поры известно, что девушки, представленные в клубе, были красивы, элегантны, хорошо танцевали, бегло говорили по-английски; моряки проводили поистине «доброе время на славу», танцуя и обмениваясь взглядами со своими партнёршами... На деле всё было несколько иначе. Гёрлс “Международного клуба” не умели разговаривать по-английски и вообще не понимали этот язык, за исключением нескольких слов. Находясь под бдительным наблюдением компетентных органов, они даже улыбаться остерегались. Гёрлс вращались в танцах как “деревяшки”, что обескураживало моряков. Зачем тогда советские власти открыли клуб? Союзные моряки этого не понимали, как и многое другое в поведении русских»⁷³.

Положительные сдвиги в работе интерклубов, повышение уровня их оснащённости и комплектования кадрами, поднятие уровня пропагандистской работы, даже некоторое оздоровление социально-экономического состояния населения города произошли не без участия органов безопасности. Сообщая на Лубянку и в Кремль о проделанной работе, чекисты использовали любую возможность донести до руководства страны о бедственном положении северян и предлагали пути выхода из сложившейся ситуации.

«...8. Нами проведены следующие мероприятия:

а) Из числа злостных распространителей слухов арестовано и привлечено к ответственности 9 человек;

б) Подготовлены и рассмотрены материалы на лиц, имеющих подозрительные связи с иностранцами, содержателей притонов и лиц, занимающихся распространением провокационных слухов, всего на 142 человека на предмет высылки их из Архангельска и Молотовска;

в) В результате обследования работы УНКГБ Архангельской области оперативной бригадой НКГБ СССР намечены и осуществляются мероприятия по улучшению работы УНКГБ по линии борьбы со шпионажем: проведён ряд инструктивных совещаний, даны конкретные указания по агентурным делам и разработкам, по использованию в этих целях интерклубов, по организации некоторых специальных мероприятий;

г) Совместно с членами бюро обкома и горкома ВКП(б) секретарями районных комитетов партии разработаны меры по усилению и улучшению агитационной и пропагандистской работы;

д) На собрании секретарей крупных первичных партийных организаций гор. Архангельска совместно с работниками обкома и горкома проведён instructивный доклад тов. ФЕДОСЕЕВА о текущем моменте.

Такой же instructивный доклад проведён на собрании пропагандистов и агитаторов обкома, горкома и райкомов, выделенных для выступления с докладами на эту тему на предприятиях и в учреждениях.

9. Считали бы целесообразным:

а) Выселить в отдалённые районы Архангельской области из городов Архангельска и Молотовска 142 человека, в отношении которых в УНКВД и УНКГБ имеются материалы об их подозрительных связях с иностранцами, о распространении ими провокационных слухов и проч.;

б) Направить в Архангельск на длительное время для проведения соответствующей работы пропагандистскую группу Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); усилить снабжение гг. Архангельска и Молотовска политической и художественной литературой;

в) Учитывая особенности Архангельска и Молотовска как портовых городов, посещаемых иностранцами, обязать Наркомторг полностью отоваривать выделяемые для Архангельской области продовольственные и промтоварные фонды.

Открыть в городе Архангельске один продуктовый и один промтоварный коммерческий магазины»⁷⁴.

* * *

Итак, нужно вынужденно признать, что в Интерклубе бывало много девушек лёгкого поведения. Постепенно эйфория общения советских людей с иностранцами, подкреплённая общей целью – победой в войне, прошла. Наступало разочарование. Моряки обращались с местными женщинами высокомерно, могли нахамить, откровенно презирали всех посетительниц ресторана. И, если обычные «ночные бабочки» (или как их именовали в те времена?) на подобные факты не обращали внимания (только плати!), романтическую натуру молодых патриоток это возмущало.

Тем не менее, в начале войны контакты нашей интеллигенции с иностранными моряками всячески поощрялись. Инженерам и служащим морских учреждений, немного владевших английским, иногда выдавали талоны на обед в ресторане Интерклуба, что было немалым подспорьем в голодные сороковые. В клубе был и ресторан с поварами из ленинградской «Астории» и русской кухней, где они могли вкусно и бесплатно поесть.

Иностранцев интересовало всё советское. Им показывали советские фильмы, переводя их на русский язык, учили их русским пляскам, нашим песням. В Интерклубе была уютная библиотека со шкурой белого медведя на полу. Там можно было спокойно посидеть, посмотреть журналы. По просьбе моряков сотрудники клуба учили иностранцев русскому языку. Захотели учиться большей частью негры. Там также можно было вместе с ними разглядывать фотоальбомы с изображением немецких зверств на нашей земле. Страшные картины, говорившие о жестокой войне, которая шла совсем рядом.

Из воспоминаний Мориса Ирвина, первого помощника капитана. «Первым делом мы направились в Интерклуб. Он оказался малопривлекательным зданием с высокими красными дверями, для открывания которых требовались крепкие плечи. Хотя холл был сер, убог и тёмн, здесь работало кафе с дюжиной столиков. Единственным декором его были портреты Ленина и Сталина. Пиво стоило четыре рубля за полпинтовую бутылку. Это было лёгкое пиво, сильно отдававшее луком. Одной бутылки этого пойла вполне достаточно. Сопровождавшие нас советские офицеры порекомендовали нам лучше купить бутылку русской водки по цене тридцать рублей за «маленькую». Они сообщили также, что в Интерклубе по вечерам устраиваются танцы, которые особенно хороши, когда вы имеете заранее отобранных партнёров, и что в воскресные дни мы ещё можем смотреть по паре фильмов. Они показали нам танцзал и комнату для игр. Мы обрадовались, что наконец-то нашли место, где можно отдохнуть»⁷⁵.

Зал был главным помещением в клубе – здесь собирались все. Там проходили концерты. В клуб приезжали лучшие советские певцы и музыканты – они почитали за честь выступить перед союзными моряками. Зал набивался битком. По вечерам часто ряды сидений отодвигались к стенам, и концертный зал превращался в танцевальный, оркестр из трёх стареньких музыкантов занимал свои места, и открывался бал. Конечно вальсом. Играли краковяк – его особенно любили иностранные гости, вальс-бостон, танец фокстрот. Плясали все – и толстые капитаны, и чопорные английские офицеры, и все-все моряки⁷⁶.

Сообщения об успехах Красной армии на фронтах встречались иностранными моряками в Интерклубе бурными аплодисментами. По их рассказам, они с большим интересом ждали прибытия пароходов на Север СССР, т. к. «побывать в России – теперь является мечтой многих граждан их стран».

Взаимонепонимание между союзниками проявлялось в вопросах и дискуссиях, которые проводились в Интерклубе. Иностранные моряки демонстрировали «недопонимание» политики СССР по самым различным вопросам (сущность политического режима и экономические «трудности», преследования религии в СССР, отношения СССР и Японии, «польский вопрос», проблемы послевоенного устройства мира и многие другие). Многие из них, питая симпатии к Советскому Союзу, полагали, что СССР не относится к разряду демократических государств. Об этом свидетельствовали задававшиеся моряками вопросы: «Существует ли в СССР демократия и имеется ли свобода слова и печати в такой степени, как это допускается в США и Англии?», «Почему в СССР допускается только одна партия, а не многие?» и т. п.

Острые вопросы задавались и по проблемам внешней политики СССР: «С кем думала воевать Россия в 1939 г. – с Англией или Германией?», «Почему Россия заключила пакт с Германией в 1939 г., если она действительно искала дружбы с демократическими державами?», «Почему Россия напала на Польшу в 1939 г.?», «Почему Россия захватила территорию Финляндии?»

Однако пребывание в СССР приводило зачастую к изменению привычных для иностранцев представлений, внушавшихся им пропагандой в собственных странах. Так, в ходе дискуссий в интерклубах моряки и капитаны английских и американских судов обычно задавали вопрос, как оценивается советским населением помощь, которая оказывается союзниками материалами и вооружением... По рассказам американских моряков, среди населения США широко распространено мнение, что Красная армия успешно наступает благодаря помощи вооружением и материалами, которые посылаются американцами в СССР; о промышленных возможностях нашей страны американский обыватель имеет слабое представление. И многие моряки заявляли, что, «посетив СССР, они начинают понимать, что советский фронт поглощает огромное количество вооружения и те материалы, с которыми они приходят на Север, составляют небольшую долю того, что требует фронт»⁷⁷.

Концерты, лекции, беседы, киносеансы – стандартный набор, который предлагали иностранным морякам. Плюс буфеты с традиционными русскими деликатесами (водкой и икрой) и, конечно, танцы, где под пластинки, где под оркестр.

Для измученных бомбёжками и истерзанных штормами старших офицеров экипажей транспортов уполномоченный Ставки Верховного Главноко-

мандования Иван Папанин всегда давал банкет. Они с товарищами, дегустируя водку, быстро хмелели и едва добирались до своего корабля к урочному часу.

Ветераны союзных конвоев вспоминают, что, согласно инструкции военно-морского атташе США, выдаваемой всем членам американских экипажей: «Для того, чтобы каждый человек мог быть полностью осведомлён, простые, но очень важные правила, касающиеся пребывания на берегу. Требуется поставить подпись, что он прочитал и осознал следующее, прежде чем ему будет выписан пропуск на берег. Все должны вести себя на берегу так, как следует американскому гражданину в иностранном государстве, а именно:

- Сходя на берег, одевайтесь чисто и аккуратно.
- Не берите с собой ножи или другое оружие (по советским законам разрушители подлежат 5-летнему заключению).
- Не вступайте в споры, которые могут привести к беспорядкам.
- Будьте готовы предъявить пропуск и удостоверение личности, когда этого потребуют часовые или милиционеры.
- Соблюдайте комендантский час (24.00).
- Не входите в частное жилище без приглашения.
- Не вступайте в продажу и обмен продуктов, сигарет, одежды и т. д. Это серьёзное нарушение.
- Желательно воздержаться от интимных отношений с местными женщинами.
- Водка, в лучшем случае, – крепкий напиток, и ее следует употреблять с осторожностью. Любая жидкость, купленная за пределами Интерклуба и гостиницы, может быть отравлена.
- Ни при каких обстоятельствах, в которых вы оказались, не вступайте в препирательства с советскими гражданами.
- Помните, что, когда вы ходите на берег, вы являетесь гостем города, и русские люди делают всё возможное, чтобы ваш визит был приятным. Ведите себя соответственно».

Моряки, как правило, молодые люди, хотели отдыха и немножко веселья после двух-трёх опасных недельных переходов, в основном из Ирландии. Английский моряк Дуглас, например, вспоминает: «В клубе нам разрешалось выпить всего две стопки водки. Но иногда мы могли получить ещё порцию, если давали официантке шоколадку. И таким образом мы были очень пьяны. Только и всего». Девушки встречали их ухаживания с холодной учтивостью.

Как пишет в книге Ричард Вудман, «демонстрация слишком близких отношений к гостям вела к таинственным исчезновениям».

Советские ветераны-моряки, вспоминая военный Архангельск, те трудные времена, по-разному оценивают своих иностранных коллег. «Англичане держались кучно. Ребята они добрые, но заносчивые, с гордецей. Любили выменивать на тушёнку у нашей солдатни звёздочки и десятками лепили их на поясные ремни. Когда на катере ездили в Архангельск потанцевать в Интерклубе, то иногда наблюдали безобразные сцены с участием штатовских моряков. Американец, пригласив русскую девушку, мог на потеху своей компании во время медленного танца громко испортить воздух. Все янки просто помирали со смеху от тупоумной выходки. Правда, с рук им это не сходило, и после танцев, случалось, мы быстро чистили им рыло за углом – вставляли разума дуракам, пока нет патруля!»⁷⁸

Доходило порой и до откровенного хулиганства: распоясывавшиеся иностранцы, употребив лишнего, откровенно приставали к девушкам. Отказ общаться трактовался как оскорбление, а наказанием было избиение. «16 мая 1943 года в 23 часа в Интернациональный клуб явился в нетрезвом состоянии солдат 126-го базового соединения английских войск Спенсер Ричард и избил находившуюся там гражданку Красину В.И.»⁷⁹

* * *

Представляется, что наиболее правдивую картину, происходящего в Архангельске, поведала заведующая сектором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) И. Чекина, побывавшая в Архангельске летом 1942 года. 23 августа 1942 года подготовленная ею «Записка» была направлена сразу трём секретарям ЦК – А. Андрееву, Г. Маленкову и А. Щербакову.

«Объективные условия жизни иностранных моряков в Архангельске, особенно с потопленных судов, способствуют процветанию спекуляции, вредной болтовне (по словам начальника Политотдела т. Копылова, иностранным морякам совершенно чуждо понятие государственной и военной тайны), дракам, пьянству, проституции. Несколько тысяч здоровых молодых людей, хорошо питающихся, находятся в течение месяца в условиях полного безделья. Они бродят с утра до ночи по улицам города в поисках вина и женщин. Не случайны записи в книге впечатлений в Интерклубе: “Нечего пить”, “Тут слишком мало девушек”». Советские девушки, фланирующие по набережной и на улицах города в паре с иностранными моряками, моряки, тянущие

водку из горлышка тут же, где-нибудь на крылечке или на рынке, – явление обычное для Архангельска»⁸⁰.

Подобные факты вызывают у автора «Записки» беспокойство и даже возмущение. Местные специальные органы располагают данными о том, что знакомство иностранцев с советскими девушками получило широкое распространение. Основной приманкой для женщин и девушек являются подарки от иностранных моряков. Сами моряки рассказывали, что они ходят к девушкам на квартиры и что в завязывании знакомства большую роль играет шоколад. Меры, предпринятые органами милиции и НКВД, очень малоэффективны. Из Архангельска были высланы 30 девушек за проституцию. Но это не произвело никакого впечатления на остальных.

Деятельность архангельских властей не устраивает представительницу Москвы. «Партийные, советские и комсомольские организации во главе с обкомом и горкомом никакой работы с населением, в связи с наплывом иностранцев в Архангельске, не проводят. «При составлении планов политической работы среди моряков, отдел пропаганды совершенно не учитывает такие важнейшие факторы, как трусость моряков при перевозке грузов, отсутствие у иноморяков понимания военной и государственной тайны, проникновение в среду иноморяков фашистов. На американском судне “Трубадур” команда была подобрана так, что капитан с трудом довел корабль до нашего порта и сейчас никто не хочет возвращаться обратно. Уже в Молотовском порту на пароходе появились надписи: “Да здравствует Гитлер!”, “Да здравствует Германия!”». 13 человек из команды были арестованы»⁸¹.

Вместо того, чтобы противопоставить всем этим фактам рассказы о героизме наших советских моряков, воспитывать у иностранных моряков чувство бдительности на примерах зверств, грабежа и насилий фашизма в ряде областей нашей страны и в оккупированных странах Европы, показать англичанам и американцам, что несёт гитлеризм и для их Родины, вытаскиваются такие темы из довоенной практики Интерклуба, как «Профсоюзы СССР», «Колхозы в СССР», «Москва – столица СССР», «Брак и семья в СССР», «Национальности Советского Союза»⁸².

Какие выводы делает представитель Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) И. Чекина? Основной причиной совершенно неудовлетворительной работы среди иноморяков является никуда не годный состав работников Интерклуба и неумение профсоюзных органов ВЦСПС, ЦК Союза моряков по-настоящему, политически руководить этим делом. Для того, чтобы пра-

вильно организовать работу среди моряков, необходимо в первую очередь решить вопрос о руководстве интерклубами и обеспечить их, политотделы морского пароходства и обком партии квалифицированными кадрами политических работников, хорошо знающих английский язык. Вот так обстояло дело в Архангельском интерклубе к лету 1942 года.

* * *

А что происходило в Молотовском интерклубе? Собрать все службы для культурного времяпровождения иностранных моряков в одном месте молотовчанам не удалось. На протяжении длительного периода различные подразделения Интерклуба располагались в разных местах.

Так описывают одно из зданий современники того времени. Внешне это двухэтажное деревянное здание на углу улиц Республиканской и Пионерской обладало заметными архитектурными достоинствами. Огромные окна, высокое крыльцо, величественный фронтон, полукруглый балкон над входом и десяток псевдоколонн, установленных между окнами с северной стороны здания, придавали ему празднично-торжественный вид. Перед войной в его центральной части размещался самый большой магазин под № 12. В годы войны тут были Интерклуб, ресторан и гостиница «Интурист»⁸³.

В Молотовске (в настоящее время Северодвинск. – *Прим. авт.*) решение об открытии Интерклуба было принято значительно позднее, чем архангельского.

«Выписка из протокола № 225 заседания бюро обкома ВКП(б)

“Об организации интерклуба в г. Молотовске”

22 апреля 1943 г.

Строго секретно

В городе Молотовске во время прихода караванов судов происходит большое скопление советских и иностранных моряков, однако никакой работы по их культурному обслуживанию не проводится, клубное помещение для этой цели отсутствует.

Считая подобное явление ненормальным, бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать политотдел Северного морского пароходства и Баскомморя к 15 мая с. г. организовать в гор. Молотовске клуб для советских и иностранных моряков. Предложит Молотовскому горкому ВКП(б) и горсовету к 1 мая с. г. подобрать помещение для клуба и оказать помощь в его оборудовании.

Секретарь обкома ВКП(б)

(Огородников)»⁸⁴.

*«Выписка из протокола № 15
Заседания исполкома Молотовского горсовета депутатов
труд. “О помещении для интерклуба”*

27 апреля 1943 г.

Секретно

СЛУШАЛИ: О помещении для интерклуба.

РЕШИЛИ: 1. Во исполнение постановления бюро обкома ВКП(б) отвести для интерклуба помещение бывшего клуба завода, частично занимаемое сейчас отдельным дивизионом НКВД.

2. Библиотеку завкома завода 402 перевести из освобождённого помещения под интерклуб в клуб Строителей. Предложить Стр-ву 203 отвести для этих целей в здании клуба соответствующее помещение.

3. Предоставить отдельному дивизиону НКВД для расквартирования бойцов, находящихся в настоящее время в клубе завода в помещении по Беломорскому (Беломорскому проспекту. – Прим. авт.), д. № 4а.

4. Отвести в освобождаемом помещении под интерклуб низ со стороны госпиталя до парадного входа для размещения служб госпиталя, а освобождаемое помещение, занятое в настоящее время службами в корпусе госпиталя, отвести под расширение коечного фонда госпиталя.

5. Срок перемещения установить к 5 мая 1943 г.

*Председатель исполкома Молотовского горсовета
депутатов трудящихся*

Подольский

И. о. секретаря исполкома

Кулижников

Верно: Нач-к спец. части горсовета

(Кулижников)»⁸⁵.

Обратимся к рассказу очевидца, Лидия Черняева – первый библиотекарь города, ныне почётный гражданин Северодвинска: «На втором этаже Клуба строителей располагалась контора интерклуба. Ещё в 1938 году туда завезли старинную мебель, зеркала и бархатные портьеры для приёма важных персон. Вот и сгодилось ныне. Там заправляла переводчица Вера из Архангельского педагогического института. А я заходила туда изредка из любопытства, так как уже была замужем. На первом этаже в зале показывали фильмы. Союзники курили прямо там. У нас так было не принято, и мы удивлялись. Но никто не хамил. После сеанса сдвигали стулья по стенкам и крутили пластинки (например, «Цветут фиалки, ароматные цветы») до наступления комендантского часа. Вальс, фокстрот, танго. На начальном этапе ни буфета,

ни ресторана в клубе не было. Мы жили бедно, голодно, одевались плохо, поэтому танцевать ходили неохотно».

Из воспоминаний американского офицера Джона Ле Като: «В течение восьми месяцев, которые мы должны были провести в Молотовске, нам ничего не оставалось делать, как приспособиться к местной жизни. Несмотря на то, что мы не знали ни души и только несколько непечатных слов на русском, нам не терпелось познакомиться с молотовцами. День или два спустя после нашего прибытия я вышел в город на разведку. Мне никогда бы не пришло в голову, что русские будут рассматривать меня как диковинку, но так оно и случилось. Из окон выглядывали головы, и люди приостанавливались на улице, чтобы хорошенько оглядеть американца»⁸⁶.

Английский историк Ричард Вудман в книге «Арктические конвои: 1941–1945» упоминает молотовчанок: «Женщины в основном были тяжелы телом и чертами лица и делались ещё тяжелее от своей одежды. Однако я хотел бы подчеркнуть, как дружелюбны были эти люди, особенно по контрасту с военными, которые всегда были строго официальны и сердиты». Британские ветераны конвоев, посещавшие Северодвинск с делегациями в мирное время, всегда радуются, когда их подвозят к бывшему клубу строителей на улице Республиканской: немало счастливых часов проведено здесь. Они помнят песни «Синенький скромный платочек», «Катюша», тот самый легендарный «Случайный вальс». И всё же восторгов немного⁸⁷.

* * *

Анализируя архивные материалы о деятельности англичан, прибывших в г. Архангельск, складывается устойчивое мнение, что английские разведывательные органы, пользуясь благоприятной обстановкой, сложившейся в результате заключённого соглашения между обоими государствами, в Советский Союз послали большое количество разведчиков, которые, прикрываясь здесь официальными учреждениями, изучали нашу страну, собирая различные шпионские сведения. Интерклубы являлись местами, где вести разведывательную работу среди местного населения было легче и безопаснее, большое скопление людей, атмосфера отдыха, алкоголь располагали к откровенности, а щедрые подачки раскрепощали языки.

Из обзора УНКГБ по Архангельской области о подрывной деятельности англичан на Севере по состоянию на 1 сентября, за подписью начальника УНКГБ по Архангельской области Плесцова.

[Не позднее октября 1943 г.] <...>

«Из имеющихся у нас агентурных и следственных материалов о разведывательной деятельности англичан видно, что англичане в г. Архангельске ведут разведку путём: личных наблюдений, использования втёмную своих связей из числа советских граждан, работающих на предприятиях, в учреждениях и воинских частях, и вербовок агентуры для выполнения специальных заданий.»

Большую активность англичане проявили с первых дней своего пребывания на Севере при изучении г. Архангельска и его окрестностей. Их офицеры и солдаты целыми днями проводили время в городе, стараясь проникать на предприятия, в учреждения, учебные заведения и частные квартиры советских граждан, а также собирали сведения о промышленности г. Архангельска и области.

Зафиксирован ряд случаев, когда английские офицеры в порядке “прогулки” заглядывали в отдалённые рабочие посёлки лесозаводов и пригородные колхозы, появлялись под разными предлогами на территориях военно-морского и торгового портов, вблизи аэродромов и расположения воинских частей.

<...>

Отмечены случаи, когда во время таких “прогулок” англичане делали фотоснимки отдельных местностей, городских учреждений, частных домов и т. д. Всё это говорит о том, что англичане, проникая во все уголки города, путём личных наблюдений собирают нужные им сведения о промышленности, транспорте и настроениях населения области.

Одним из основных каналов, по которому ведут англичане свою разведывательную работу в г. Архангельске, является связь с местным населением, в частности с женщинами, в беседах с которыми они добывают различного рода шпионские сведения.

На 1 сентября 1943 г. нами по Архангельску установлено около 1000 советских граждан, имеющих связи с англичанами, из них 90% составляют женщины. Эти связи англичане с каждым днём расширяют, несомненно выискивая в их числе лиц, пригодных для использования в разведывательных целях.

Изучая эти связи, мы установили, что в числе своих знакомых англичане имеют людей, занимающих самое различное служебное положение – от инженеров заводов, врачей больниц и госпиталей и командиров Красной Армии до чернорабочих местных промышленных предприятий, уборщиц учреждений, подростков-школьников. В числе их связей также имеется много

жён командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота. Несомненно, для англичан многие из этих связей являются ценными источниками сбора различных материалов шпионского характера.

Нами установлен ряд фактов, когда англичане в беседах со своими знакомыми советскими гражданами в осторожной форме выясняли различные секретные сведения.

<...>

Кроме того, нами зафиксирован ряд случаев, когда англичане интересовались у своих знакомых советских граждан материально-бытовыми условиями, их служебным положением, вопросами снабжения, биографиями других лиц и т. д. Несомненно, всё это ими делается с целью разведки.

В разведывательной работе англичан на Севере нами также выявлены факты вербовки ими советских граждан для выполнения специальных разведывательных заданий.

<...>

Разведывательная деятельность через английских моряков.

Большую разведывательную работу на Севере Советского Союза англичане ведут через своих моряков, прибывающих в большом количестве в наши порты на торговых и военных судах. За период с августа 1941 г. по сентябрь 1943 г. в наших портах побывало несколько тысяч иноморяков, 1474 человека находятся в Архангельском и Молотовском портах в настоящее время.

Обстановка, в которой находятся иноморяки в наших портах, благоприятствует занятию разведывательной деятельностью. Они, имея много свободного времени, целыми днями находятся в городе, где заводят связи с советскими гражданами, через которых собирают разного рода сведения. Отмечены случаи, когда иноморяки пытаются проникать на местные промышленные предприятия и в советские учреждения, появляются у объектов, имеющих военное значение, где производят осмотры данных объектов, делают зарисовки, а иногда фотографируют их»⁸⁸.

Район улицы Поморской, Театрального переулка и набережной Ленина (ныне набережная Северной Двины). Справа находится большое здание, в котором во время и после войны, вплоть до 70-х годов, находился Интерклуб для иностранных моряков. Сейчас на этом месте ничего нет

Здание, в котором во время войны располагался Архангельский интерклуб. Оно находилось на набережной возле улицы Поморской

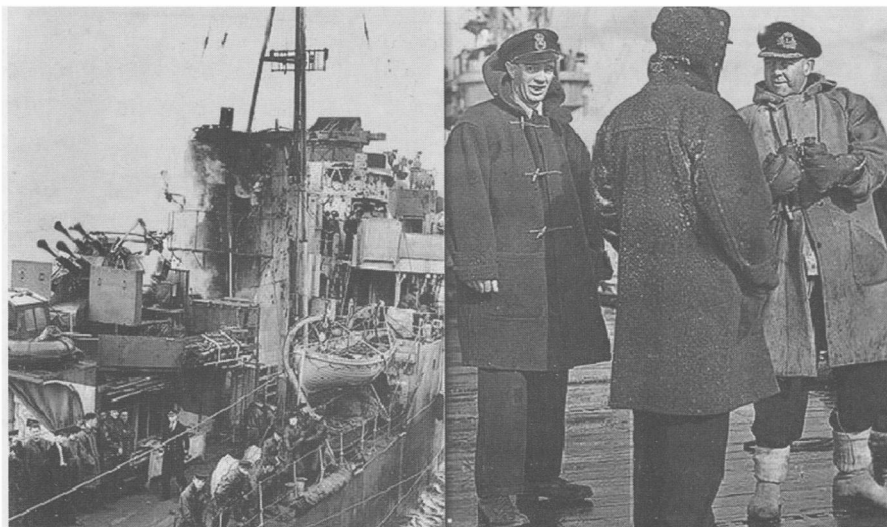
Спасённые члены экипажа эсминца Achates. 31 декабря 1941 года полярный конвой нарвался на мощную группу немецких кораблей. Это столкновение названо «битвой в Баренцевом море». Считается, что ни одно грузовое судно не было потеряно

Британские и советские офицеры наслаждаются концертом на борту крейсера «Герцог Йоркский», 1943 г. Судно находится в советских водах. Но тёплые отношения часто омрачались непониманием из-за разницы идеологий. Англичане были в шоке от качества медобслуживания раненых. Русские же не терпели такого отношения, т. к. приходилось довольствоваться малым

*Дай прикурить. Советские и английские моряки, 1944 г.
Фото Роберта Диамента из архива Л.Р. Диамента*

На фото слева: эсминец *Onslow* после сражения в Баренцевом море. Погибли 17 членов команды, ранен капитан. Эсминцы были слабо защищены, и разрывы снарядов отрывали кусочки металла, ущерб от которых часто был выше, чем от самого снаряда. Примечательно, что зенитное орудие повреждений не получило.

На фото справа: офицеры судна сопровождения (буквально – «Преследователь») одеты по погоде. Человек справа одет теплее – у него меховые варежки и толстые шерстяные носки «навыпуск». Скорее всего, «утеплившийся» офицер на дежурстве, его же собеседники только что вышли из кают

Торпедный расчёт лёгкого английского крейсера «Ямайка». У них были специальные рукавицы, предохраняющие от ожогов, а форма шлемов должна была уберегать от ирапнели. Вот эта команда располагалась на верхней палубе. С одной стороны, они были чуть дальше от воды, но с другой – находились на обстреливаемых площадях

АРХАНГЕЛЬСКИЕ «КРОКИСТЫ» В ПЕРИОД ЛЕНД-ЛИЗА

Один из первых чекистов-теоретиков Станислав Турло в своей до недавнего времени закрытой книге «Шпионаж» (1924 г.) писал: «Контрразведывательная работа трудная, здесь нельзя сделать красивый жест, произвести эффект, добиться авторитета и популярности... Эта работа сложная и ответственная, и на первый взгляд кажется неинтересной и отталкивающей. Но необходимо в неё внести такое содержание, чтобы она стала интересной, одухотворить её и помнить, что она нужна и полезна для государства. Необходимо воспитать себя самих, расширять свой кругозор, чтобы при столкновении с врагом превосходить его нравственно».

Создание КРО (контрразведывательного отдела) ГПУ и концентрация в нём лучших кадров было суровой реальностью той эпохи. Задачами контрразведывательного отдела являлись борьба с зарубежными разведками, белогвардейскими организациями и контрреволюционными партиями, как за рубежом, так и на территории страны, борьба с заговорами, бандитизмом, а также незаконными переходами границы и контрабандой. «Крокисты» (так на Лубянке стали называть сотрудников нового подразделения) в условиях нэпа должны были работать на качественно новом уровне, требовалось наносить точечные удары по врагу, за счёт предварительной оперативной разработки. Для выполнения такой задачи прежде всего требовался особый тип сотрудника, тонкого психолога, политически развитого, образованного и волевого человека, обладавшего комбинационным складом ума. Боевиков, умевших хорошо стрелять и держаться в седле, крепких и решительных, было в то время в ГПУ в достатке. Здесь же требовалось иное – склонность к интеллектуальному поединку.

Первые «крокисты» дали возможность стране в условиях разрухи и слабости Красной армии получить мирную передышку, сорвать планы зарубежных эмигрантских центров на развёртывание террористических действий в стране. Лубянка сумела навязать непримиримым кадрам военной эмиграции линию накопительства сил, ожидания «взрыва изнутри», перехватить каналы связи иноразведок с ними, скомпрометировать их лидеров. В 1922–1925 го-

дах советские чекисты провели несколько крупных операций, основанных на дезинформации о наличии в СССР контрреволюционных сил, ведущих подпольную борьбу с Советской властью. Некоторые из этих операций, называемых «оперативными играми», вошли в золотой фонд отечественной контрразведки. К таким операциям следует прежде всего отнести оперативную игру «Синдикат-2», в ходе которой была парализована деятельность эсеровских организаций Б. Савинкова. Другой масштабной оперативной игрой контрразведчиков была операция с центрами русской эмиграции «Трест», в результате которой был арестован английский разведчик Сидней Рейли, ликвидированы диверсионные группы в Москве и Ленинграде, раскрыты связи эмигрантских организаций с зарубежными разведками. Так начиналась славная история контрразведывательных подразделений органов безопасности.

Это небольшое вступление должно помочь читателю «взглянуть сквозь десятилетия»: невозможно не увидеть, что на заре Советской власти создавалось элитное подразделение, наделенное специальной компетенцией в области борьбы с разведками других государств и подрывной деятельностью используемых ею организаций и лиц. Тысячи чекистов, честно служивших своему делу, искренно считали, что деятельность спецслужб всегда и во всём направлена во благо народа и что острое карающего меча революции в их руках развёрнуто исключительно против её врагов, а советским людям, непричастным к контрреволюционным организациям, нечего бояться. Ведь чекисты, в ходе своей кропотливой работы «не знающие ни передышек, ни послаблений», сумеют отличить врага от честного гражданина. Однако машина политического сыска, раскручиваемая руководством спецслужбы по указанию партии и правительства, уже набирала обороты, не разбирая, кто попадёт под её колеса: реальные «террористы, вредители, диверсанты» или лояльные советские граждане (в том числе и сотрудники госбезопасности), не имевшие никакого отношения к противоправной деятельности, но, тем не менее, привлекаемые к ответственности по сфальсифицированным материалам. К примеру, в 1939 году было уволено из органов безопасности по обвинению в должностных преступлениях, контрреволюционной деятельности и т. п. около 23% от общего числа оперативных сотрудников.

В самом начале войны с гитлеровской Германией советская контрразведка органов госбезопасности в борьбе с фашизмом никакого преимущества не имела. В результате массовых репрессий 1937–1939 годов контрразведка Центрального аппарата и на местах практически была ослаблена, по разным

причинам выбыли из строя самые опытные и продвинутые сотрудники. Не удалось избежать этой участи поморским контрразведчикам, сложная ситуация с кадрами затронула и Архангельское управление НКГБ.

Перед войной в ходе реорганизации НКВД и образования Наркомата госбезопасности контрразведка вошла в состав последнего в качестве его 2-го управления. Начальником был утверждён комиссар госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотов, возглавлявший 3-й отдел ГУГБ с сентября 1940 года, его первым заместителем стал Л.Ф. Райхман (в июле 1945 года обоим было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант»). Руководитель советской контрразведки в годы войны Пётр Васильевич Федотов был личностью неоднозначной, своим видом напоминал профессора или врача, но на самом деле был одним из опытейших руководителей органов госбезопасности, в течение всей войны именно он руководил советской контрразведкой.

В этой главе я расскажу о «крокистах» Поморского Севера, чекистах, которые вели непримиримую борьбу со спецслужбами Германии и других иностранных государств, ведущих разведывательную и подрывную деятельность против нашей Родины.

Следует заметить, что в первые дни войны органы НКГБ СССР руководствовались в своей работе Указом Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 года «О военном положении». Особо важное значение имела совместная директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков. Ею руководствовались и органы государственной безопасности Архангельской области. С начала войны остро встал вопрос о сохранении государственной и военной тайны, недопущении распространения разного рода пораженческих, провокационных и клеветнических слухов, подрывающих обороноспособность и государственную безопасность страны. Но самой главной задачей для северных контрразведчиков оставалась борьба со шпионско-диверсионной и иной подрывной деятельностью спецслужб Германии, а впоследствии и «заклятых» союзников, США и Великобритании. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что надо было не только выявлять замыслы и агентуру противника, но и обеспечивать работу портов Архангельска и Молотовска, осуществляющих выгрузку грузов по ленд-лизу, вести работу по маскировке эшелонов при движении их к месту назначения, организовывать партизанские отряды, создавать разведывательно-диверсионные группы. А контрразведчикам транспортных подразделений – гарантировать скрытность и безопасность воинских и важных народнохозяйственных перевозок.

22 июня 1941 года в 9 часов 10 минут Наркомат госбезопасности СССР направляет в территориальные органы, в том числе и Архангельское управление, директиву о мобилизации всего оперативно-чекистского аппарата НКГБ–УНКГБ. В директиве требуется главное внимание сосредоточить на предупреждении вредительско-диверсионных актов на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожном транспорте и пресечении попыток осуществления государственных преступлений, совместно с органами внутренних дел обеспечить строгую охрану особо важных объектов и коммуникаций, мобилизовать работников милиции на борьбу с паникой.

В связи с введением военного положения и необходимостью приведения всего аппарата в мобилизационную готовность начальник Архангельского УНКГБ определил порядок выхода из управления сотрудников, усилил охрану зданий и уточнил распорядок дня. В срочном порядке выданы оружие и противогазы.

Из приказа начальника УНКГБ АО капитана ГБ Панфилова от 22 июня 1941 года «О выдаче оперативному составу противогазов, дополнительного количества патронов и о введении нового расписания дежурства автомашин»:

«В связи с объявлением мобилизации в течение первого дня 23-го июня 1941 г. выдать имеющиеся в запасе противогазы марки БС-МТ-4 и всему оперативному составу дополнительное количество патронов: на авто-пистолет ТТ – 42 штуки и «Наган» – 28 штук...»⁸⁹

Вводился особый порядок рабочего дня. Из приказа «Об изменении рабочего дня во всех подразделениях УНКВД АО» за подписью капитана ГБ Почтовского:

«<...>

С 1 июля во всех подразделениях УНКВД устанавливается рабочий день с 9 часов утра до 4 часов дня, с 4 до 6 вечера – обед. Вечерние занятия с 6 вечера...»⁹⁰

На следующий день внесено изменение в вышеуказанный приказ. Устанавливался рабочий день с 10 утра до 5 вечера. С 5 до 7 вечера – обед. Вечерние занятия с 7 вечера. (К сведению: вечерние занятия – это продолжение рабочего дня с неопределённым сроком его окончания. – Прим. авт.)

Директивой НКГБ СССР 24 июня 1941 года были конкретизированы задачи органов госбезопасности. Обращалось внимание на сохранность шифров и архивных документов, разъяснялся порядок действий в случае захвата территории противником. Кроме того, они обязаны были во взаимодействии

с органами НКВД организовать решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсантами и контрреволюционными элементами, не реже двух раз в сутки информировать Центр о положении дел на местах. В Архангельской области эта работа регламентировалась приказом начальника УНКВД «О мерах по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтной полосе».

Первый шок от агрессии Германии прошёл, требовался адекватный ответ вражеским спецслужбам. Некоторые руководители органов ГБ на местах не соответствовали своим должностям, как по своим деловым качествам, так и по моральным. Учитывая значимость прифронтных областей, в том числе и Архангельской области в масштабах страны, для активизации работы по линии госбезопасности и внутренних дел в регионы направлялись опытные руководители. В соответствии с приказом НКВД СССР к исполнению обязанностей начальника УНКВД Архангельской области приступил майор ГБ Мальков.

Грамотный, профессионально подготовленный, волевой и компетентный руководитель активно взялся за работу. Прежде всего требовалось поднять дисциплину сотрудников, подтянуть уровень военной и физической подготовки, перестроить работу подразделений в условиях военного времени.

Приказом Малькова личному составу Управления предписывалось активно изучать материальную часть стрелкового оружия и осваивать пользование противогазом. Устанавливалось специальное время для изучения этих вопросов и нормативы.

В приказе «Об укреплении дисциплины» Мальков предписывал своим подчиненным «...проработать приказ и потребовать от каждого сотрудника максимально усилить бдительность, чёткость и оперативность в работе, и образцовое поведение, как в службе, так и в бытовой обстановке». Он решительно предупреждал сотрудников всех подразделений УНКВД, что в дальнейшем за каждое нарушение служебной дисциплины, проявление беспечности и халатности в работе и т. п. виновные будут предаваться суду военного трибунала.

Одним из первых своих приказов Мальков назначил руководителей ключевых подразделений Управления, безусловно, в этот список попал и начальник контрразведки. Начальником КРО УНКВД был назначен старший лейтенант ГБ Николай Иванович Ашихмин. Напомним, что кадровая ситуация в Архангельском управлении НКГБ ничем не отличалась от общей картины по стране. Многие опытные и профессиональные чекисты-дзержинцы

были репрессированы, другие затерялись в бесконечных ротациях по всей стране. На их место призвали политически благонадежных, но малоопытных в контрразведывательных делах молодых людей. На начало войны штат отдела КРО составлял 25 человек, все должности были укомплектованы. В штат контрразведывательного отдела входило четыре отделения, первые три занимались борьбой с немецкой разведкой, с английской и американской разведкой, с разведками стран Ближнего и Дальнего Востока, четвертое – следственное. Заместителем начальника КРО был назначен лейтенант ГБ Мушников Е.Н., соответственно отделения возглавляли: младший лейтенант ГБ Романов А.А., лейтенант ГБ Конюхов И.П., лейтенант ГБ Гоголицин А.П., младший лейтенант ГБ Доронин В.П. В составе отдела был секретарь и 2 машинистки.

В годы Великой Отечественной войны с расширением задач и объёма работы оперативных подразделений резко возросла потребность в чекистских кадрах. Источниками пополнения ими территориальных органов НКВД–НКГБ явились подготовка сотрудников в специальных учебных заведениях, партийные и комсомольские наборы. Так, в течение 1941 года в КРО призваны из запаса вновь 2 сотрудника, прибыл из Высшей школы НКГБ – 1, из 2-го Управления НКВД СССР – 1.

Состояние кадров, в том числе и руководящего состава КРО, характеризовалось недостаточно высоким уровнем образования. Наблюдалась значительная ротация кадров, их текучесть. В течение первого года войны перешли в другие подразделения УНКГБ Архобласти 8 сотрудников отдела контрразведки.

В результате этого недостаточным оказывался уровень профессиональной подготовки сотрудников, что с неизбежностью порождало низкое качество агентурно-оперативной и следственной работы. Вместе с тем недостаток образования сочетался с подлинным патриотизмом, ответственностью, высокой работоспособностью, исполнительностью, чувством гордости за выполнение задач обеспечения безопасности СССР.

Политическое руководство страны, более всего опасаясь создания разведками иностранных государств «пятой колонны» в глубоком советском тылу, объединения усилий внешнего врага с остатками враждебных советскому строю социальных слоёв и групп населения, нацелило органы госбезопасности на осуществление превентивных мер, нейтрализацию тех лиц, которые считались потенциальной вербовочной базой спецслужб иностранных государств.

Первые шаги чекистов по поддержанию порядка в области были регламентированы указаниями из Москвы и обусловлены складывающейся оперативной обстановкой в стране. Из докладной записки от 18 июля 1941 года заместителя народного комиссара государственной безопасности – комиссару ГБ 3-го ранга Серову. От начальника УНКГБ капитана ГБ В. Панфилова, июль 1941 года:

«В соответствии с указаниями НКГБ Союза ССР об изъятии к-р. элемента в связи с началом войны между СССР и Германией и объявлением Архангельской области на военном положении, нами с 22 июня по 22 июля 1941 года оперативно ликвидировано 22 агентурных дела и 86 разработок на одиночек, по которым арестовано 185 человек активного контрреволюционного элемента ведущего повстанческую, пораженческую и диверсионно-террористическую к-р. деятельность. В том числе арестовано по городу 123 чел. и по деревне (в том числе и по трудпоселкам) 62 человека»⁹¹.

Уже первые дни войны показали, что действовать чекистам придётся в ситуации, требующей принятия чрезвычайных мер. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» от 22 июня 1941 года оно было введено среди прочих в Архангельской области.

Итак, с июня 1941 года началось противостояние отдела КРО, в том числе и англо-американским разведкам. Первый самолёт с членами английской военной миссии прибыл 26 июня 1941 года, следующая группа в составе 11 человек прилетела 4 июля. Пребывание иностранцев на территории Архангельска вызвало в первый момент некоторую растерянность контрразведчиков, опыта работы по такой категории у них не было.

Из докладной записки заместителя народного комиссара государственной безопасности – комиссару ГБ 3-го ранга Серову, от 18 июля 1941 года. От начальника УНКГБ капитана ГБ Панфилова В., июль 1941 года:

«В связи с заключением договора с Англией, в Архангельске находится английская военная миссия, два самолета и в ближайшие дни ожидается прибытие крейсера. Уже сейчас англичане посещают военные объекты, общественные места и т. д., пользуются радиостанцией своих самолетов, а также поддерживают связи с рядом наших военных работников. До сих пор мы не имеем указаний Наркомата о том – допустимо ли посещение англичанами аэродромов, военного порта, судостроительного завода и др. оборонных объектов, а также о том, разрешено ли им пользоваться рацией самолетов, сходить английской команде с крейсера на берег и т. д.»⁹²

Позволю себе короткое отступление от темы. Просматривая архивные документы конца 1941 – начала 1942 года, меня особенно поразили два момента, это значительное ухудшение жизни горожан в этот период (почти мгновенно был нарушен привычный уклад жизни людей) и некоторая растерянность в рядах управленческого аппарата области. Однако, несмотря на общее смятение, руководство территориального органа безопасности, тем не менее, вело себя достаточно хладнокровно, представляло объективную картину происходящего, предлагало пути выхода из кризиса, подсказывало решения важных оборонных и народнохозяйственных задач, что нашло отражение в докладных записках руководству области и государства. Развею миф о «сладкой» жизни чекистов в тылу. Как и все граждане страны, сотрудники органов безопасности порой голодали, жили в невыносимых бытовых условиях. С началом войны в Архангельске сложилась напряжённая обстановка с продуктами, резко ухудшились жилищно-бытовые условия проживания, возникло много других проблем. Чекисты и их семьи в полной мере испытывали все эти «прелести» на себе. В качестве иллюстрации приведу выдержки из приказа заместителя начальника УНКВД по Архангельской области капитана ГБ Шнюкова от 4 апреля 1942 года «О неудовлетворительном жилищно-бытовом обслуживании сотрудников УНКВД АО»:

«За последнее время от сотрудников УНКВД поступило несколько жалоб на плохое жилищно-бытовое обслуживание их со стороны Жил. Управления ХОЗО УНКВД по АО.

<...> Жилой фонд запущен. Флигель дома № 156 (по Петроградскому проспекту. – Прим. авт.), в котором проживает 22 семьи работников УНКВД, находится буквально в непригодном для жилья состоянии; канализация заморожена и не работает с осени 1941 года. В уборных неисправны водопроводные трубы. Вода льется на пол, который покрыт толстым слоем льда.

Вследствие неисправности уборных и помоек, двор вокруг дома загрязнен и находится в недопустимом, антисанитарном состоянии...»⁹³

К концу 1942 года контрразведка в основном преодолела трудности, вызванные слабой подготовленностью к войне, выработала к этому времени систему собственных оперативных, предупредительных мер борьбы со шпионской, диверсионной и иной подрывной деятельностью противника.

В своей книге я более подробно освещаю лишь направление контрразведывательной работы органов безопасности Архангельской области по разведслужбам Англии и США, поэтому привожу архивные данные исключительно

по этой теме. Всего за годы войны контрразведчики на советском Севере выявили около 100 кадровых сотрудников союзнических спецслужб, 6 из которых были выдворены из страны. Таких результатов удалось добиться путём продуманной организации контрразведывательной работы. В феврале 1942 года НКВД СССР издал специальный приказ, регламентирующий меры по активизации агентурно-оперативного обслуживания английских военного и морского штабов в Архангельске и их аппаратов на территории области, команд прибывающих в Архангельский порт английских и американских транспортов и военных кораблей, а также следующих через Архангельский порт дипломатических работников и членов иностранных военных миссий. Вся агентурно-оперативная работа по англичанам и американцам была сосредоточена в КРО (контрразведывательном отделе) УНКВД по Архангельской области. Поэтому особым отделам Архангельского военного округа и Беломорской военной флотилии было предписано передать в областное управление все разработки и агентуру по англичанам и американцам, не связанные с разработкой военнослужащих Красной армии и ВМФ и только по согласованию с КРО проводить мероприятия по связям советских военнослужащих с иностранцами. Кроме того, был увеличен штат 3-го отделения (специализировался на Англии и США. – *Прим. авт.*) КРО УНКВД по Архангельской области»⁹⁴.

Для усиления работы по англо-американским военным миссиям в Архангельск на руководящие должности были командированы сотрудники центрального аппарата НКВД/НКГБ СССР. Последовательно в течение 1942 года 3-е отделение КРО возглавляли «москвичи»: младший лейтенант ГБ Дымшиц М.Л. и младший лейтенант ГБ Калабин А.И., на должность заместителя начальника 3-го отделения КРО прибыл лейтенант ГБ Кац А.М. Практически только на три месяца стал начальником КРО капитан ГБ Скворцов С.А., командированный из ОК НКВД СССР. На более длительный период начальником КРО назначен старший лейтенант ГБ Перескоков А.Л. (основание – распоряжение ОК НКВД СССР № 40/2/48321). Из Высшей школы НКВД СССР на должности оперуполномоченных прибыли Лукьянов П.Р., Осипов Н.С., Гущин С.В.

Кадровые перестановки сыграли свою роль в усилении контрразведывательной деятельности УНКГБ по Архангельской области, появились первые результаты, в том числе и в работе по поиску на территории области иностранных шпионов. В сети контрразведчиков попала английская агентура, времён ещё Первой мировой войны и интервенции.

Из докладной записки народному комиссару внутренних дел Союза СССР Генеральному комиссару государственной безопасности т. Берии «О ходе и результатах следствия по делам, находящимся в производстве УНКВД Архангельской области» за подписью заместителя начальника Управления НКВД Архобласти капитана ГБ Шнюкова от 25 марта 1942 года.

«В соответствии с Вашими указаниями от 9 февраля 1942 г. за № 46 докладываю, что в производстве УНКВД имеется 156 следственных дел на 234 чел, в том числе арестовано: шпионов 9 чел., за террористические намерения 3, участников контрреволюционных группировок, пытавшихся создать повстанческие организации 62, за антисоветскую и пораженческую агитацию 101, за контрреволюционный саботаж и вредительство 5, за диверсии 9, дезертиров 26 и прочие уголовные преступления 19 человек.

<...>

По следственному делу № 26860 арестован проживающий под чужой фамилией агент английской разведки с 1915 г. В-ИН Виссарион Иванович, 1883 г. р., житель г. Архангельска.

В-ИН признался в том, что будучи в 1914 г. военным цензором Архангельского Военного округа, он установил связь с майором английской армии ПРОКТОРОМ, с которым сотрудничал до 1917 г.

В период интервенции на севере, работал в штабе английских войск в качестве переводчика и активно боролся против Советской власти.

Скрывшись из Архангельска, после разгрома интервентов, под фамилией КОТЦОВА и проживая в г. Новгороде, продолжал шпионскую работу в пользу английской разведки вплоть до 1938 г., имея связь с сотрудником английского консульства в Ленинграде СМИТ.

Прибыв в гор. Архангельск в конце 1941 г., В-ИН связался с представителем английской военной миссии, от которого получил задание на продолжение шпионской работы.

Следствие продолжается в направлении вскрытия разведывательной сетки английской разведки...»⁹⁵

В ходе работы северным контрразведчикам приходилось нелегко и в моральном плане, требования руководства НКГБ СССР карать всех антисоветски настроенных людей, попавших в поле зрения чекистов, порой вызывали у следователей протест. Вопреки очернительским мифам, слепого следования указаниям сверху не было, а такое недопонимание приказов из Москвы наказывалось.

Из приказа заместителя начальника УНКВД АО капитана ГБ Шнюкова «О наложении административного взыскания на старшего следователя КРО УНКВД АО – сержанта госбезопасности тов. Мягконосова П.И.»:

«26 января 1942 года ст. следователем КРО УНКВД АО сержантом госбезопасности тов. МЯГКОНОСОВЫМ по след. делу № 26757 в качестве свидетельницы была вызвана гражданка А., ранее проходившая по этому делу как антисоветчица.

На допросе свидетельница А. рассказала об антисоветской деятельности обвиняемых по делу. Кроме того показала, что она также будучи антисоветски настроенной и связанной с одним из обвиняемых по делу, проводила антисоветскую работу, в частности в беседах высказывала террористические намерения в отношении членов Советского правительства.

Тов. МЯГКОНОСОВ, имея материалы на свидетельницу А., говорящие о ее антисоветской работе и получив ее личное признание, после допроса освободил, руководству КРО об этом не доложил и только 5 февраля с.г. при просмотре след. дела № 26757 начальником КРО УНКВД АО – капитаном госбезопасности тов. АШИХМИНЫМ, этот возмутительный факт был обнаружен.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Ст. следователя КРО УНКВД АО – сержанта госбезопасности тов. МЯГКОНОСОВА П.И. за непринятие мер к пресечению к-р. деятельности гражданки А. АРЕСТОВАТЬ НА ПЯТЬ СУТОК с исполнением служебных обязанностей...»⁹⁶

Практическая деятельность контрразведчиков должна была продолжаться, несмотря ни на что. Определённый промежуточный итог работы отдела в период 1942–1943 годов подвёл в своей справке начальник КРО УНКВД АО Перескоков. От 8 марта 1943 года:

«С августа 1942 года органами НКВД в Архангельской области выявлено и арестовано 112 шпионов и диверсантов противника, из них:

- 1. выброшенных на самолетах вражеской разведкой – парашютистов-радистов, обученных в спец. разведиколах – 30 чел.*
- 2. переброшенных через линию фронта агентуры германской разведкой – 37 чел.*
- 3. агентуры других иностранных разведок – 45 чел. ...»⁹⁷*

Так, в марте 1943 года в городе Архангельске контрразведывательным отделом была раскрыта резидентура английской разведки, руководимая офи-

цером английской армии лейтенантом Саттоном. По делу арестованы две женщины – Д-ва Феодосия Андреевна (переводчик Архторгпорта) и М-ва Анна Александровна (переводчик английского языка Архторгморпорта, участок Бакарица). Разрабатывались они в рамках агентурного дела, с окраской «шпионаж». Д-ва до 1937 года проживала в г. Феодосии, где капитаном греческого судна «Майотис» был Миссурис Герасимус, в 1932 году была завербована для шпионской деятельности. При вербовке от Д-вой было отобрано письменное обязательно, и ей была присвоена кличка Элен.

Из докладной записки «О раскрытых и ликвидированных антисоветских организациях и группах в Архангельской области» народному комиссару государственной безопасности СССР комиссару государственной безопасности 1-го ранга т. Меркулову, гор. Москва, за подписью начальника УНКГБ Архобласти полковника ГБ Плещова от августа 1943 года:

«...Посещая САТТОН Антона в стенах английской миссии, в одной из бесед (20 февраля 1943 г.) Д-вой было предложено сотрудничество, на что она согласилась, при этом написала подписку с кличкой "Агния". При вербовке САТТОН поручил ей собирать сведения об аэродромах, находящихся вблизи гор. Архангельска, наличии на них самолетов и в/частей, охраняющих эти аэродромы, собирать сведения о настроениях населения, в частности как население относится к англичанам. Обвиняемая М-ва на следствии рассказала, что она сообщила САТТОН о своем сотрудничестве с органами НКВД, рассказала о даваемых ей заданиях...»⁹⁸

История другого английского шпиона, раскрытого в 1943 году, подробно освещается в докладной записке «О деятельности антисоветского элемента и агентуры иностранных разведок в Архангельской области за период Отечественной войны». Секретарю Архангельского обкома ВКП(б) товарищу Николаеву. От начальника НКГБ АО полковника ГБ Лынько:

«В апреле 1943 года нами был арестован английский разведчик ГРАНДОВСКИЙ Карл Янович, 1916 года рождения, уроженец Латвии, латыш, бывший матрос английского торгового флота.

На следствии ГРАНДОВСКИЙ показал, что на службе в английской разведке он состоял с 1936 года, был завербован в Англии, где окончил специальную школу военно-морской разведки, после чего до 1940 года плавал в качестве старшего матроса на английских торговых судах и занимался шпионской работой в разных странах, в том числе и в Советском Союзе. В 1940 году он был направлен английской разведкой в Латвию с заданием

собрать сведения о войсках Красной Армии. Согласно предложению английских разведчиков, ГРАНДОВСКИЙ, будучи в Латвии, оформил советское гражданство.

В конце 1941 года по заданию английской разведки ГРАНДОВСКИЙ прибыл в город Архангельск, где устроившись на суда каботажного плавания, собирал сведения по северным военно-морским базам. Кроме того, занимался подбором лиц для привлечения к шпионской работе и по заданию английского разведчика майора РИИС, вел тщательную разведку в городе Архангельске и пригородных районах»⁹⁹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года из состава НКВД СССР вновь, как и в 1941 году, был выделен самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР). На него возложили ведение разведывательной работы за границей; борьбу с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР (за исключением вооружённых сил); борьбу с антисоветскими элементами и проявлениями; охрану руководителей партии и правительства. Структура НКГБ СССР определялась решением Политбюро от 14 апреля 1943 года «Об образовании НКГБ СССР» и в этот же день была объявлена постановлением СНК СССР № 393-129сс. В территориальных органах вновь образовали самостоятельные областные управления НКГБ и НКВД.

В июне 1943 года был утверждён новый штат КРО УНКГБ по Архангельской области, теперь он получил наименование 2-го отдела. Вновь созданный отдел состоял из 9 отделений, списочный состав – 64 сотрудника. Начальником 2-го отдела УНКГБ АО назначен майор ГБ Перескоков А.Л. Заместители: майор ГБ Фомкин Г.С. и майор ГБ Кузнецов А.Ф., помощник начальника 2-го отдела (он же начальник 8-го отделения 2-го отдела) капитан ГБ Чикалев А.И.

Именно 1943 год был «урожайным» на результаты работы контрразведки против агентуры иностранных спецслужб.

Из Приказа НКГБ СССР от 23 марта 1944 года «Об итогах работы УНКГБ по Архангельской области по борьбе с агентурой иностранных разведок»:

«УНКГБ по Архангельской области на протяжении 1943 года достигнуты значительные результаты в работе по борьбе с агентурой иноразведок...

Отмечая положительные результаты работы УНКГБ по Архангельской области по борьбе с агентурой иностранных разведок,

Приказываю:

<...>

...2. а) представить к награждению оперативных работников, отличившихся в агентурной и следственной работе по борьбе с агентурой иноразведок;

б) разработать необходимые мероприятия по дальнейшему усилению работы по выявлению агентуры немецкой и финской разведок, приняв одновременно меры к усилению агентурно-оперативной работы по выявлению и разоблачению агентуры английской, американской и польской разведок, своевременному раскрытию и пресечению их антисоветской работы.

3. Народным комиссарам государственной безопасности союзных и автономных республик, начальникам УНКГБ краев и областей принять меры к дальнейшему усилению борьбы против агентуры разведывательных органов как воюющих против СССР государств и Японии, так и союзных с СССР стран, обеспечить приобретение перспективной агентуры, шире практиковать применение агентурных комбинаций, обеспечивать документацию вражеской деятельности иноразведок и их агентуры, внедрение нашей агентуры в разведывательные органы иностранных государств, руководствуясь директивами НКГБ СССР № 63 от 12 августа 1943 года и № 8 от 18 января 1944 года.

Настоящий приказ объявить всему оперативному составу органов НКГБ»¹⁰⁰.

В 1944 году начальником 2-го отдела УНКГБ Архангельской области назначен майор ГБ Заборщиков, прослужит в этой должности он немного, уже в ноябре 1945 года будет откомандирован в распоряжение ОК УНКГБ Курской области. В этот же период намечается отток профессиональных кадров из отдела, как для обучения в ВШ НКГБ СССР – 2 сотрудника, так и для укомплектования подразделений органов государственной безопасности освобождённых территорий – 6 сотрудников. К концу 1944 года приобретённый опыт противодействия спецслужбам союзников также даёт конкретные результаты, рождаются немногочисленные приказы о поощрениях за эту работу. Так, приказом начальника УНКГБ № 0073 от 2 ноября 1944 года за правильную организацию и личную инициативу в агентурно-оперативной и следственной работе, успешную ликвидацию ряда дел по разоблачению агентуры иностранных разведок и выполнение других возложенных задач на органы государственной безопасности была объявлена благодарность сотруд-

никам контрразведки: Модянову, Соплякову, Нефёдову, Залесову, Смирнову, Филиппову.

Подводя некоторые итоги контрразведывательной работы органов безопасности в период войны, следует отметить, что поставленные перед ними задачи были успешно выполнены. В результате правильной организации агентурно-оперативной работы и умелого применения агентурных комбинаций аппарату УНКГБ удалось выявить значительное количество сотрудников разведывательных органов иностранных государств, как из числа представителей этих государств, находящихся в Архангельске, так и среди моряков, прибывающих в Архангельский порт на торговых и военных судах.

Заведён и успешно ликвидирован ряд разработок на лиц, завербованных иностранцами для проведения шпионской работы, разоблачены и арестованы многие агенты германской, финской и английской разведок, в том числе участники польских шпионско-диверсионных групп, действовавших в области шпионской работы по заданиям английских разведывательных органов.

В отношении большинства арестованных агентов иностранных разведок данные агентурной разработки следствием подтвердились.

УНКГБ Архангельской области также были вскрыты факты перевербовки иностранными разведчиками нашей агентуры, проведены необходимые мероприятия по очистке агентурно-осведомительной сети от предателей, двурушников и созданы благоприятные предпосылки для дальнейшего развёртывания борьбы с агентурой иноразведок.

Ничего не изменилось в отношениях союзников к Советскому Союзу и после окончания войны. В послевоенный период американская и английская разведки значительно активизировали свою деятельность против СССР, что потребовало коренной перестройки работы советских органов госбезопасности. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) МГБ СССР 2 февраля 1947 года издало приказ «Об усилении контрразведывательной работы по борьбе с агентурой американской и английской разведок», который определил основные направления, формы и методы деятельности по данной линии.

Приказы эти сыграли свою роль. Согласно годовым статистическим данным отдела «А» министерства, в 1947 году было арестовано 1133 агента американской разведки, в 1948 году – 2057, в 1949 году – 1607; агентов английской разведки соответственно 703, 939, 1607. По отдельным видам преступлений количество арестованных в 1949 году по сравнению с предыдущим годом также возросло, например, по шпионажу – с 5129 до 5638 человек. Цифровые показатели из года в год росли¹⁰¹.

*В.И. Панфилов – начальник УНКГБ
по Архангельской области в 1941 г.*

*Г.П. Шнюков – зам. начальника УНКВД
по Архангельской области в 1942 г.*

*Н.И. Ашихмин –
начальник КРО в 1941 г.*

*А.Г. Заборчиков –
начальник КРО в 1944 г.*

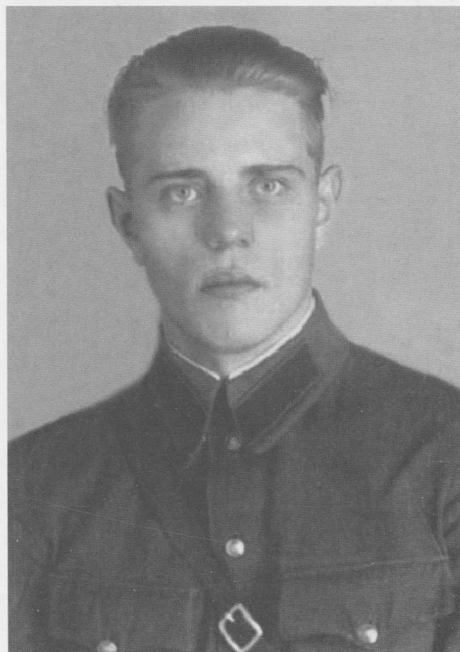
*А.П. Гоголицин – начальник отделения
КРО в 1941 г.*

*А.А. Романов – начальник отделения
КРО в 1941 г.*

*А.А. Конюхов – начальник отделения
КРО в 1941 г.*

П.И. Мягконов – следователь КРО

*А.Ф. Кузнецов – начальник отделения
КРО в 1943 г.*

*А.И. Чикалов – начальник отделения
КРО в 1943 г.*

*Н.С. Осипов – сотрудник КРО,
выпускник ВШ НКГБ СССР*

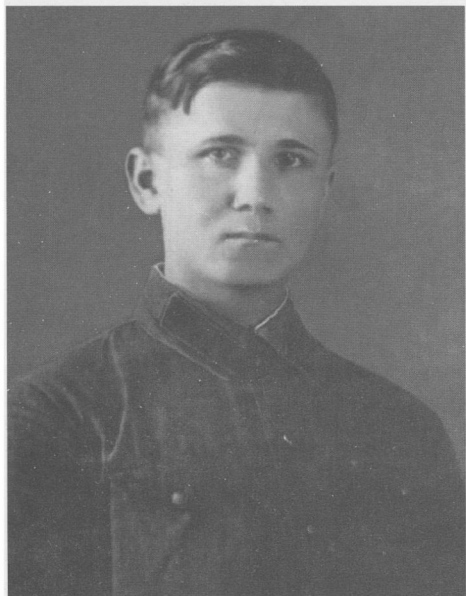
*П.Р. Лукьянов – сотрудник КРО,
выпускник ВШ НКГБ СССР*

В.Н. Модянов – сотрудник КРО

В.В. Сопляков – сотрудник КРО

М.С. Нефёдов – сотрудник КРО

Гладышев – следователь УНКГБ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Анципо-Чикунский Лев Владимирович (1898–1938) – инженер-флагман 3-го ранга. В 1918 г. окончил Военно-морское инженерное училище, в 1927 г. – Военно-морскую академию в Ленинграде. В 1936–1937 гг. – военноморской атташе СССР в Великобритании, сотрудник главного штаба НКВМФ. Арестован 28 января 1938 г. по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. 16 июня 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён по ст. 58-16, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 ноября 1956 г. реабилитирован посмертно.

Ашихмин Николай Иванович – начальник контрразведывательного отдела УНКГБ по Архангельской области.

Бадигин Константин Сергеевич (29.11.1910, Пенза – 15.03.1984, Москва), исследователь Арктики, капитан дальнего плавания, кандидат географических наук, писатель. Константин Бадигин окончил в 1932 г. Владивостокский морской техникум, затем Московский государственный педагогический институт и аспирантуру в 1953 г. С 1929 г. он плавал матросом судов торгового флота на Дальнем Востоке, с 1935 по 1936 г. был штурманом на ледоколе «Красин». В 1938–1940 гг. Константин Сергеевич руководил дрейфующей экспедицией на ледокольном пароходе «Георгий Седов», за что был удостоен звания Героя Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны служил начальником штаба морских арктических операций, руководил проводкой транспортов Беломорской военной флотилии. С 1943 г. капитан Бадигин перевозил оборонные грузы из США во Владивосток. Константин Сергеевич является автором книг по истории полярного мореплавания: «На корабле “Г. Седов” через Ледовитый океан» (1940), «Разгадка тайны Земли Андреева» (1953, в соавторстве с Н.Н. Зубовым), «По студёным морям. Очерки по истории ледовых плаваний русских поморов» (1956), а также автором сценария кинофильма «Море студёное» (1955) и мемуаров «На морских дорогах» (1978). Известен Константин Бадигин и как создатель исторических повестей и романов: «Путь на Грумант» (1953), «Покорители студёных морей» (1957), «Чужие паруса» (1959), «Секрет государственной важности» (1966), «Кольцо великого магистра» (1969), диалоги «Корсары Ивана Грозного» (1973) и «Кораблекрушение у острова Надежды» (1978), «Ключи от заколдованного замка» (1980). Герой Советского Союза Константин Бадигин был также кавалером орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».

Бевон Ричард Хью Лоран (1885–?) – капитан 1-го ранга, затем контр-адмирал. С августа 1941 г. – первый старший британский морской офицер на Севере России, возглавлял британскую военно-морскую миссию в г. Полярном. В июле 1942 г. выехал из СССР в Англию.

Беляев Владимир Павлович (1909–1990) – русский и украинский советский писатель и публицист. Лауреат Сталинской премии третьей степени (1952). Член ВКП(б) с 1931 г. Родился 4(17) апреля 1909 г. (по другим данным, 8(21) марта 1907 года) в г. Каменец-Подольске в семье служащего. По окончании школы-семилетки учился в ФЗУ при заводе «Мотор» и в вечернем Педагогическом институте. В 1924 г. вступил в комсомол. С 1926 г. работал литейщиком на Первомайском машиностроительном заводе им. П.П. Шмидта в Бердянске, в редакции газет «Червоний кордон», «Молодой рабочий». В 1929–1930 гг. служил в РККА. По окончании службы до 1934 г. работал на Ленинградском заводе «Большевик» сварщиком, слесарем, а затем начальником отдела. С 1934 г. В.П. Беляев работал в редакции журнала «Литературный современник». С 1923 г. публиковался в местной прессе. Первые художественные произведения – рассказы «Детство» и «Ровесники». В 1934 г. рассказ «Ровесники» отмечен 2-й премией ВЦСПС на Всесоюзном конкурсе рабочих авторов. С 1936 г. становится профессиональным литератором. В 1937 г. написал повесть «Подростки», впоследствии ставшую первой частью крупнейшего произведения автора – трилогии «Старая крепость». В 1938 г. принят в Союз писателей СССР. В 1941 г. в составе народного ополчения участвовал в обороне Ленинграда, продолжал журналистскую работу. В феврале 1942 г. по состоянию здоровья эвакуирован в Архангельск, где по рекомендации Е.П. Катаева назначен военным корреспондентом Совинформбюро на Севере. Был сотрудником военной газеты «Патриот Родины». В августе 1944 г. Беляева как корреспондента Всесоюзного радио направили на Западную Украину, включив в состав местной Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. По материалам работы в комиссии опубликовал ряд очерков, посвящённых разоблачению преступлений нацистов и коллаборационистов на оккупированных территориях СССР. После войны продолжил занятие литературной работой, до 1960 г. проживая во Львове, а позднее в Москве. Умер в Москве 11 февраля 1990 г. Похоронен на Троекуровском кладбище.

Берд Айвор (Айво) Куртис – в г. Архангельске находился с 10 октября 1941 г. по март 1942 г. Выдворен из СССР за проведение активной разведывательной деятельности.

Блинов Дмитрий Леонидович (1897–?) – капитан 1-го ранга. С февраля 1940 г. – уполномоченный Постоянной приёмной комиссии при НКВМФ СССР, с августа 1941 г. – заместитель начальника штаба Беломорской военной флотилии, с августа 1942 г. – начальник отделения офицеров связи БВФ, с декабря 1942 г. – помощник начальника штаба БВФ. С января 1944 г. – начальник отдела боевой подготовки штаба Азовской флотилии. С апреля 1944 г. – начальник отдела боевой подготовки штаба Дунайской военной флотилии. С апреля 1946 г. – уполномоченный на Балтийском театре Постоянной приёмной комиссии ГУК ВМС СССР, с декабря 1947 г. – заместитель председателя по малым надводным кораблям, с февраля 1948 г. – старший уполномоченный по надводным кораблям Постоянной комиссии госприёмки военных кораблей при ГУК ВМС СССР. Приказом МО СССР № 06423 от 23 декабря 1954 г. уволен в отставку по возрасту.

Витоженц Владимир Болеславович родился 8 июля 1909 г. В органах ОГПУ–НКВД–МВД прослужил 47 лет. В годы Великой Отечественной войны являлся старшим инспектором по железнодорожным перевозкам при Уполномоченном ГКО СССР на Севере, затем в 1945–1947 гг. Уполномоченным Главсевморпути при СМ СССР по демонтажу и перевозкам оборудования из Германии. В военные и послевоенные годы Главсевморпуть возглавлял легендарный, дважды Герой Советского Союза адмирал И.Д. Папанин, у которого В.Б. Витоженц пользовался заслуженным авторитетом. В 1947 г. В.Б. Витоженц был назначен начальником отделения спецперевозок МВД на Юго-Восточной железной дороге, затем с 1948 по 1953 г. возглавлял отдел спецперевозок МВД на Южно-Уральской ж.д. Оттуда он был переведён на работу в Отдел спецперевозок МВД на Октябрьской железной дороге, который возглавлял более 24 лет, до выхода в отставку в 1978 г. За заслуги перед Родиной Владимир Болеславович награждён орденами: Красного Знамени – дважды, Красной Звезды – дважды, Трудового Красного Знамени, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За отличие в охране общественного порядка» и многими другими. В 1956 году был удостоен знака «Заслуженный работник МВД».

Вотсон (Уотсон) Джон Рид, с июня 1942 г. работал представителем английского министерства военного транспорта в г. Архангельске. До революции проживал в Ленинграде и Архангельске, работая под прикрытием сотрудника лесных акционерных обществ, в 1919 г. вместе с английскими интервентами выехал в Англию. До 1939 г. в течение нескольких лет находился в Риге в качестве английского консула и занимался разведывательной работой против СССР. Проходит по показаниям арестованных английских шпионов как один из руководителей английской разведки на советском Севере.

Гаврилов Фёдор Иванович (1897–?) – капитан 1-го ранга. С марта 1938 г. – военком Главного морского штаба РККФ, с января 1939 г. – комиссар Каспийской военной флотилии, с октября 1939 г. – слушатель Высших военно-политических курсов РК ВМФ. С октября 1940 г. – заместитель командующего по политической части Ладужской военной флотилии. С августа 1941 г. – военком штаба Беломорской военной флотилии, с октября 1942 г. – заместитель начальника по политической части штаба БВФ. С июня 1943 г. – заместитель командира отряда вновь строящихся кораблей Северного флота. Приказом НКВМФ СССР № 01613 от 7 августа 1945 г. уволен в запас по болезни.

Гущин Степан Васильевич – уроженец Чувашии, ветеран органов государственной безопасности, майор в отставке. Во время войны проходил службу следователем УНКВД по Архангельской области. Участник следственно-оперативной группы по борьбе с немецкой, американской и английской агентурой в Архангельске.

Зуйков Николай Иванович (1900–1942) – контр-адмирал (1941). С мая 1939 г. – начальник разведотдела НКВМФ СССР, с октября 1939 г. – начальник 1-го Управления НКВМФ СССР. Приказом НКВМФ СССР № 01981 от 11 сентября 1941 г. освобождён от этой должности и назначен в распоряжение Командного управления ВМФ. Погиб в сентябре 1942 г. при исполнении служебных обязанностей.

Коссосорт Павел Иванович – английский офицер, родившийся в России, значился как «морской запас», заместитель военно-морского офицера по тралению, по существу выполнял обязанности завхоза и переводчика английской морской миссии.

Костринский Михаил Ильич (1908–?) – капитан 1-го ранга (1958). В 1934 г. окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. С июня 1936 г. по февраль 1939 г. – секретарь военно-морского атташе СССР в Великобритании. С октября 1939 г. – начальник 2-го отделения 3-го отдела, затем старший командир штабной службы 1-го Управления ВМФ. С июля 1940 г. – старший преподаватель спецпредметов в Училище подготовки командиров штабной службы. С октября 1941 г. работал в разведотделении штаба БВФ. С января 1943 г. – заместитель начальника Отдела внешних сношений НКВМФ СССР. С сентября 1943 г. – заместитель начальника 15-го, а затем 14-го отделов Разведуправления Главного Морского штаба ВМФ. С августа 1946 г. – начальник 3-го отделения оперотдела штаба Северо-Балтийского флота, с сентября 1947 г. – флагманский историограф штаба 8-го ВМФ. С января 1956 г. – заместитель начальника Отдела подготовки

и комплектования рядовым и старшинским составом штаба БФ, СФ. С апреля 1957 г. – командир 2-го дивизиона, БЧ-5 крейсера «Архангельск» Северного флота. С сентября 1957 г. – заместитель начальника штаба Беломорской военно-морской базы Северного флота. Приказом министра обороны СССР № 02368 от 29 декабря 1959 г. уволен в запас по болезни.

Линч Джон, 1901 г. р., унтер-офицер, завгаражом в Архангельске с 29.11.41 г. по 23.05.43 г.

Майлс Джеффри Джон Одли (2 мая 1890 – 31 декабря 1986) – британский адмирал, сэр. Поступил на флот в 1905 году кадетом военно-морского колледжа в Дартмуте (HMS Britannia). В 1911 г. получил звание лейтенанта. Во время Первой мировой войны служил на эсминцах и подлодках. В 1914–1915 гг. – штурман вспомогательного крейсера HMS Empress of Russia, поход в Индийский океан. В 1933–1935 гг. – заместитель директора штабного колледжа. В 1935–1937 гг. командовал флотилией эсминцев в Средиземном море. В 1937–1939 гг. – заместитель, а затем директор тактической школы в Портсмуте. В 1939–1941 гг. – командир линкора HMS Nelson, флаг-капитан флота метрополии. В 1941–1943 гг. – начальник британской военной миссии в Москве, сменил на этом посту генерала Макфарлана. В 1943–1944 – заместитель (по Ост-Индской станции) командующего морскими силами в Юго-Восточной Азии, лорда Маунтбаттена. В 1944–1945 гг. – командующий морскими силами в западном Средиземноморье. В 1946–1947 гг. – главнокомандующий Королевским индийским флотом. В 1941 г. получил звание контр-адмирала, 1944 – вице-адмирала, в 1948 – адмирала. Вышел в отставку в 1948 г.

Маклей П. Дж. – член парламента, представитель министерства по военной транспортировке, крупный судовладелец, большую часть своего времени проводил в порту Бакарица по разгрузке транспортов.

Мальков Павел Михайлович родился в 1906 г. Послужной список: 1941–11.8.1943 гг. – начальник Управления НКВД по Архангельской области, комиссар государственной безопасности; 08.1943–04.1944 гг. – офицер для особых поручений при народном комиссаре внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности; 01.04.1944–21.11.1945 гг. – начальник Управления НКВД по Ивановской области, комиссар государственной безопасности; 12.1945–10.1948 гг. – начальник Отдела внутренних дел Советской военной администрации в Германии; 10.1948–4.1951 гг. – заместитель начальника Управления МВД по Челябинской области, генерал-майор; 04.1951–04.1953 гг. – заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР, генерал-майор; 04–12.1953 г. – замес-

титель начальника Управления МВД по Ленинградской области, генерал-майор; 12.1953–12.1954 гг. – заместитель начальника Управления Камышового исправительно-трудового лагеря МВД СССР, генерал-майор; с 12.1954 в запасе. Звания: 9.7.1945 г. – генерал-майор.

Мальчиков Владимир Никифорович (1896–1965), военачальник. Генерал-майор авиации. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Некоторый период занимал должность начальника гарнизона Архангельска. Один из первых советских лётчиков. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Награждён многими орденами.

Мартин Эрнест Альфред, 1901 г. р., родился в Одессе, продолжительное время жил в России, был связан с русскими и английскими лесопромышленниками. Прибыл в Архангельск в качестве переводчика, с миссией Бивербрука, впоследствии был назначен начальником 126-й портовой базы, установлен как кадровый английский разведчик.

Мастон Раймонд, англичанин, британский подданный, лейтенант авиации, в Архангельск прибыл 30 января 1944 г. в качестве переводчика английской военной миссии в г. Архангельске. Мастон был личным секретарём лорда Бивербрука, затем секретарём командующего военно-воздушным флотом Англии. Перед выездом в СССР окончил специальные курсы английской разведки. По прибытии в Архангельск развернул активную деятельность по установлению связи с местным населением.

Московенко Владимир Ионович (1910–?) – полковник (1943). С января 1941 г. – временно исполняющий обязанности начальника 1-го отделения Особого отдела НКВД Киевского Особого военного округа. В феврале 1941 г. откомандирован в распоряжение 3-го Управления НКВМФ. С августа 1941 г. – начальник 3-го отдела Беломорской военной флотилии, с 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Беломорской военной флотилии. С июля 1943 г. – начальник ОКР «Смерш» Беломорской военной флотилии. С февраля 1944 г. – начальник ОКР «Смерш» Кронштадтского морского оборонительного района КБФ. С ноября 1944 г. – заместитель начальника ОКР «Смерш» КБФ, затем Северного Балтийского флота. С июня 1947 г. – начальник ОКР МГБ 8-го Военно-морского флота. С января 1949 г. – начальник ОКР МГБ 5-го Военно-морского флота. С сентября 1952 г. – заместитель начальника УКР МГБ Московского военного округа. С мая 1954 г. – начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Черноморскому флоту. Приказом КГБ при СМ СССР № 265 от 4 июля 1958 г. уволен из органов госбезопасности по служебному несоответствию.

Огарков Михаил Андреевич (1(14).10.1907, д. Гашковская Архангельской губернии). С 1929 года член ВКП(б). Образование: 1934–1935 гг. – слушатель Высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК. С 09.1947 г. – слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Послужной список: 1924 г. – делопроизводитель, секретарь, председатель Исполнительного комитета Савинского волостного Совета; 1929 г. – секретарь Исполнительного комитета Плесецкого волостного Совета (Архангельская область); 1929 г. – секретарь Исполнительного комитета Плесецкого районного Совета (Северный край); 22.4–6.1939 г. и. о. председателя Исполнительного комитета Архангельского областного Совета; 6.1939–6.10.1942 гг. – председатель Исполнительного комитета Архангельского областного Совета; 10.1942–3.1944 гг. – 1-й секретарь Красноборского районного комитета ВКП(б) (Архангельская область); 18.3.1944–26.8.1947 гг. – 1-й секретарь Котласского районного комитета ВКП(б) (Архангельская область). Награды: 29.7.1945 – орден Красной Звезды

Огородников Георгий Петрович (24.4(7.5).1901, д. Богданово Томской губернии – 8.7.1970, Москва). С 1923 г. член РКП(б). Послужной список: 1920 г. – в РККА, 1924–1928 гг. в Украинской ССР, 1938–2.1939 гг. ответственный организатор ЦК ВКП(б), 26.2.1939–1.1945 гг. – 1-й секретарь Архангельского областного комитета ВКП(б); 21.3.1939–5.10.1952 гг. – член Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б). 14.9.1942–12.1944 гг. – председатель Архангельского городского комитета обороны, 1947–1948 гг. – представитель Совета по делам колхозов при СМ СССР по Краснодарскому краю. Награды: орден Красной Звезды.

Пайпер Морис, телеграфист английской миссии.

Панфилов Василий Иванович (1906 г., д. Аргамаково Спасского уезда Рязанской губ. – 1971, Москва). Родился в семье рабочего-картузника. Русский. В КП с 06.1928. Образование: 7 классов школы 2-й ступени, Петроград 1923; Индустриальный институт им. Калинина, Ленинград 09.1931–03.1937. Пионервожатый на фанерном заводе «Аврора», Ленинград 03.1924–09.1924; на временных работах от Биржи труда, Ленинград 09.1924–09.1925; формовщик, литейщик на чугунолитейном заводе Ленжилсоюза 09.1925–09.1931; редактор заводской газеты «Красная Вагранка»; инженер, зам. нач. цеха Кировского завода 03.1937–03.1938. В органах НКВД–НКГБ: курсант Центр. школы НКВД СССР 03.1938–12.1938; опер. уполн. 2-го отд. ГЭУ НКВД СССР 11.01.1939–1939; нач. 3-го отд.-я 1-го отд. ГЭУ НКВД СССР 1939–31.05.1939; нач. УНКВД Архангельской обл. 31.05.1939–26.02.1941; нач. УНКГБ Архангельской обл.

26.02.1941–31.07.1941; нач. отд-я по опер.-чекистскому обслуживанию охраны оборонных предприятий ГЭУ НКВД СССР 09.1941–04.1943; зам. нач. УНКГБ–УМГБ Тульской обл. 04.06.1943—06.05.1947. Уполн. СМ СССР на объекте 1-го гл. упр. при СМ СССР (НИИХиммаш) в штате упр. делами СМ СССР 21.04.1947–02.1951; нач. отд. охраны, режима и секретности и член коллегии 3-го гл. упр. при СМ СССР 21.02.1951–06.1953; нач. отд. М-ва среднего машиностроения СССР 06.1953–?. Звания: капитан ГБ 31.05.1939; подполковник ГБ 11.02.1943; полковник ГБ 22.02.1944. Награды: орден «Знак Почёта» 26.04.1940; орден Трудового Красного Знамени 03.05.1940; 2 ордена Трудового Красного Знамени; 5 медалей.

Почтовский Василий Тарасович. Родился в 1909 году. Член ВКП(б). С 26.02.1941 года – начальник Управления НКВД по Архангельской области. Старший лейтенант государственной безопасности.

Папанин Иван Дмитриевич (14(26).11.1894, Севастополь – 30.01.1986, Москва). Советский арктический исследователь, доктор географических наук (1938), контр-адмирал (1943), дважды Герой Советского Союза (27.06.1937 и 03.02.1940). Член КПСС с 1919. Родился в семье матроса. В 1918–1920 гг. активный участник Гражданской войны на Украине и в Крыму. В 1923–1932 гг. работал в Наркомате связи. В 1932–1933 гг. возглавлял полярную станцию в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа, в 1934–1935 гг. – полярную станцию на мысе Челюскина, в 1937–1938 гг. – первую дрейфующую станцию «Северный полюс» («СП-1»). В 1939–1946 гг. начальник Главсевморпути, в 1941–1945 гг. одновременно уполномоченный ГКО по перевозкам на Севере. В 1948–1951 гг. заместитель директора института океанологии АН СССР по экспедициям; с 1951 г. начальник Отдела морских экспедиционных работ АН СССР, в 1952–1972 гг. одновременно директор института биологии внутренних вод АН СССР. С 1945 г. председатель Московского филиала Географического общества СССР. На 18-й Всесоюзной конференции ВКП(б) (1941) избирался членом Центральной ревизионной комиссии. Депутат Верховного Совета СССР 1–2-го созывов. Награждён 8 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Красного Знамени, орденом Нахимова 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, а также медалями. Именем Папанина назван мыс на Таймырском полуострове, горы в Антарктиде и подводная гора в Тихом океане.

Пауэлл Джон Хью (1914–?) – лейтенант-командер, член английской военно-морской миссии в Москве, специалист по тралению мин.

Перескоков Алексей Лаврентьевич (1908–?) – подполковник (1945). С ноября 1941 г. – начальник КРО НКВД Башкирской АССР, с июня 1942 г. – зам. начальника 2-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР. С октября 1942 г. – начальник КРО УНКВД по Архангельской области, с июня 1943 г. – начальник 2-го отдела УН КГБ по Архангельской области. В июне 1944 г. откомандирован в распоряжение УНКГБ по Астраханской области. С июня 1945 г. – зам. начальника 2-го отдела УНКГБ по Рязанской области, с октября 1946 г. – начальник 5-го отдела УМГБ по Рязанской области, с февраля 1947 г. – начальник городского отдела УМГБ по Рязанской области. С марта 1948 г. – начальник 2-го отдела МГБ Удмуртской АССР. Приказом МГБ № 2508 от 22 июля 1948 г. уволен в запас по состоянию здоровья.

Петров Николай Андреевич (1901–?) – генерал-майор авиации (1941). С октября 1939 г. – слушатель Военной академии Генерального штаба РККА. С июля 1941 г. – начальник штаба ВВС 13-й армии (Западный фронт). С августа 1941 г. – начальник штаба ВВС Брянского фронта. С мая 1942 г. – в распоряжении ВВС РККА, с августа 1942 г. – начальник штаба 10-й воздушной армии Дальневосточного фронта, с декабря 1942 г. – заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта по организационно-мобилизационным вопросам. С августа 1943 г. – начальник штаба Главного управления Гражданского воздушного флота. С июля 1944 г. – начальник штаба ВВС Львовского военного округа. С ноября 1945 г. – исполняющий должность начальника штаба ВВС Казанского военного округа. С апреля 1946 г. – старший преподаватель кафедры вооружённых сил иностранных государств Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С февраля 1950 г. – временно исполняющий должность начальника кафедры вооружённых сил иностранных государств. С сентября 1950 г. – старший преподаватель этой кафедры. С декабря 1950 г. – старший преподаватель кафедры истории военного искусства Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Приказом военного министра СССР № 0511 от 27 февраля 1953 г. уволен в запас по болезни.

Петров Иван Семёнович (1905–1968) – контр-адмирал (1945). В 1936–1938 гг. – слушатель военно-морского факультета Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 1938 г. – военный комиссар Инженерного управления НКВМФ СССР. С середины 1940 г. – военный комиссар Училища береговой обороны им. ЛКСМУ в Севастополе.

Плесцов Сергей Иннокентьевич родился в 1906 г. в Иркутске. С 1926 г. член ВКП(б). Послужной список: с 1928 г. в ОГПУ при СНК СССР. 04.1938–1940 гг. – начальник Сталинского городского отдела НКВД, 03–07.1941 г. – за-

меститель начальника Управления НКГБ по Новосибирской области, 07.1941–1943 гг. – заместитель начальника Управления НКВД по Архангельской области, 1943–1945 гг. – начальник Управления НКВД по Архангельской области, комиссар государственной безопасности – генерал-майор. С 16.09.1950 г. – начальник Управления МГБ по Саратовской области, генерал-майор. С 16.9.1950–03.1952 гг. – начальник Управления МГБ по Ярославской области, генерал-майор, 03.1952–1953 гг. – заместитель начальника Управления МГБ по Красноярскому краю, генерал-майор, с 1953 г. – старший советник МВД СССР при МВД Болгарии, генерал-майор, с 1954 г. – заместитель начальника Управления МВД по Владимирской области, генерал-майор, с 1954 в запасе. Звания: 9.7.1945 г. – генерал-майор. Награды: 2 ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медали СССР, знак «Заслуженный чекист», личное оружие, памятные подарки.

Райхман Леонид Фёдорович (1908–1990). Генерал-лейтенант (1945). Член партии с 1926 г. Работал в Секретно-политических отделах ОГПУ–НКВД в Ленинграде и в центральном аппарате (с 1940 г. – начальник отделения 2-го отдела ГУГБ). С февраля 1941 г. – зам. начальника 2-го (контрразведка) управления НКГБ–НКВД–НКГБ СССР, с июня 1946 г. – зам. начальника 2-го Главного управления МГБ СССР. Руководил операциями против вооружённых сил националистов в Прибалтике и на Западной Украине. Арестован 19 октября 1951 г. по делу о «сионистском заговоре в МГБ». Освобождён и реабилитирован в марте 1953 г., с мая того же года – начальник Контрольной инспекции МВД СССР, в июле того же года снят с должности и уволен в запас Министерства обороны СССР, 21 августа 1953 г. арестован. В августе 1956 г. Военной коллегией Верховного суда СССР за нарушения социалистической законности осуждён и приговорён к 5 годам заключения и лишён генеральского звания (постановлением СМ СССР). В ноябре 1956 г. освобождён из заключения (с учётом предварительного заключения и зачётов рабочих дней). Амнистирован. Занимался исследованиями в области астрономии.

Риис (Рите) Антони Джон Робертсон (Антон Иванович) – англичанин, прибыл в СССР 24 ноября 1941 г. и до мая 1942 г. выполнял неопределённые функции в 126-й портовой базе. С мая 1942 г. назначен помощником начальника базы, с января 1943 г. – начальником базы. Выдворен из СССР 4 октября 1943 г. за грубое нарушение советских законов.

Роу Георг, англичанин, владел русским языком, унтер-офицер, зав. английской лавкой по обслуживанию миссии в г. Полярное. В 1941–1942 гг. проживал

в Архангельске, откуда был выселен по настоянию органов государственной безопасности.

Руллард Джордж – кадровый разведчик, работавший в Советском Союзе в качестве помощника американского военно-морского атташе. В первые годы Второй мировой войны Руллард работал в Архангельске, возглавляя американское военно-морское представительство. В его официальные функции входило содействие советским властям в получении грузов, шедших из Америки в порядке ленд-лиза. Нужно подчеркнуть, что это было лишь его подсобным занятием. Главная же цель пребывания Рулларда в Архангельске – сбор секретной военной информации.

Сендз Эдвард Роберт, англичанин, прибыл в Советский Союз 31 октября 1943 г. в качестве переводчика английской военно-морской миссии в г. Архангельске, мл. лейтенант морского добровольческого резерва. Перед отправкой в Советский Союз окончил специальные курсы английской разведки. В Архангельске пытался завязать связи среди местного населения, особенно проявлял интерес в отношении работников Внешторга.

Тауэрси Роберт Генри, англичанин, лейтенант по связи, прибыл в Полярное в октябре 1943 г., знал русский язык. Приобрёл связи среди артистов ДВМФ и женщин в Полярном, Мурманске, Архангельске.

Уайберд Дерек Б. (1905–?) – командер-капитан 2-го ранга, заместитель начальника морской группы английской военно-морской миссии в СССР. Прибыл в Архангельск 24 июня 1941 г. За проведение враждебной СССР деятельности по требованию Советского правительства был объявлен персоной нон грата и выдворен из СССР. Убыл в Англию 6 декабря 1941 г.

Уолкер Вильям Богат, в СССР прибыл в марте 1944 г. на должность главы английской военно-морской миссии в Архангельске. По прибытии в Архангельск начал устанавливать связи среди писательских, врачебных и артистических кругов, используя для этой цели приёмы, устраиваемые им в здании миссии, и обеды у себя на частной квартире. При этом в беседах с советскими гражданами пытался выяснить их политические настроения.

Уолш (Волш) Джозеф Питер, лейтенант, прибыл в г. Архангельск в ноябре 1943 г. Офицер-шифровальщик английской военно-морской миссии в Архангельске. Перед отправкой в СССР окончил специальные шестимесячные курсы английской разведки. С прибытием в Архангельск, под видом усовершенствования русского языка, начал устанавливать связи среди местного населения.

В разговорах пытался выяснить экономическое положение советских граждан. Вёл наблюдение за советскими моряками, прибывающими в Архангельск, посещая с этой целью почти ежедневно ресторан «Интурист». Выбыл в Англию в ноябре 1944 г.

Уорчелл Филипп, американский гражданин, имел звание лейтенанта флота, с мая 1943 г. работал в г. Архангельске в качестве представителя военной миссии США в СССР. По прибытии в г. Архангельск пытался приобрести связи среди советских граждан, главным образом из числа интеллигенции и лиц, работающих на оборонных предприятиях. Интересовался данными о настроении и материальном положении населения, работой Архангельского и Молотовского портов, численностью Беломорской военной флотилии, условиями содержания заключённых в советских тюрьмах

Уотсон Дональд, заведующий секретной канцелярией 126-й портовой базы.

Фёдоров Александр Григорьевич (15(28).03.1909, с. Городище Вологодской губернии – 14.11.1986, Москва). С 1929 г. член ВКП(б). Образование: 1934–1936 гг. – слушатель Курсов марксизма-ленинизма (Пушкин Ленинградской области), в 1939 г. – слушатель Курсов переподготовки при Ленинградской лесотехнической академии, 11.1946–1949 гг. – слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Послужной список: 1929–1938 гг. на руководящих комсомольских, партийных и управленческих должностях в районах Ленинградской области, 1939–1940 гг. – управляющий трестом «Онегалес» (Архангельская область), 1940 г. – заведующий Отделом Архангельского областного комитета ВКП(б), 1940–1941 гг. – 2-й секретарь Архангельского городского комитета ВКП(б), 1941–10.1942 гг. – 2-й секретарь Архангельского областного комитета ВКП(б), 6.10.1942–19.11.1946 гг. – председатель Исполнительного комитета Архангельского областного Совета, 1949–1951 гг. – начальник Управления проверки советских органов СМ РСФСР, с 12.1951 г. – инспектор ЦК ВКП(б), 12.1951–12.1953 гг. – 1-й секретарь Новгородского областного комитета ВКП(б) – КПСС, 14.10.1952–2.3.1954 гг. – кандидат в члены ЦК КПСС, 1954–1957 гг. – заместитель председателя Исполнительного комитета Арзамасского областного Совета, с 1957 – на руководящих должностях в Главном архивном управлении СССР, в период 1960–9.1961 гг. – директор Центрального государственного архива Октябрьской революции, 9.1961–4.1977 гг. – директор Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, с 1977 – на пенсии. Награды: орден «Знак Почёта», орден Трудового Красного Знамени.

Федотов Петр Васильевич (1900, Петербург – 1963), один из руководителей органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (9.7.1945). Сын кондуктора. С 1915 работал упаковщиком газет. В февр. 1919 вступил в Красную армию, в янв. 1921 переведён в органы ВЧК в Грозном. С 1927 на руководящих постах в местных подразделениях ОГПУ на Северном Кавказе. В июле 1937 вступил в ВКП(б). 10.11.1937 переведён в Москву, где был нач. отделения оперативного и секретно-политического отделов. С 29.9.1938 помощник и зам. нач. 2-го (секретно-политического) отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. 8.10.1938 он возглавил следственную часть 2-го отдела, а 4.9.1939–1941 стал нач. всего отдела. 29.9.1940 Федотов был переведен на 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ. Во главе контрразведки (которая меняла названия и передавалась то в НКВД, то НКГБ) Федотов оставался до сент. 1946, когда стал нач. 1-го Главного управления (разведка) МГБ СССР и зам. министра государственной безопасности. В мае 1947 вся служба разведки была объединена в Комитет информации при Совете министров (с янв. 1949 – при Министерстве иностранных дел СССР), а Федотов стал зам. пред. комитета. В февр. 1952 переведён в распоряжение МГБ СССР. После смерти И.В. Сталина 12.3.1953 получил посты члена Коллегии МВД СССР и нач. 1-го Главного управления, которое ведало контрразведкой. С созданием в марте 1953 КГБ СССР остался нач. 2-го Главного управления (контрразведка). 12.5.1956 он был переведён на незначительную должность зам. нач. редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ. В 1959 г. уволен из КГБ и исключён из партии «за нарушения соцзаконности в сталинский период». Звания: старший лейтенант ГБ (31 января 1936 г.), капитан ГБ (5 ноября 1937 г.), майор ГБ (25 апреля 1939 г.), комиссар ГБ 3-го ранга (14 марта 1940 г.), генерал-лейтенант (9 июля 1945 г., лишён звания 23 мая 1959 г. Постановлением СМ СССР). Награды: 2 ордена Ленина (20 сентября 1943 г., 21 февраля 1945 г.), 3 ордена Красного Знамени (29 апреля 1939 г., 3 ноября 1944 г., 16 сентября 1945 г.), орден Кутузова I степени (24 февраля 1945 г.), орден Красной Звезды (11 июля 1937 г.), орден «Знак Почёта» (26 апреля 1940 г.), знаки «Почётный работник ВЧК–ГПУ (XV)» (1934 г.) и «Заслуженный работник НКВД» (4 февраля 1942 г.), медаль «XX лет РККА» (22 февраля 1938 г.) и 5 других медалей.

Фишер Александр – помощник английского морского военного атташе, лейтенант, в совершенстве владел русским языком, проживал в бывшем Нижнем Новгороде, где окончил среднюю школу и в 1920 году уехал за границу, пренебрежительно относился к русским.

Фокс Джон В. (1904–?) – офицер британского флота, капитан.

Фрэнкел Сэмюель Б. – вице-адмирал ВМС США в отставке, служил помощником агташе военно-морских и воздушно-морских сил США в Мурманске и Архангельске до ноября 1944 г. Интересно отметить, что отец адмирала Фрэнкел эмигрировал в Соединенные Штаты из Литвы. С 1936 по 1938 г. Фрэнкел изучал русский язык в Риге. Он отправился в Мурманск в октябре 1941 г. с одним из первых конвоев. Во время своего пребывания в России Фрэнкел, тогда капитан 2-го ранга, отвечал за ремонт повреждённых американских кораблей, опасение отставших и покинутых кораблей, а также за опеку, спасательные операции, госпитализацию и возвращение домой моряков с потопленных американских судов. Он был очень тесно задействован в союзных операциях по ленд-лизу, поскольку являлся представителем Военной администрации по морским перевозкам, принимавшим многие ответственные решения.

Хендерсон (Гендерсон) Кеннет Джеймс (1894–?) – лейтенант-командер, секретарь штаба английской миссии в Архангельске, помощник старшего британского морского офицера в Архангельске, помощник офицера службы морского контроля. В г. Архангельск прибыл в октябре 1941 г., убыл в середине января 1944 г.

Чане Дэвид Александер, англичанин, младший лейтенант, переводчик при английской миссии в Полярном, прибыл в октябре 1943 г. По ориентировке 2-го Управления НКГБ СССР, Чане перед отъездом в СССР окончил лондонскую школу разведки. Прибыл в СССР с рекомендательными письмами к советским гражданам в г. Архангельск.

Шевалдин Трифон Иванович (1888–1954). Комдив (1935 г.). Комкор (1939 г.). Генерал-лейтенант (1940 г.). Штабс-капитан (Первая мировая война). В Красной армии с 1918 года. Во время Гражданской войны – командир батальона, полка. После войны военный советник в Китае, с 1927 года помощник командира дивизии, с 1929 года командир дивизии, с 1935 года помощник командующего войсками БВО по снабжению, с 1937 года командир стрелкового корпуса, затем заместитель командующего и командующий войсками Приволжского ВО. С августа 1940 года – заместитель генерал-инспектора пехоты Красной армии. В Великую Отечественную войну командующий войсками ЛВО, с сентября 1941 года командующий 8-й армией, с марта 1942 года командующий войсками Архангельского ВО. После войны заместитель и помощник командующего войсками Уральского военного округа. В отставке с 1948 года.

Шнюков Григорий Прокопьевич (1907–?) – полковник (1946). С ноября 1939 г. – начальник ЭКО УНКВД по Архангельской области. С марта 1941 г. –

заместитель начальника УНКГБ по Архангельской области, с июля 1941 г. – заместитель начальника УНКВД по Архангельской области, одновременно, с августа 1941 г. – начальник 4-го отдела УНКВД по Архангельской области. С октября 1942 г. – временно исполняющий должность начальника УНКВД по Ташаузской области Туркменской ССР. С июня 1943 г. – начальник УНКГБ по Ташаузской области. В апреле 1945 г. откомандирован в распоряжение отдела кадров НКГБ СССР и зачислен в резерв по должности начальника отделения 1-го Управления НКГБ СССР. С 1947 г. работал в органах внешней разведки. С сентября 1957 г. – заместитель начальника 11-го отдела 1-го Главного управления КГБ при СМ СССР. Приказом КГБ при СМ СССР № 490 от 17 ноября 1958 г. уволен в запас по болезни.

Эксем (Эксом) Кеннет Готфри – в г. Архангельске находился с 10 октября 1941 г. по 29 декабря 1941 г. в должности помощника военного атташе, имел звание полковника сухопутных войск.

Эмброуз Джордж Джеффри Уильям – командер-капитан 2-го ранга, член английской военно-морской миссии в Москве, наблюдатель на Черноморском флоте.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Остроченко, М.* Северодвинск – город корабелов. Исторический очерк / М. Остроченко. Северодвинск: Северная неделя, 1997.
- ² *Пузырев В.П.* Боевое содружество на Севере. Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М.: Наука, 1994. С. 14.
- ³ *Дёгтев Дмитрий, Зефирова Михаил, Баженов Николай.* Тени над Заполярьем: Действия Люфтваффе против советского Северного флота и союзных конвоев. М.: АСТ, 2008.
- ⁴ Арктические конвои 1941–1945 гг. Составлено зав. ВЭО Барановой М.Э.
- ⁵ *Селиверстов А.С.* Северные конвои в контексте союзных взаимоотношений. 1941–1945. Костромской педагогический институт. Сборник научных трудов / ученые записки // Костромская старина. 2005. № 18.
- ⁶ *Дёгтев Дмитрий, Зефирова Михаил, Баженов Николай.* Тени над Заполярьем: Действия Люфтваффе против советского Северного флота и союзных конвоев. М.: АСТ, 2008.
- ⁷ Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 20.
- ⁸ *Супрун М.Н.* Архангельск в войне.
- ⁹ Про Архангельск. Вторая мировая война на Европейском Севере. 1939–1945 гг. В тылу. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
- ¹⁰ Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 25.
- ¹¹ *Бадигин К.С.* На морских дорогах. М.: Политиздат, 1980. Глава седьмая. Враг пробрался в Арктику.
- ¹² Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 30.
- ¹³ *Федисов Валерий.* Чекист разоблачал шпионов и засекал субмарины // Республика. 2003. № 16 (429). 23 апр.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Справка по американской миссии. Архив РУФСБ России по Архангельской области.
- ¹⁶ Два конвоя: PQ-17 и PQ-18: Сб. / Пер. с англ. А.Г. Больных. М: ООО «Издательство АСТ», 2004. Глава 7. Выуженные из моря. Оригинал: Lund P., Ludlam H. PQ 17 – Convoy to Hell. The Survivor's Story. – London: W Foulsham & Co, 1968.
- ¹⁷ *Картер Эрл.* Необычная красotka. Встречайте, скалистые горы: Свидетельства ветеранов Второй мировой войны – участников Северных конвоев 1941–1945 гг. / редактор-составитель Марк Скотт. Перевод с английского И.В. Козырь. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр “БЛИЦ”», 2009.
- ¹⁸ *Пантелеев Ю.А.* Полвека на флоте. Военные мемуары. М.: Воениздат, 1974.
- ¹⁹ *Коган Н.Д.* В тылу как на войне. Северные конвои. Исследования. Воспоминания. Документы. Вып. № 3. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2000.
- ²⁰ Спецсообщение В.Н. Меркулова, Шаталина, Федосеева И.В. Сталину и В.М. Молотову «О положении в Архангельске и Молотовске 4 июля 1944 года № 2497/м, совершенно секретно, из Архангельска». АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 195–202. Подлинник. Машинопись. На первом листе имеется помета Сталина: «Важно».
- ²¹ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.
- ²² *Доморощенин Сергей.* Россия не может проиграть // Правда Севера. 07.04.2005 г. Интервью Алексея Юрьевича Германа.

²³ *Голубцова Ольга*. Любовь по ленд-лизу. Опубликовано в приложении 4/8 от 05.2011 г. журнала «Совершенно секретно».

²⁴ *Папанин И.Д.* Лед и пламень. М.: Политиздат, 1978.

²⁵ Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 36.

²⁶ Там же. С. 38–39.

²⁷ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Приказы за 1941 год. Т. 194 (№ 15). С. 64.

²⁸ Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 66.

²⁹ Докладная записка секретарю Архангельского обкома ВКП(б) Огородникову от начальника УНКВД по Архангельской области майора госуд. безопасности Малькова. О поведении англичан при посещении гор. Архангельска и порта. Ноябрь 1941 года. Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Арх. № 8320. Дело № 45. Переписка с обкомом ВКП(б). Т. 3. Л. 72.

³⁰ *Апрелев Сергей*. «ПРАВДА.Ру – Санкт-Петербург». Британские моряки, прибывшие в Архангельск с военным конвоем в 1941 году, быстро познакомились с местными девушками, заговорили по-русски и даже наблюдали загадочные природные явления. Сержант Билл Лоус, попавший в Советскую Россию с первым союзным конвоем «Дервиш», делится воспоминаниями о жизни в Архангельске.

³¹ *Лекарев Станислав, Крамар Владислав*. Шпионы по ленд-лизу // Независимое военное обозрение. 2004. № 6. 20 февр.

³² Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 27–28.

³³ *Стародымов Николай*. Шпионаж по ленд-лизу // Красная звезда. 2001. 14 июля.

³⁴ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

³⁵ Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 29.

³⁶ *Мазохин О.Б.* Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Ч. 3. Т. 4. Книга первая (01.01.1943–30.06.1943). № 1329. Из материалов ЦА ФСБ России.

³⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 195–202. Спецсообщение В.Н. Меркулова, Шаталина, Федосеева И.В. Сталину и В.М. Молотову «О положении в Архангельске и Молотовске 4 июля 1944 года № 2497/м, совершенно секретно, из Архангельска». Подлинник. Машинопись. На первом листе имеется помета Сталина: «Важно».

³⁸ ЦА ФСБ России. № 2049. Из обзора УНКГБ по Мурманской области «О деятельности разведорганов Англии и США на Кольском полуострове с сентября 1941 г. по сентябрь 1944 г.»

³⁹ *Барашков Ю.А.* Арктические конвои в настроении Глена Миллера: опыт коллективной памяти. Архангельск: М'Арт, 2000. С. 83.

⁴⁰ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ *Барашков Ю.А.* Арктические конвои в настроении Глена Миллера: опыт коллективной памяти. Архангельск: М'Арт, 2000. С. 108.

⁴⁴ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Докладная записка секретарю Архангельского обкома ВКП(б) Огородникову от начальника УНКВД по Архангельской области майора госуд. безопасности Малькова. О поведении англичан при посещении гор. Архангельска и порта. Ноябрь 1941 года. Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Арх. № 8320. Дело № 45. Переписка с обкомом ВКП(б). Т. 3. Л. 73.

⁴⁷ Там же. Л. 74.

⁴⁸ *Уфимцев Юрий*. Джеймс Бонд и его девушка в Архангельске, Лесозаводске и Владивостоке // Информационно-аналитическое издание «Чекист. РИ». 2010. 16 авг.

⁴⁹ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

⁵⁰ *Орлов А.С., Кожанов В.П.* Ленд-лиз, взгляд через полвека // Новая и новейшая история. 1994. № 3.

⁵¹ *Лекарев Станислав, Крамар Владислав*. Шпионы по ленд-лизу // Независимое военное обозрение. 2004. № 6. 20 февр.

⁵² Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

⁵³ *Голубцова Ольга*. Любовь по ленд-лизу. Опубликовано в приложении 4/8 от 05.2011 г. журнала «Совершенно секретно».

⁵⁴ *Стародымов Николай*. «Консуэло» из Архангельска. Личный сайт.

⁵⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 195–202. Спецсообщение В.Н. Меркулова, Шаталина, Федосеева И.В. Сталину и В.М. Молотову «О положении в Архангельске и Молотовске 4 июля 1944 года № 2497/м, совершенно секретно, из Архангельска». Подлинник. Машинопись. На первом листе имеется помета Сталина: «Важно».

⁵⁶ *Мазохин О.Б.* Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Ч. 6. Т. 5. Книга вторая (01.07.1944–31.12.1944). № 2103. Из материалов ЦА ФСБ России.

⁵⁷ Там же. № 2111. Из материалов ЦА ФСБ России.

⁵⁸ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Справка УНКГБ по Архангельской области «О деятельности английской и американской разведок на Советском Севере в период с осени 1941 года по 1947 год».

⁵⁹ *Мазохин О.Б.* Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1. Т. 2. Книга вторая (01.09.1941–31.12.1941). № 534. Из материалов ЦА ФСБ России.

⁶⁰ Там же. № 661. Из материалов ЦА ФСБ России.

⁶¹ *Павлова В.П.* Неизвестное из жизни спецслужб. «Английских офицеров держат в Севастополе как в тюрьме, как на Лубянке...» Библиографическое указ. лит. / ЦРБ им. 1 Мая; сост. гл. библиогр. В.П. Плеханова. Н. Новгород, 2005.

⁶² В этот день. 25.07.2005, 10.11 (ИА «Двина-Информ», Анна Менгазетдинова).

⁶³ *Бадигин К.С.* На морских дорогах. М.: Политиздат, 1980. Глава 5. Камень на шее.

⁶⁴ *Татьяна Алексеевна Рузская*. 15 ноября 2006 г. Воспоминания подготовила к публикации внучка Т.А. Рузской, Мария Королева. Союзные караваны в военном Архангельске. Сайт «Непридуманные рассказы о войне», адрес: www.world-war.ru.

⁶⁵ *Бадигин К.С.* На морских дорогах. М.: Политиздат, 1980. Глава 5. Камень на шее.

⁶⁶ ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 911. Л. 163–164. Подлинник.

⁶⁷ *Русская Татьяна Алексеевна*. 15 ноября 2006 г. Воспоминания подготовила к публикации внучка Т.А. Русской, Мария Королева. Союзные караваны в военном Архангельске. Сайт «Непридуманные рассказы о войне», адрес: www.world-war.ru.

⁶⁸ *Стародымов Николай*. «Консуэло» из Архангельска (на конкурс «Служу народу и Отечеству!») имени Героя Советского Союза В.В. Карпова) 30.04.2011 г. Опубликовано в рубрике: Вторая мировая война.

⁶⁹ *Голубцова Ольга*. Любовь по ленд-лизу. Опубликовано в приложении 4/8 от 05.2011 г. журнала «Совершенно секретно».

⁷⁰ Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М.: Наука, 1994. Из публикации П.Н. Кнышевского. Социальные аспекты взаимоотношений с союзниками.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М.: Наука, 1994. Из публикации П.Н. Кнышевского. Социальные аспекты взаимоотношений с союзниками». Жорж Блон – французский историк, писатель, моряк. Автор серии книг об изучении Мирового океана: «Великий час океанов», а также книги «Конвой в СССР» (1950).

⁷⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 195–202. Спецсообщение В.Н. Меркулова, Шаталина, Федосеева И.В. Сталину и В.М. Молотову «О положении в Архангельске и Молотовске 4 июля 1944 года № 2497/м, совершенно секретно, из Архангельска». Подлинник. Машинопись. На первом листе имеется помета Сталина: «Важно».

⁷⁵ *Барашков Ю.А.* Арктические конвои в настроении Глена Миллера: опыт коллективной памяти. Архангельск: М'Арт, 2000. С. 85–86.

⁷⁶ *Русская Татьяна Алексеевна*. 15 ноября 2006 г. Воспоминания подготовила к публикации внучка Т.А. Русской, Мария Королева. Союзные караваны в военном Архангельске. Сайт «Непридуманные рассказы о войне», адрес: www.world-war.ru.

⁷⁷ *Апрелев Сергей*. «ПРАВДА.Ру – Санкт-Петербург». Сержант Билл Лоус, попавший в Советскую Россию с первым союзным конвоем «Дервиш», делится воспоминаниями о жизни в Архангельске.

⁷⁸ *Сухановский Алексей*. Стальное поколение. Живая история фронтовиков Югры. 2010.

⁷⁹ *Зубкова Елена и Эдельман Ольга*. Текст радиопередачи «Радио свободы» от 02.04.05 г. «История и современность». Лицом к лицу с союзником.

⁸⁰ *Сааков Ю.С.* Иностранные моряки в Архангельске в 1942 году // Вопросы истории. 2003. № 9.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Встретимся у Эдельмана // Вечерний Северодвинск. 2006. 16 нояб.

⁸⁴ ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1444. Л. 80.

⁸⁵ Там же. Л. 83.

⁸⁶ *Джон Ле Като*. Моряки веселятся в СССР // Life.

⁸⁷ *Голубцова Ольга*. Любовь по ленд-лизу. Опубликовано в приложении 4/8 от 05.2011 г. журнала «Совершенно секретно».

⁸⁸ *Мазохин О.Б.* Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Ч. 5. Т. 4. Книга вторая (01.07.1943–31.12.1943). № 1665. Из материалов ЦА ФСБ России.

⁸⁹ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Приказы за 1941 год. Т. 164 (Инв. № 39). Л. 127.

⁹⁰ Там же. Л. 131.

⁹¹ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Арх. № 8331. Дело № 1. Переписка с НКГБ СССР. Т. 1. Л. 44.

⁹² Там же. Л. 51.

⁹³ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Приказы за 1942 год. Т. 193 (Инв. № 45). Л. 11.

⁹⁴ *Лекарев Станислав, Крамар Владислав*. Шпионы по ленд-лизу // Независимое военное обозрение. 2004. № 6. 20 февр.

⁹⁵ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

⁹⁶ Там же. Приказы за 1942 год. Т. 189 (Инв. № 47). Л. 63.

⁹⁷ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Арх. № 8357. Дело № 17. Спецсообщения, докладные записки и другие материалы, УНКГБ Архобласти, возвращенные из Арх. обкома ВКП(б). Т. 1. Л. 63–65.

⁹⁸ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ ЦА ФСБ России. № 1814.

¹⁰¹ *Диланян П.П.* О некоторых вопросах борьбы органов госбезопасности СССР с разведывательно-подрывной деятельностью американской и английской разведок. Академия ФСБ РФ. Москва, 2009.

Содержание

Предисловие	4
Ленд-лиз на советском Севере	6
Архангельск – город прифронтовой	9
Шпионы по ленд-лизу	41
Персона нон грата.....	83
Место встречи – Интерклуб	88
Архангельские «крокисты» в период ленд-лиза	112
Биографический справочник	131
Используемая литература.....	146

Александр Евгеньевич Мосеев

«КРОКИСТЫ» ПРОТИВ СОЮЗНИКОВ

Архангельская контрразведка
в период ленд-лиза

В книге использованы фото из архивов автора, Ю.А. Барашкова, музея, РУ ФСБ Арх. обл., родных участников событий, из открытых источников, сети Интернет

Технический редактор *Е.Ю. Назарова*
Дизайн *А.В. Бобров*
Компьютерная вёрстка *Н.А. Ермакова*
Обработка фото *Д.А. Барсегян*
Корректоры: *Ю.С. Кузнецова, Н.А. Низовцева*

Подписано в печать 07.06.2012. Формат 70×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 9,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 306

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru